

18+

олег моисеенко

МЫ

л ю д и...

Олег Моисеенко

Мы люди

«Издательские решения»

Моисеенко О.

Мы люди / О. Моисеенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511402-0

В этой истории о Великой Отечественной войне вы не найдете эпических баталий и громких имен полководцев. Вместо этого весь трагизм и стылый ужас тех событий очень тонко и камерно передан через повседневную жизнь обитателей белорусской деревни, которым каждый день приходится решать непростые моральные вопросы, бороться за существование и пожинать горькие плоды войны. Книга помогает понять, что любая война — это гигантская человеческая катастрофа, которая никого не щадит и не обходит стороной.

ISBN 978-5-00-511402-0

© Моисеенко О.
© Издательские решения

Содержание

Книга первая	6
Часть первая	6
Часть вторая	40
Часть третья	57
Часть четвертая	64
Часть пятая	79
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Мы люди

Олег Моисеенко

*Моим родным и близким, выжившим и павшим в той войне,
посвящается*

Редактор Сергей Ким

Корректор Светлана Иванова

Дизайнер обложки Клавдия Шильденко

© Олег Моисеенко, 2020

© Клавдия Шильденко, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-1402-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга первая У развилки дорог

*Не потому ли постигли меня сии бедствия, что нет Бога моего
среди меня.
Старый Завет*

Часть первая

1

В доме еще стояли сумерки. На маленьком стульчике Степан старательно разглаживал холщовые онучи и затягивал свитые им со вплетенным конским волосом тонкие веревки лаптей. Он собирался раненько пойти на дальнее болото в делянку косить сено. Ходу до делянки часа два – дорога не близкая. Жена уже доила корову. Степан начал складывать себе еду на день в домотканую сумку, которую сшила ему Арина. Взял сало, коровьего масла, два яйца и поставил бутылку, чтобы налить свежего парного молока. Хлеб сложил с пирожками, которые вечером испекла жена. Косьба, как и всякое другое дело, для Степана была не в тягость. Пришло время косить, и он ощущал радость и потребность сделать эту работу. Собирая нехитрый обед, промелькнула мысль об Арине: это же она сварила яйца, испекла пирожки и вложила масло между кусками хлеба – и на устах Степана появилась улыбка. На косовице нужны силы.

Степан вышел во двор. Были слышны удары струй молока в сарае о подойник и с лязгом пуги – длинного хлыста – крики пастуха в начале деревни:

– Выгон-я-я-й. Выгон-я-я-я-й.

Где-то на западе в стороне районного центра что-то ухнуло. Прислушался – как будто раскат грома. Посмотрел на небо. Дождя ничего не предвещало. Арина несла полный подойник молока и выгоняла из сарая корову со словами:

– Иди, Милка, иди на пашу.

Степан подошел к корове, погладил ее по шее, она остановилась. Ласково похлопывая корову по боку, выгнал ее на улицу. К дому подходило деревенское стадо.

– Куда ты пошла, от чтоб тебя! – кричал пастух на рыжую соседскую корову, которая, как только выходила на улицу, сразу норовила боднуть другую корову и побежать вперед. Таков был ее норов. За это ей часто попадало, но она была поводырь всего стада: куда ее направит, туда и остальные пойдут.

– Степан! Как будет погода, что-то гремит или ухаёт, никак не пойму.

– Да, должна быть сегодня хорошая погода. Косовица, погода нужна. А ухаёт – может, в районе военные маневры какие проводят.

Степан пошел в дом. Забрал сумку с едой. Взял косу, которую наклепал с вечера, и подошел к калитке. Арина стояла на ганочках и смотрела вслед.

– Ты не будь до темна.

И знал, как только будет выходить, она перекрестит его в дорогу. От этого становилось на душе спокойней и радостней.

Почти все деревенские были на болоте, что находилось на самой границе района – там был основной сенокос. Чтобы не тратить время на дорогу, выезжали на несколько дней с ночевкой. Ехали косари, все кто помоложе: мужчины, женщины и, почитай, вся молодежь. Оста-

вались в деревне старики, больные, которые присматривали за малыши детьми, за двором и хозяйством, да подростки. Пошли всходы картошки. Надо было ее бороновать и распахивать, а это работа как раз для подростков.

На болоте организовывали питание и быт. Люди любили это время и с охотой ехали на сенокос. Выезжали на подводах целым обозом. Тут были и водовозки, и кухня, и настилы для шалашей, и много чего нужного и необходимого для жизни. В этом году покос был хороший, да и урожай должен быть неплохой. В мае после посевной прошли дожди. Было тепло, без суши. Стояла погода деликатная, как любил говорить председатель колхоза.

Степан тоже выехал на косовицу. Но вчера отпросился у бригадира.

– Иван, надо помочь Алесе сена накопить. Кто ей поможет, хлопец еще малый, а младшей всего три года. Разреши, Иван. Я отработаю.

Кому-кому, а Степану трудно отказать. Если совет нужен или смастерить что-то, в кузне что-то выковать, замены в этом деле Степану не было. И никогда не отказывал. Мог сказать, сделаю через день или там к концу недели, и делал. Делал добротнo с любовью. Сделать что-то простое, нужное так для одного раза, Степана было просить совестно.

– Иди, Степан. Ты когда вернешься?

– Буду через день.

– Степан, сегодня две подводы едут за продуктами, подвезут.

– Спасибо, Иван.

Когда Степан отошел, бригадир прокричал вдогонку:

– Степан, зайти в кузницу, там телегу оставили, посмотри, что с ней и можно ли ее отремонтировать? Да загляни, как там распахивают картошку.

– Хорошо, Иван!

И скорым шагом пошел к конюшне, так называли на стане отгороженное жердями стойло для лошадей и телег, возов и повозок. К заходу солнца приехали в деревню. Степан сразу надумал зайти до Алеси. Алеся собиралась доить корову. Дети были дома.

– Здравствуй, дочка.

С тех пор как пришли в сваты, Степан назвал ее дочкой и по-другому не называл.

Алеся была сирота. Жила у тетки, звали ее Варвара, а в деревне и близлежащей округе – Варка. Ее хатка, небольшой гумно-сарайчик и малюсенькая баня, огороженные плетеным забором, стояли у самого леса. Тетка и жила лесом. Знала его и любила. И если кто в деревне заболел с детей или взрослых, бежали к тетке Варваре. Она расспрашивала, что болит, когда заболел, случилось ли чего в доме. Слушала и что-то думала. Потом в сених искала травы и шла к заболевшему, разговаривала с ним, объясняла, как нужно готовить отвар, когда пить, и читала про себя молитву. Как ни странно, многие выздоравливали. Иногда говорили, что она колдунья. Детей у нее не было. Алесю она взяла к себе после несчастья, которое произошло с ее матерью... Жили они скромно. У них всегда было чисто и аккуратно. В доме стоял тонкий аромат трав, в разное время разный. С теткой Варварой Алеся в основном проводила время в лесу, потом пришла пора идти в школу. Учеба ей давалась легко. Была девочка общительной, старалась всем помочь и выполняла всякую работу. Степан увидел ее первый раз, когда приболела Арина. К ним пришли Варвара с Алесей. Тогда и подумал он, хорошая будет мать и хозяйка, а если полюбит мужа, то навсегда. Может, это судьба Антона? Степан видел в сыне много своих черт, но тот был молчун, и редко у него проявлялись веселость и удаль. «Серьезный у тебя сын, Степан, – говорили односельчане, – только не женится он сам, а женит на себе какая-нибудь верхивостка». Степан своим житейским опытом знал, что многие хотели, чтобы их дочь вышла замуж за Антона. Только рано еще ему жениться, так он говорил, когда речь заходила о сыне, пусть еще учебу закончит да в армии послужит. А сын закончил педучилище, ушел в армию, служил артиллеристом.

Случилось так, что только запахло весной и появились первые проталины, Арина заболела. Она начала лечиться своими средствами, но не помогало, появилась температура, и Степан, не спрашивая жену, пошел к Варке просить помощи. Зашел на ее двор, полюбовался порядком, но и заметил, что не хватает здесь мужской руки. Варка как-то говорила о бахилах к весне, Степан их принес. Долго не задерживался, рассказал, что Арина приболела, и просил Варвару, если сможет, зайти. Вошла в хату Алеся, Степан встал и поздоровался с ней, почему-то смущаясь. Начал говорить, что принес бахилы, они сейчас, когда начинается грязь, очень будут нужны. Алеся с улыбкой, наклонив голову, поздоровалась со Степаном и ничего не отвечала, Степан заторопился домой.

Варка с Алесей пришли назавтра, как только закончили домашние работы. Степан увидел их еще издали. А может, не к ним, мало ли к кому может идти Варка, но заворачивали на их край улицы. «Значит, к нам», – подумал Степан и пошел звать Антона, на ходу придумывая ему занятие. Сладилось тогда задуманное, а по деревне пошли разговоры: вот везет же Степану, сын такую жену себе взял, и красивую, и хозяйскую, и приветливую.

2

Степан пошел по тропинке за огородами. Край солнца показался из-за леса. Степан заулыбался. Он любил этот момент, который каждый раз проявлялся по-разному. От радости на душе Степан улыбался, и на ум приходили слова «по плечу молодцу все тяжелое, не боли ты, душа, отдохни от забот, здравствуй, солнце, да утро веселое». И про себя говорил: «Здравствуй, солнышко». И снова улыбался. Это был заряд жизненной силы, которая как бы поднималась по спине. Так встречать солнце Степан стал уже, когда перевалило за сорок. В избе-читальне возле сельского совета был организован всеобуч, для такого дела прислали в деревню учителя. Туда, как легла зима, начал ходить Степан. Он очень уважал учителя, который был уже в годах. На первом уроке, на котором присутствовал Степан, учитель читал стихи. Он читал одно стихотворение так вдохновенно, что у Степана побежали по спине мурашки. Он рассказывал о солнце, говорил, что солнышко – оно живое, что светит для всех. Только каждый по-разному его воспринимает и относится к нему. Слушали его внимательно. Про солнце, про свет объяснил он для Степана на всю жизнь. Станный учитель, или как его еще называли – наставник, ходил по лесу, по полям и, что было удивительное, сам с собой разговаривал. Вот остался он в памяти со словами «Здравствуй, солнышко!». Тропинка шла мимо кузницы. Она стояла у развилки дорог. Шлях вел на восток через деревни к Днепру. А на юго-восток дорога вела аж в Киев. Подошел к кузнице. У входа стояла кем-то разбитая телега. «Где так можно было ее покалечить?» – пронеслось осуждение у Степана. Вспомнил разговор на косовице, как братья Кирики напились, загнали лошадь и врезались в высокий придорожный пенё. Теперь понятно, почему так разбита телега. Работы будет не меньше, чем на день. Вышел на дорогу и споро зашагал по узкой тропинке, которая вилась вдоль дороги. Мысли Степана были невеселые. Когда оставался один, они возвращались к сыну. Незаметно для всех и как гром среди ясного неба пронеслась весть по деревне, что Антон оставил семью и куда-то уезжает. Чувство Степану там, в глубине души, подсказывало, что так надо. Но разум, слезы Арины, взгляд Алеси заталкивали это чувство далеко вглубь. Вошел в лес. Степан любил и понимал лес. Бывало, рубил дрова, но это, как он говорил, прореживал заросли, аккуратно складывал ветки в ловжи и почти всегда их сжигал. Прошлой весной поехал к лесникам и выпросил у них посадочный материал, как они называли маленькие сосенки, и вместе с внуком посадил их вдоль песчаника. На удивление все маленькие саженцы принялись. А еще в детстве с отцом они в бору недалеко от дороги смастерили сруб для колодца и начали вокруг его окапывать землю, так и оседал он венец за венцом. Непростое это оказалось дело. Получилась яма в рост отца, землю в колодце подкапывал Степан, а отец вытаскивал ее ведром, так и садился сруб, пока не пошла

вода. Закончили они работу на третий день. Сруб был чуть выше земли. На три бревна. Смастерили из бересты воронку, приладили ее к длинной орешине – и получился черпак. Вода была чистая и вкусная. Уже сколько лет прошло, а колодец стоит и редко кто летом пройдет мимо, не испив водицы. И сейчас Степан подошел к колодцу. Черпаком набрал воды, поднес ко рту. Всегда от нее кружилась голова, еще так было, когда ранней весной пил березовый сок из самодельных корытцев. Сел на скамейку, сооруженную из бревен, и сделал несколько глотков воды, испытав радостное головокружение. Он прошел полпути до болота. Захотелось отдохнуть, хотя раньше этого чувства не было: то ли годы брали свое, то ли день такой. Сидел не долго, встал и зашагал, отгоняя воспоминания о сыне.

3

Чем ближе Антон подъезжал к Уралу, тем чаще возникала и долго не выходила из головы эта мысль: «А может, напрасно так сделал». Вспоминались дети, их голоса и улыбки, их забавы, и возникал в мыслях образ Алеси.

Первый день у родственников по материнской линии прошел в расспросах и разговорах и закончился неожиданно простым вопросом о том, что Антон собирается дальше делать. А что делать, ясное дело, надо устраиваться на работу. А куда и как – и опять пошли разговоры, но больше жизненные и необходимые в таких ситуациях. В конце было решено: надо завтра идти становиться на военный учет, а после искать работу. В городе рабочие руки нужны были, как выразился дядя Антона, «позарез». В военкомате его принимал земляк-белорус, начались расспросы, нашли общие и знакомые места, где бывали. Антон рассказал кратко свою историю, и пожилой военспец неожиданно предложил ему пойти в армию.

– Сейчас очень нужны командиры, а у тебя начальная военная подготовка есть. Да занят будешь, некогда будет вспоминать и грустить.

Антон тут же согласился.

Он думал, что призовут его месяца через три-четыре, но уже на четвертый день принесли повестку из военкомата, он призывался на военную службу, и ему предписывалось на следующий день прибыть в военкомат.

И вскоре он, коротко остриженный, уже ехал с такими же молодыми ребятами в кузове полупортки в энскую часть, где готовили командиров артиллеристов.

Жизнь Антона приобрела другую направленность и другой смысл. Прежняя служба в армии и учеба в педучилище помогли быстро освоить премудрости артиллерийского дела. Все занятия проводились только по специальности, и вскоре он в числе первых уверенно показывал свои умения и навыки. Готовились к боевым стрельбам. Антону было поручено управлять стрельбой их батареи. На самой вершине пригорка, где росли могучие сосны, собрались и расположились полукругом командиры и преподаватели. Должны были проводиться боевые стрельбы по различным целям. Километров за пять от пригорка была развернута их батарея, а в траншее расположился взвод управления, где были командиры-артиллеристы, которым определялась цель и отводилось время для ее уничтожения. Здесь же была развернута пушка с закрепленным карабином на стволе, которой можно было имитировать стрельбу по танкам прямой наводкой. Какая кому определена цель, да и что за цель, обучаемые не знали. Изрядно волновались и переживали все, и командирам-преподавателям приходилось успокаивать и отвлекать своих подчиненных, чтобы те «не перегорели». Их батарея – это четыре 122-мм гаубицы, только что полученные с базы, и вот предстояло им, наспех обученным командирам, показать их мощь. Все затихло, ожидали команды. Первая задача была поразить пехоту противника в траншее.

– лейтенант Крюков!

– Я! – по-военному четко ответил Ваня Крюков, товарищ по койке Антона.

Руководитель стрельб дал ориентиры цели, которую нужно было обнаружить и поразить.
– Цель вижу, – прозвучал уверенный голос Вани.

Он находился в траншее метрах в пятнадцати от Антона, всматривался в бинокль, помечал что-то на планшете, чертил карандашом. Быстро бежало время, и прозвучала его команда:

– Второму... – дальше шел набор необходимых команд для стрельбы, и, наконец, прозвучало заветное слово: – Огонь!

Было слышно, как снаряд прошелестел в вышине, и вдали, где была вырыта траншея условного противника, раздался взрыв. Он получился с небольшим недолетом, и тогда Ваня что-то рассчитал, и снова прозвучала команда:

– Батарея, веер, огонь!

Ваня выбрал самое сложное решение задачи – поражение противника на рикошетах, когда снаряд отскакивал от земли и разрывался над траншеей.

Батарея стреляла слаженно, и взрывы получились впечатляющими и завораживающими – над траншеей образовалась темная туча осколков. Батарея выпустила три снаряда.

– Стой, цель поражена, – прозвучала команда руководителя. Там, где сидели преподаватели и командиры, раздались аплодисменты.

Вдруг прозвучала команда, и Антон услышал свою фамилию. Он весь напрягся, ответил: «Я!» – и приставил к глазам бинокль. Послышался голос руководителя:

– Ориентир третий, левее два, пулемет противника, поразить.

Бинокль чуть дрожал в руках, вот он, ориентир, левее, ага, здесь.

– Цель вижу!

Дальше вокруг все перестало существовать. Подавал команды, засек первый разрыв снаряда, сделал пересчет и дал команду «огонь», опять засек разрыв, значит, вилка, можно давать на поражение. Уточнил данные и снова команда:

– Три снаряда беглый, – резко скомандовал: – Огонь!

Прозвучала команда руководителя:

– Стой! Стрельбу закончить! Цель поражена.

Руки немного дрожали, над бровями был пот. Значит, справился. И вдруг опять услышал свою фамилию, ответил:

– Я!

– К орудию. Цель танки, – доносился знакомый голос руководителя стрельб.

Сорвался со своего места и, пригибаясь, по траншее побежал к тому оружию, которое имитировало гаубицу при стрельбе прямой наводкой, а вдалеке тянули обтянутые марлей проволочные макеты танков. Подбежал к оружию, возле него находился расчет. Старший доложил, что карабин заряжен и готов к стрельбе. А команды не было. Антон посмотрел назад на руководителя, было видно, что и тот волнуется. И вдруг услышал:

– Танки уничтожить!

– Есть! – уже прокричал он, когда приник к прицелу. Давать команду наводчику времени не было. Макеты могли скрыться за лесочком, и тогда прощай. Откуда взялась его команда, он вспомнить не мог, на занятиях им рассказывали, что когда цель движется и дальность небольшая, надо давать упреждение на срез ствола. Он за наводчика наводил орудие, и когда уже оставалось макету до укрытия метров тридцать, подал команду:

– Внимание, – и резко: – Огонь!

Прозвучал выстрел карабина, выпущенная трассирующая пуля подожгла в задней части макета материю, и там возникла вспышка. «Молодец», – послышалось с пригорка, руководитель стрельб объявил, что цель уничтожена. Антон смотрел, как уходит пораженный им макет, думал: «А если это не один танк, и шел бы на него...»

Были на тех стрельбах и неудачи и казусы, но в целом их оценили как успешные, Ваня и Антон показали себя с лучшей стороны и через несколько дней получили назначения командирами батарей. Антон был направлен в дивизию, которая заканчивала формирование.

4

Косилось легко и в радость. Эти места Степан любил, раньше рос здесь чарот да разная трава, непригодная ни для еды скоту, ни для подстила. Три раза на год косил Степан эту делянку, сносил траву к кустам, и там она и пропадала, а на третий год получился хороший покос сена. Забирать его можно было только зимой на санях, когда замерзло болото и ложился снег. В стогу сена получалось саней трое. За один день и не вывезешь. Да и зимний день таков, что не успеет солнце выглянуть, как уже садится. Этот покос ложился густыми валками, косу к концу взмаха надо было дотягивать всем корпусом. Перекусить Степан сел, когда солнце перевалило далеко за полдень. Достал сумку, расстелил льняное полотенце, которое положила Арина, и с аппетитом съел сала и выпил бутылку молока. Прилег под березой на скошенной траве, но лежал не долго, Арина просила прийти домой пораньше, да закончить косить надо сегодня, другого дня не будет. «А может, зайду еще на картофельное поле посмотреть, как там пацаны обработали его», – наметил такой план себе Степан. Но получилось так, что к деревне он подходил, когда уже садились сумерки. За кузницей на конюшне стояло несколько телег, за изгородью паслись почему-то лошади. Степан встревожился, что бы могло случиться, и он по тропинке за огородами зашагал быстрее к дому. В доме соседа была суета и раздавались громкие голоса. Арина стояла у крыльца, вытирая кончиком повязанного на голове платка слезы, и, видно, уже давно его ждала. Степан понял, что случилась беда. Она заплакала и подошла к мужу.

– Война, Степан, – и заплакала громче. Степан обнял Арину за плечи. В ногах появилась слабость, хотелось сесть.

– Как война? – только и мог сказать.

– Часть людей приехали с сенокоса и говорят, что завтра принесут многим повестки, призывают в армию и сразу говорят на фронт. Ночью бомбили районный центр, побило людей.

Сколько событий за один световой день! Степан сел возле крылечка. Все было тем же, и все уже было другим. Сразу вернулась мысль к сыну, где он. Если война, то он будет скоро на фронте, а может, когда перебросят с Урала, все и закончится. Арина села рядом и показалась такой беспомощной и слабой. Как-то Степан не замечал раньше, что они уже не такие молодые и сильные. А сейчас ощутил это. Арина взяла его за руку и тихо заплакала. Она тоже думала о сыне, о надвинувшейся беде, и слезы капали помимо ее воли.

– Даст бог, все образумится, надо жить, Арина, – и вслух высказал свою мысль: – Пока их с Урала перебросят, может, все и закончится.

– Дай-то бог.

Назавтра по мобилизации мужчины и ставшие взрослыми молодые парни уезжали в район. Было шумно, но как-то грустно. Люди уходили на войну. Степан провожал своего крестника.

– Вот попляшут коммуняки, пришел им конец, – неслось от изрядно выпившего старшего Кирика.

– Что ты мелешь? Война! Всем достанется: и коммунистам, и нам, больше всего нам. Вот сейчас уйдут. А вернутся ли? А косить кто будет? А убирать? А детей годовать как? Был ты болтун и несерьезный человек, таким и останешься. Тебе бы залить свои зенки. Иди, злыдень ты, – отчитала баба Фрося старшего Кирика. – Горе на дворе, – закончила она.

Были речи, но их слушали невнимательно, с выкриками, а то и смехом.

– Давай, отправляемся, – подал команду председатель колхоза.

И пошел плач, и причитания, и голос гармони, и просто молчание, и тоска. Кто постарше, поклонились друг другу, произнося прощальные слова с комком в горле: «Прости, что не так». Перекрестила своего сына и мать крестника Степана и долго смотрела, как отъезжали подводы с людьми. Уезжало много. Почти все, кому уже исполнилось девятнадцать. Слезы, причитания, а порой и крик долго еще стояли над деревней. Подводы скрылись за поворотом, и их провожали молодые парни да подростки, чьи отцы или братья, еще не чувствуя беды и горя, удалялись от них. Храбрились они, но и что-то было, от чего подступали слезы. «Возвращайтесь», – были слышны несмелые голоса. Деревня опустела.

5

«Когда оно все было, а вот тебе дочь школу закончила, так и невестой скоро станет, а там внуки, и ты уже, Петр Петрович, дед», – такую рисовал себе картину первый секретарь райкома партии, возвращаясь уже почти ночью из Заречья. Он собирался туда попозже, а получилось так, что надо было срочно выезжать. Начальник Гороховского районного отдела НКВД показал Петру Петровичу письмо от зареченского жителя, который жаловался на председателя колхоза, обзывая его бабником, писал, что председателя, бывает, целый день не могут найти, пока он развратничает, упоминалась в письме доярка с фермы, которая ведет себя как самый большой начальник. Муж доярки пригрозил председателю, что он его подстережет и искалечит. Председатель был коммунистом, и такое письмо могло иметь неприятные последствия для районного начальства. Петр Петрович с районным начальником НКВД Федором Миновичем Фурмановым был в хороших отношениях, не сказать что дружеских, но они старались не скрывать друг от друга, как говорил председатель райисполкома, чувствительные вопросы. Это была информация чувствительная, и надо было принять экстренные меры, чтобы разрядить обстановку в Заречье. Петр Петрович поблагодарил Федора и сказал, что завтра же он туда выезжает.

Неприятная была поездка, но она оказалась полезной и поучительной. До Заречья километров сорок, дорога строилась, большую ее половину уже выложили булыжником, она проходила мимо сел, и проехали по ней быстро. Таких дорог за прошлый год построили две, и должны построить еще три в нынешнем, это радовало Петра Петровича – как ни крути, тут есть и его заслуга, думал он и улыбался. Дальше ехали по старой дороге, разбитой телегами, на которых с пристани возили булыжник. Разъехаться при встрече таких телег было просто, приходилось кое-где буксовать при съезде на обочину. Возницы – в основном молодые парни, – завидев машину, слезали с телег и погоняли лошадей, которые с натугой тянули нелегкий груз. Так незаметно подъехали к Заречью и сразу стали искать партгрупорга партийной ячейки колхоза. Петр Петрович нашел его в конторе колхоза, куда тот забежал перед отъездом на покос, беседовали долго, но партгрупорг что-то недоговаривал, уводил разговор в сторону, видно было, что председателя он покрывает или сильно его боится. В дальнейшем с кем ни заводил речь Петр Петрович о колхозных делах, о председателе, разговора не получалось. Это обеспокоило первого секретаря райкома, он заехал на ферму и встретил там заведующую фермой, он нее-то и услышал о председателе очень многое: и почему доярки уходят с фермы, и почему надои невысокие, было сказано и о доярке, которая ведет здесь себя как председатель колхоза. Была пора сенокоса, основной покос лежал в пойменных лугах и, по словам партгрупорга, ударные силы колхоза были там, туда же с утра убыл председатель. Тот оказался там, где стоговали сено: наравне со всеми в нательной отбеленной рубашке кидал сено вилами. Увидев подъезжающий газик, Гаврила Иванович воткнул вилы в копну сена и направился навстречу машине. Вокруг Петра Петровича собрались люди, и пошли разговоры о простых крестьянских делах, погоде, будущем урожае и завершении сенокоса. Разговор получился деловой и, можно сказать, радостный для собравшихся, видно было, что люди старались работать, и это

приносило им уверенность, что в будущем будет еще лучше. Беседу своим зычным голосом прервал председатель:

– Да так сенокос мы до жатвы не закончим, давайте за работу, товарищи.

Петр Петрович, почувствовал себя как бы виноватым в том, что оторвал от дела, и смягчил пыл председателя, поблагодарив стоящих вокруг него вспотевших мужчин с вилами и носилками, женщин, опирающихся на грабли, и подростков, стоявших в стороне, за их важную и важную для колхоза и страны работу. Обсуждая состоявшийся разговор, люди стали неспешно расходиться, а Петр Петрович пригласил Гаврилу Ивановича отойти в сторонку и поговорить. Он говорил жестко и кратко, сказал о письме, разговорах о его амурных похождениях и в конце, не дав сказать ни слова председателю, заявил, что не даст порочить коммунистов их партийной ячейки и района, а если будет такое продолжаться, то придется вопрос поставить ребром. Пожал руку председателю, повернулся и пошел к машине. Гаврила Иванович, опустив голову, шел за первым секретарем райкома до его машины. Он хотел, чтобы Петр Петрович дал ему возможность сказать несколько слов в оправдание, да и в глазах людей, которые вокруг с любопытством наблюдали за разговором, он оставался бы председателем колхоза. Петр Петрович остановился у машины, и когда председатель подошел к нему, похлопал его по плечу и уже, чуть улыбаясь, сказал, что надеется, что все уладится. Ох, как оно уладилось через сутки, уладилось и уладило. Гаврила Иванович был призван в военкомат и направлен спешно на обучение артиллерийскому делу, получил звание сержанта и в составе артиллерийского дивизиона встретил немецкие танки под Могилевом. Тяжелораненого, его успели эвакуировать в госпиталь, и в первых числах декабря их артиллерийский дивизион, где он был командиром орудия, стрелковый полк, усиленный танковым батальоном, бросили на стык двух наших армий, чтобы не дать прорваться немецким танкам к Москве. Они выполнили свою задачу, там, в братской могиле, был похоронен сержант Гаврила Иванович Прошкин, в прошлом председатель зареченского колхоза.

Петр Петрович, несмотря на такой неприятный разговор с председателем колхоза, домой возвращался в настроении, у него было ощущение, что этот житейский эпизод скоро забудется, а там все будет как-то по-другому. Он вспомнил, что жена ему уже несколько дней напоминала, что у дочери выпускной вечер, будут вручать аттестаты об окончании школы, там будут все родители, и им бы не мешало посмотреть на дочь и поддержать ее. Дочь накануне подошла к нему и тихо так сказала: «Папочка, милый, не приходи на выпускной, только испортишь все, будут бегать вокруг тебя и забудут про нас, очень прошу тебя, не ходи, только маме не говори, что я просила». Петр Петрович обнял дочь и пообещал что-нибудь такое придумать, чтобы не испортить ей праздник, вот жизнь сама и определила, где ему быть в этот день. А как дочь описала его посещение школы, так оно и было бы, и ему пришлось бы уточнять, какие есть проблемы, что можно сделать для школы, говорить слова. Сказать о районе, конечно, есть что, вот и в Заречье, к примеру, люди стали более открытыми, светлыми, что ли, да и живут они уже по-другому. Машина ехала по знакомой улице городка, где он был, можно сказать, хозяином, на котором лежала непростая ноша ответственности за живущих в нем людей, их будущее, их мечты. Рано утром Петру Петровичу позвонили из райкома и просили срочно приехать по важному и неотложному делу. Он выпил чая и сказал жене, что скоро вернется, пусть готовит праздничный стол.

«Утро как утро, и что бы могло случиться, что за спешка, последнее время шли разговоры о войне с немцами, но это не сейчас, а попозже, когда подготовимся». Но чем ближе он подъезжал к зданию, что находилось в самом центре городка, тем тревожнее и беспокойнее себя ощущал.

Черета событий нарастала комом, они накладывались друг на друга, и те, что казались утром очень важными, к вечеру могли казаться забытыми и пустячными. Уже была проведена мобилизация и отправка призванных по предписаниям, из нескольких колхозов началась эва-

куация лошадей и коров, спешно вывозился семенной фонд зерна, готовился к взрыву элеватор – и такие задания шли непрерывным потоком. Надо было подготовить две партизанские группы, однако вышло так, что смогли собрать одну из шести человек. Пошли разговоры, что скоро здесь будут немцы, на шестой день войны ему вечером позвонил секретарь обкома и сказал, чтобы готовил срочно архивы к уничтожению, а часть – сам знает, какие документы, – необходимо не откладывая вывезти в соседний областной центр. Спросил о семьях руководства района, а в конце добавил, что семьи надо отправить крайний срок завтра, потом будет поздно. До этого пришла срочная телеграмма из обкома о том, что требуется обеспечить эвакуацию оборудования строящегося метизного завода, за выполнение которой отвечал лично первый секретарь райкома. За полтора суток надо было часть оборудования демонтировать, все свезти на станцию, поставить вагоны и загрузить, в последний момент пришлось уточнение отправить специалистов завода с их семьями с этим же составом. Получалось, что часть семей партийных и советских работников оставалась еще в городе, надо было их тоже срочно вывозить. Когда поставляли вагоны для отправки семей рабочих с завода, Петру Петровичу удалось договориться с начальником узловой станции подцепить еще один пассажирский вагон. Вот в него-то и должны были загружаться семьи эвакуируемых. Поздно вечером Петр Петрович заехал домой, и улицы, и дом, и квартира – все было другим, каким-то далеким и нереальным. Жена встретила его со слезами и стала рассказывать, что дочь рвется в военкомат, а сын заявил, что никуда не поедет и останется здесь, будет партизаном. Дочь стала говорить, что немцев скоро разобьют, а она, комсомолка, останется в стороне, что из их класса несколько человек уже убыли на учебу в военные училища. Петр Петрович молча слушал расстроенную жену, раскрасневшуюся, с широко открытыми, полными слез глазами дочь и вдруг понял, как они далеки от того, что происходит вокруг, но так же, наверное, думают многие другие, может, он так постарел, что ничего не понимает. Он сел на стул и, глядя в пол, произнес:

– Завтра-послезавтра здесь уже будут немцы, – потом помолчал и добавил: – По их приказу коммунисты и их семьи подлежат аресту и немедленному расстрелу.

Стало тихо, семья с удивлением смотрела на отца, который по их понятиям был таким умным и сильным, а сейчас показался им беззащитным, сникшим, каким-то маленьким, за несколько мгновений мир перевернулся и стал другим. Петр Петрович встал, провел рукой по волосам, будто причесывая их, и вновь стал похож на прежнего себя. Он предложил немедленно собрать все необходимое, завтра рано утром их отвезут на станцию и погрузят в вагон, состав отправляется около шести часов, времени мало, а у него еще много дел. Жена перестала всхлипывать, к ней вернулась прежняя смекалка и женская сила, способная в критическую минуту подчинить себе окружающих и все делать с проникновением и продуманностью. Часа через три все было уложено, и Петр Петрович уехал на станцию, где продолжалась погрузка.

Своих он встретил там же, когда их посадили в вагон. Отправка состава задерживалась, вокруг были суета, крики и плач, несколько железнодорожников пытались грузить какие-то громоздкие вещи, чемоданы, рядом бегала жена их райкомовского работника, увидев Петра Петровича, она заулыбалась и начала объяснять, что вещи эти очень нужные и дорогие. Его жена и дети стояли у открытого окна вагона и сдержанно улыбались. Когда Петр Петрович подошел к окну, жена протянула ему руки, они показались ему такими маленькими и милыми, что сдавило горло. Он взял их и стал гладить, у жены капали слезы радости и любви. Дочь неожиданно схватила руку отца и, сжимая ее, быстро заговорила:

– Папочка, ты не бойся за нас, мы тебя будем ждать. Очень сильно будем ждать, – и заплакала. Плакала и жена, сын смотрел в глаза отца и тоже с трудом сдерживал слезы, и хриплым голосом произнес:

– Приедем на место, и я сразу запишусь в партизаны, ты, я знаю, остаешься партизанить, – потом глотнул и произнес: – Может, там и встретимся.

Кто-то громко звал Петра Петровича, он быстро наклонился к окну, поцеловал жену, дочь, крепко сжал руку сыну, потом отстранился и не оборачиваясь побежал на зов. Через несколько минут состав тронулся, первый секретарь райкома спешил на последнее заседание бюро райкома партии. Возле машины его поджидал Федор Минович, он был встревожен и, увидев Петра Петровича, пошел ему навстречу. Петру Петровичу он показался растерянным и испуганным, они отошли в сторонку, где Федор сразу стал говорить, что заседание бюро надо отменить, сейчас не время, из военкомата еще не вывезены все документы, куда-то пропал прокурор района и в прокуратуре ничего не делается, а самое страшное – ему доложили, что недалеко от районного центра прошла колонна техники и машин с немцами, вблизи наших военных частей нет, созданный небольшой истребительный отряд, вооруженный винтовками, сейчас ведет разведку. Петр Петрович сразу предложил ехать в райком, может, там есть другие сведения. Только их машины подъехали к железнодорожному переезду, как его закрыли, мимо медленно проезжали загруженные платформы с оборудованием, в самом конце показались пассажирские вагоны. Петр Петрович выбежал из машины и вглядывался в мелькающие окна вагонов, увидел сына. Володя стоял у окна опершись двумя руками о стекло и смотрел на мелькавшие домики, дорогу, он хотел видеть отца, ему это казалось таким важным и необходимым, и он увидел, застучал ладонями по стеклу и пронзительно закричал:

– Папа-а-а!

Петр Петрович сделал несколько шагов за вагоном, поезд уже набрал скорость, и последняя платформа промелькнула мимо него. Крик сына долго стоял в ушах и будоражил его душу.

Здание райкома партии и райисполкома было полупустым, оно как-то потускнело и показалось жалким и запущенным, это удивило Петра Петровича. Внутри так же стоял милиционер, висели портреты Сталина и Ленина, но в гардеробной, где обычно оставляли кепки, картузы, шляпы, плащи, было пусто. С Федором Миновичем договорились встретиться через полчаса, а за это время узнать, что происходит. С соседним райкомом партии, где был большой районный центр – там располагалось несколько воинских частей и окружные военные склады, – связи не было, не отвечала и область. Позвонил военкому, тот сразу стал докладывать, что завершает вывоз документов, загруженная машина под охраной выезжает с минуты на минуту, всем военнослужащим приказано убыть в соседний областной центр, и он сейчас заедет попрощаться.

Петр Петрович прервал его и сказал, чтобы не задерживались и быстрее уезжали, пожелал счастливой дороги. Получалось, что военком о немцах ничего не знал и ему из области ничего не сказали. Это несколько успокоило Петра Петровича, он вызвал заведующего отделом партучета, который просил срочно его принять – он занимался формированием партизанской группы и делами подполья. Он доложил, что не утверждена кандидатура командира партизанской группы и ее окончательный состав, собирать ее уже времени нет. Заседание бюро райкома партии и должно было закрыть эти вопросы, поэтому требовалось как можно скорее его провести. Выслушав заведующего отделом, Петр Петрович поручил ему подготовить проект заседания бюро райкома партии, где бы был пункт о назначении командира партизанской группы и утверждении ее состава. Через час собралось почти все бюро райкома, прибыл Федор Минович и сообщил, что немцы захватили Минск, а возле Бобруйска идут бои. По неподтвержденным данным, по дороге, что вела к областному центру, что за Днепром, прошла колонна машин с немцами, ему поставлена задача обеспечить охрану при эвакуации работников ответственных партийных и советских органов, он будет готов к выезду к утру. В кабинете стояла тишина, которая затягивалась и давила на всех страхом, растерянностью и безысходностью. Первым заговорил Петр Петрович, он сказал, что из области никаких сообщений и указаний об эвакуации райкома партии не поступало, военком доложил, что им приказано убыть в соседний областной центр и они уже в пути. Надо действовать без паники, дожидаться сведений от разведки, еще раз проверить, что не уничтожено из архивов и важных документов. А потом он спросил, какие есть предложения о назначении командиром партизанской группы, и назвал

фамилии директора маслозавода и председателя колхоза из Калиновки. Обсуждения не получилось, кто-то сказал, что лучше будет директор маслозавода, поручили второму секретарю сформировать группы и проверить основные учреждения на предмет вывоза и уничтожения архивов, обязали всех находиться на рабочих местах и быть готовыми к эвакуации. Заведующий партучетом положил перед Петром Петровичем протокол заседания бюро райкома, где помимо эвакуации были пункты о партизанской группе. Он прочитал его и предложил для партизанской группы сделать отдельный протокол, сделать выписку и заверить ее подписями заведующего партучетом и уполномоченного НКВД. Заведующий партучетом переспросил насчет командира партизанской группы.

– А ты что думаешь сам, – глядя в глаза спросил Петр Петрович.

По мнению заведующего, лучше было бы назначить председателя колхоза, тот и леса знает, и с людьми работать умеет, а Коржевского порой понять трудно, не поймешь, чего он хочет. Петр Петрович представил калиновского председателя колхоза, чуть улыбочивого и располагающего к разговору, и согласился с предложением.

Партизанская группа, в составе которой был и его сын Владимир, должна была быть выброшена далеко в немецком тылу, однако самолет их обстреляли, и они прыгали с парашютами на лес в неизвестном месте. При приземлении командир, известный интернационалист и бесстрашный человек, сломал обе ноги. Володя тоже подвернул ногу, но с трудом мог идти самостоятельно. Они вышли к одиноко стоящей в лесу усадьбе то ли поляка, то ли чеха и там приводили себя в порядок, к ночи хозяин сбежал, и надо было ожидать немцев. Командир приказал собираться и уходить, нога у Володи тоже разболелась, он самостоятельно уже идти не мог, а только перемещался ползком. Было решено уходить в направлении, где они должны были встретиться с местными партизанами. К утру стало ясно, что за ними идут немцы и скоро их настигнут. Командир приказал остановиться, выбрал место, где его уложили, взял автомат, гранаты, назначил старшего и приказал всем уходить. Володя полулежал возле командира, которого он сильно уважал и, может, даже любил, вдруг понял, что и он не оставит этого человека одного да и будет сдерживать остальных. Володя прилег возле командира, снял автомат и произнес:

– Я остаюсь здесь, с командиром, идти быстро я не могу.

Командир посмотрел на Володю, в голове пронеслось: «Дитя, а такой взрослый».

– Ты так сам решил, я знал, что ты сильный и смелый парень и в тебе не ошибся. Давай поможем остальным.

Быстро попрощались, и восемь человек их группы скрылись в лесу. Командир подозвал Володю, сжал его руку, и в тот миг Володя вспомнил пожатие его руки отцом. Казалось, это было недавно, а как запомнился отец у окна и у дороги, только не пришлось им свидеться. Командир сказал, где ему лучше залечь и когда открывать огонь.

Немцы появились быстро, их овчарки, по-видимому, почувствовали людей, и рвались вперед. Командир стрелял короткими автоматными очередями, были слышны крики немцев. Они, похоже, не обнаружили, откуда стреляли, и стали продвигаться осторожно. В нескольких шагах от Володи неожиданно появились три немца, которые, пригнувшись, шли прямо на него, он дал длинную очередь, и они пропали из поля зрения, потом послышались выстрелы автомата командира, взрывы гранат. Володя два раза перекатился через спину, на руках подполз к толстой ели и снова увидел немцев. Опять послышались выстрелы со стороны командира, потом взрыв гранаты. Володя стал стрелять по приближающимся немцам, сколько продолжался бой, он не знал, у него оставалось мало патронов, болели бок и плечо. Он достал гранату и, собрав силы, приподнялся и кинулся с ней вперед, автоматную очередь, которая десятком пуль пронзила его тело, он уже не слышал, как и не слышал взрыва своей гранаты. Их группа достигла намеченного места, там развернулась в большой партизанский отряд, а потом и в бригаду, а назвали ее именем их командира группы. Партизаны совершили рейд в места

высадки группы и там узнали о последнем бое их командира и молодого партизана Владимира Петровича Шамшенкова.

6

Председатель собрал правление колхоза. Он вечером получил команду готовить в эвакуацию лошадей и стада коров. Надо было думать, кого отправлять и как. Вчерашние заботы показались такими незначительными, но возникал вопрос, как быть с сенокосом и урожаем. Только задача уже стояла другая. Кого отправлять с лошадьми? А коровы – их-то надо доить. Стадо коров и двухлеток-телят, собранных из двух ферм, двинулось на восток мимо кузницы в сторону Днепра. Позади шли три упряжки с различным скарбом для предстоящего нелегкого пути. Три лошади были привязаны к телегам, а на одной пастух подгонял стадо. Были здесь и подпаски и женщины, которые должны были варить еду и в основном доить коров. Председатель колхоза старшим этой разношерстной команды назначил Степана. Тот не сразу согласился на такую роль и только слова председателя: «Степан, так война же, молодые ушли на фронт», – заставили его прекратить этот терзающий душу разговор. Он понимал, что это его дело и никто лучше в это время не справится с такой задачей. Но, с другой стороны, а как же здесь, дома, кто заготовит сено, кто поможет Алесе? А когда назад-то?

На слова председателя колхоза ответить ему было нечего, и он, махнув рукой, дал согласие и тут же включился в подготовку к отправке стада, на это давался один день. Как ни готовился и ни продумывал Степан свой поход, но всего не предусмотреть. «Мимо людей будем идти», – так заключил Степан. Когда стадо тронулось в нелегкий путь, он пошел к дому. Арина в светлом, повязанном бабочкой платочке поджидала его у калитки. Увидев ее, Степан осветил лицом. «Какая у меня жена красавица», – подходя думал он, и на лице его появилась улыбка. Молча обнял ее, хотел прижать и поцеловать, но застеснялся людей и только сказал:

– Помогай Алесе, – повернулся и громко прокричал: – Давай пошли! – хотя стадо уже начало двигаться до его команды, и заспешил к председателю, который подъезжал верхом на лошади. Арина хотела что-то сказать, но остановилась и только украдкой перекрестила уходящего мужа. Долго стояла у ворот, видела, как председатель что-то объяснял ему, как они по-мужски обнялись и Степан заспешил догонять ушедшее стадо. Арина провожала его с легким сердцем. Была рада, что он может сделать такую работу. Она не сомневалась, что он вернется. Ей хотелось обнять Степана и, как тогда в молодости, еще до свадьбы, поцеловать его. От такой мысли покраснела и подумала: хорошо, что не видит Степан ее радостного лица, когда вокруг такое горе.

Когда стадо коров скрылось за поворотом, председатель колхоза начал организовывать отправку лошадей. Табун было решено гнать назавтра южнее коров в направлении на Орел, Курск, почти к Москве. С прогоном лошадей хлопот было меньше, и команда нужна была небольшая.

Дети Алеси любили тетку Варвару и часто ходили к ней. Бывало, Алесья занята делами, и тогда они оставались там на целый день. Она водила их в лес, недалеко, а старший Змитрок помогал ей по дому. Тетка Варвара в колхоз не вступила и считалась единоличницей. Последние дни тревожно стало ей, она привыкла жить одна, и в лесу и возле леса ее ничто не пугало. Уходя из дома, она накидывала щеколду на двери в сени и вставляла палочку, которая стояла тут же у двери и была гладко отполирована от длительного использования.

Дней через шесть-семь как проводили мужчин на фронт, Варка была в лесу, надо было собирать травы, подошла к поляне и хотела уже приступить к сбору, как услышала говор. Она остановилась и почему-то присела. На опушке поляны в кустарнике лежало несколько человек, о чем они говорили, не было слышно. Люди были в военной форме без оружия. Было похоже, что прятались. «Если наши, то зачем прятаться?» – думала Варвара. Раньше она бы подошла

к людям, приветствовала их и спросила, нужна ли помощь, а сейчас прилегла возле толстой и разлапистой сосны. Военные о чем-то громко спорили и вдруг замолчали, невдалеке пастух кричал на коров и ему вторил лай собаки, стадо гнали по домам для дневной дойки. Было жарко, коров донимали слепни, и они рвались к своим дворам в сараи. Военные лежали тихо, пока стадо не скрылось за поворотом дороги и не стихли крики пастуха. Потом встали и озираясь направились в сторону деревни. Варвара узнала их: все были деревенские, которых недавно проводили на фронт. «Почему они прячутся? – не покидала думка Варвару. – А кто же это четвертый?» И никак не могла вспомнить. В лесу продолжали петь птицы, которых, казалось бы, до этого не было слышно, вернулись все звуки леса. Варвара успокоилась, вышла на поляну и начала собирать травы. В это время в душе должна быть только радость, иначе трава будет без тех свойств, которые у нее есть. Связала траву в пучки и заспешила домой. Подходя к своей хатке, неожиданно ее пронзила мысль, так ведь началась война – и по телу пробежала мелкая дрожь. Надо сказать Алесе, чтобы меньше отпускала к ней детей. Ей стало одиноко и грустно, что она живет одна возле леса, где не дозовешься и не докричишься о помощи. «Боже мой, что это я придумала. Сколько жила здесь одна и так жить дальше буду».

7

Уже вернулся со своей командой Степан, сдали под расписку коров. Деревня жила в ожидании чего-то. Люди стали меньше встречаться друг с другом, принесли две похоронки, пополз слух, что несколько призванных ранее в военкомат вернулись с фронта домой и теперь прячутся по чердакам. Но надо было жить, заниматься сеноуборкой да и домашние огороды обрабатывать, а подвод в колхоз осталось совсем ничего, да и председатель меньше стал направлять людей на колхозные работы. Оставался неубранным сенокос, пошли разговоры среди сельчан, что и незачем так много сена: коров и лошадей нет, угнали. Степан, на другой день как вернулся, зашел к Алесе и просил ее отпустить с собой Змитрока в делянку, чтобы сложить сено.

Прошло всего-то недели две с того дня, как Степан шел косить траву в делянку. А вон сколько произошло за это время. Даже представить страшно, одна война чего стоит. И кто мог подумать, что все так повернется. А жить надо, и как оно будет дальше, одному богу ведомо. Степан с Змитроком вышли рано, думки и настроение на этот раз отличались от обычных, да еще в душе появилась тревога, которая заставляла замолкать, ускорять шаг, а порой оглядываться. Чего там оглядываться? А ин само заставляет, может, страх? Был страх того неизвестного, что нависало каждый день и загоняло тревогу дальше и дальше в сердце. Степан уже видел убитых на дорогах, видел немецкие самолеты, разбомбленные дома, видел смерть и горе. Услышал слово «эвакуация», сразу и не выговоришь: люди с небольшим скарбом кто на чем и как шли, ехали на восток, многие с малыми детьми, им помогали чем могли. У них в окрестности еще, казалось, было тихо, но что-то копилось вокруг и должно было скоро прорвать. Беда – она для всех беда. Судьбы людские переплелись, зацепились одна за другую, в одном месте ухнуло, а в другом откликнулось: другим событием, бедой или радостью. Власть незримо, казалось, оставляла людей одних в их беде и горе.

Незаметно они подошли к колодцу, солнце только выглянуло над вершинами сосен, и сильной жары пока не было. Змитрок, пока Степан пил воду возле сруба, отдыхал, он чувствовал, что дед не настроен на разговоры, и думал свои детские думы, как бы он пошел на фронт и воевал с этими фашистами, и побил бы многих, и стал героем, он летал бы на самолете, стрелял из пушек. С мыслями о пушках появлялся образ отца, детское сердце сжималось, и возникали слова «где ты папа», и тут же возникал ответ: он точно воюет, и скоро они победят этих фашистов. Тихий голос деда прервал восхищенные картины побед Змитрока:

– Пошли, внук, дорога еще длинная впереди у нас.

Пришли они на болото, когда день вступил в свои права, сняли пиджаки, Степан выкопал неглубокую ямочку для молока в тени, там же под кустом сложили торбочку с едой, осмотрели покосы. Да, сено надо было сложить в стог неделю назад, трава высохла и поблекла, но будет еще хорошей коровам на корм – заключил Степан, и они приступили поворачивать покосы. Эта работа легкая, взял граблями край покоса, зацепил, и трава перевернулась, пусть и снизу солнце увидит. Закончили это дело они быстро.

– Ну что, Змитрок, ты давай нагребай валки, только большие не делай.

Степан нагреб валок, подкинув грабли ногой, тот лежал уже на сажень впереди, подгреб к лежащему впереди – вот тебе и маленькая копичка получилась на одни вилы.

– Я буду делать поддонок для стога сена, – такой определил он план работы до обеда.

Это надо уметь делать, Степан замахал топором, и лозовый куст стал основанием поддонка. Срубил молодую поросль еще с лозовых кустов, что росли рядом, большие ветки, и получился почти метр высотой поддонок – фундамент для стога: и сено париться не будет, и сырости снизу не будет.

К обеду они валки сложили в небольшие копны и собрались их сносить. Это самое трудное дело, понятно, что дед поставит нести копну на носилках сзади, это ничего, а вот когда слепень на руку сядет да кусать начнет, вот тогда и захочется его прихлопнуть, только носилки не бросишь. Пока донесешь до поддонка, аж пот выступит. Зато Змитрок вытаскивал носилки из-под копы и одну давал деду, он считал себя равным в этом деле, так думал Змитрок, а Степан подмечал внуково старание и радовался. Если неудачно подбили носилки и одна сторона переживала, чтобы не опрокинулась копа, нужно было поднимать носилку выше. Несколько шагов это еще ничего, а если далеко нести, тогда Степан находил причину: то ругал слепней, то корч, что был на дороге, и предлагал остановиться. «Передохнем минутку и дальше», – говорил он. Разве детское это дело, а вышло детское, они уже второй раз были в этой делянке, раньше было много людей: и Арина, и Антон с Алесей, а сейчас вот вдвоем. А Антон, где он сейчас? Писал, что их направляют сюда на запад. Так здесь же война.

Обедать сели в тени или, как говорил Степан, в тенечке, где был выкопан маленький погребок для молока. Расстелили на ветки и сено свои пиджаки и прилегли. Для Степана такая работа в лесу на природе была в радость. Для труда нужны силы, и приходил момент приема пищи. Степан бережно относился к еде и тому, что дала жена. Сразу вспоминал Арину и чувствовал в собранной ею еде заботу и теплоту. Разложил на своем пиджаке что было в торбочке, получилось немало. Змитрок с интересом наблюдал, как дед раскладывал содержимое торбочки, и почувствовал голод. Ели они не спеша, вернее Степан ел как бы вслушиваясь в каждый кусочек пищи. Змитрок вначале хлеб с вареным яйцом съел быстро, потом, чуть насытившись, начал подражать деду. Поели они, как говорил Степан, «плотно». Змитрок прилег, и глаза закрылись, он заснул. Ясное дело – дитя, ему еще рано выполнять такую работу. Да что такое рано, в этом возрасте и Антон ходил сюда, и малые дети были, когда приезжали на телеге.

Степан тихо встал, подошел поддонку и начал укладывать сено, они все копы снесли до обеда. Набирал на вилы охапку сена и, с силой перевертывая вилы, вкладывал его по кругу. Складывать стог, если умеешь, дело простое, а первый стог у него не получился, раз – и съехал на бок. Тогда ему было тринадцать лет, конечно, еще был пацаном, два раза тогда перекладывал, но сложил. Со временем верхушка его стога все же покосилась, но удержалась, хотя в том месте было сено чуть прелое. С такими воспоминаниями Степан продолжал складывать стог. Только опять который раз его думы возвращались к Антону. Что-то тревожило и беспокоило его, и это беспокойство шло и от погоды, и от колодца, возле которого пили воду, и от этого места, где они сгребали и складывали сено. Степан уже не доставал хорошо подбить и уложить сено с вил в центре стога и пошел будить Змитрока, которому, по-видимому, что-то снилось. Степан постоял, присел и дотронулся рукой до волос, хотелось обнять и прижать этого малень-

кого человека, взять на руки – и пусть спит. Змитрок проснулся и присел, улыбнулся, увидев деда.

– Давай, Змитрок, продолжим, сложим стог и домой, вон еще сколько нам идти назад. Змитрок влез с помощью деда на четверть, уже сложенную часть стога, и старательно начал утаптывать сено.

– Надо сено сюда, где я стою, яма здесь, – быстро он говорил деду, и Степан аккуратно забрасывал ему охапку сена на вилах в то место. Работа у них спорилась, они уже начали вершить стог, когда послышался гул самолетов.

– Дед, смотри, бомбовозы летят, – Змитрок, опираясь на грабли, смотрел вдаль, откуда слышен был гул. Там, в стороне уже перешедшего жару солнца, были видны самолеты. Степан тоже отошел от стожка и взгляделся в небо. Не успел он вернуться, как почти над ними пролетели два быстроходных самолета с черными крестами.

– Немцы! – закричал Змитрок.

Самолеты начали набирать высоту, и здесь с высоты на них налетели два небольших самолета со звездами. Один немецкий самолет задымил и полетел со шлейфом дыма в сторону, куда улетели бомбовозы, а второй развернулся, и вскоре уже загорелся самолет с красными звездами, и из него что-то вывалилось и начало спускаться, наверное, на парашюте летчик, так подумали Степан и Змитрок. Над ним пролетел еще раз немецкий самолет, возникла вспышка на парашюте, и он быстро начал падать.

– Сбил нашего, – проговорил Степан.

А немецкий самолет взмыл ввысь и вдруг появился над ними. Змитрок от испуга, что он летит так низко, поднял грабли и в этот момент услышал стрельбу и кубарем свалился со стога на землю. Степан кинулся ко внуку и вдруг увидел, что горит сено, которое осталось уложить на стог. Он схватил пиджак и давай им его тушить. Самолет опять низко летел на них, Степан кинулся к Змитроку и упал на него. Пули ударили по пиджаку Змитрока, и все стихло. Степан своим пиджаком затушил огонь, который еще не дошел до стога. Вместе с внуком они отбежали от стога в березняк и затаились. Степан дрожал, прижимая к себе Змитрока, и молчал. Смерть пронеслась мимо них. Мы же не стреляли в них. В который раз он всем телом почувствовал, что это война, и война страшная, и, наверное, долгая. Постояли минут десять, успокоились и пошли к стожку. Остановились возле пиджака Змитрока, он был с огромной дырой на всю полу. «Видишь, целил в дитя», – подумал Степан. Они работали молча и украдкой посматривали на небо и спешили, хотелось быстрее домой.

По дороге возникала мысль: неужели война дойдет до наших мест? Это Степану пока не представлялось. Он видел беженцев и порой не понимал, почему они уходят с родных мест, что заставило людей отчаяться на такой шаг. А их немало шло по тем дорогам, где они гнали стадо коров. Должно же все образумиться, да и армия у нас ого. Только произошедшее сегодня: падающий летчик, стрельба с самолета по ним возле стожка – никак не укладывалось в голове Степана. Его пугал пробитый пулями пиджак внука. «Он что, целил в дитя? – задавался он вопросом. – Это же дитя. Мог быть внук на том пиджаке, не дай бог и не доведи господь». Степан взял за руку Змитрока, и долго они так шли держась за руки. Змитрок забыл уже, как он падал со стожка и как закрывал его дед, ему было спокойно, и он порой хотел что-то рассказать, но задумчивый вид деда останавливал его. Идя рядом с внуком, Степан вдруг ощутил, как много изменилось с утра, когда они шли по этой дороге, война была уже на подходе к их местам. А если так, надо думать, как дальше жить. А перед глазами расстрелянный пиджак, а как же Антон, где он? Домой они пришли в сумерках.

В деревне все замерло. Перестал ходить бригадир и определять, какую надо сделать работу, мало кто приходил на колхозный двор. Все, что казалось раньше таким важным и необходимым, стало почти ненужным.

8

По прибытии в дивизию Антона встретила приятная новость: ему присвоено звание лейтенанта. Эта радостная весть, как звездочка в ночи, прочертила след и исчезла за новыми заботами и делами его как командира батареи. Они свалились в одночасье: одни нужно было решать еще вчера, а другие немедленно сегодня. Дивизия получила приказ передислоцироваться. Дня не хватало на все дела. Наконец вся материальная часть была закреплена на платформах, а личный состав распределен по вагонам и теплушкам. Уже была дана команда на движение, но вдруг обнаружилось, что старшина оставил свой заветный старшинский чемодан, и нужно было его быстрее нести и грузить в теплушку. Поезд тронулся, последним в вагон вскочил Антон. Был душный вечер 18 июня 1941 года. По расчетам должны были прибыть на конечный пункт разгрузки 24 июня. Улеглись волнения, и можно было отдохнуть. Эшелон часто останавливался, его обитатели пребывали в созерцательном настроении, были веселы и радушны. Привлекали новые места, природа, люди – все это обсуждалось с шутками, смехом, а порой ржанием. Со стороны казалось, что в теплушках и вагонах едут несерьезные люди и едут отдыхать, а не заниматься военным делом. Зачехленные губицы казались игрушками этих взрослых дядей. Через три дня пути безделье и дорога начали тяготить и красноармейцев, и командиров. Пошли разговоры: куда едем и как там. Нашлось много различных доводов и догадок о новом месте дислокации: как там будет трудно, а может быть, так же и хорошо. Одним словом, разговоры в основном пустые. В воскресенье эшелон двигался по харьковщине, в этот день объявили, что будут на станции кормить горячей пищей, может, от этого на лицах выражалось веселое и радостное настроение, теплушки прогрехотали по железнодорожному мосту через большую реку, на берегу уже загорали и купались люди. «Вот бы где искупаться!» – раздавались голоса в теплушках, а уже поезд мчится мимо деревни, утопающей в зелени. Красивые были места! Проезжая мимо полустанка, увидели людей, стоящих у здания, озабоченных и встревоженных, что у них там случилось? Сразу нашлась масса догадок. От болезни до расстроенной свадьбы. Тревожно выглядели люди. Уже к обеду эшелон двигался через небольшой городок, на станции тоже стояли встревоженные люди, на веселый вопрос: «Чего носы повесили?» Услышали – война. «Где война, с кем война?» – посыпались такие вопросы друг к другу. Стало меньше разговоров, утихли балагуры. Вагоны, теплушки с личным составом и платформы с орудиями батареи, которой командовал Антон, находились в голове состава. На следующей стоянке эшелона Антон спрыгнул на перрон и с тревогой наблюдал, как комендант станции и еще несколько военных и гражданских человек что-то обсуждали с командиром дивизиона и сопровождающим от полка офицером, после этого побежали красноармейцы собирать комсостав.

Антон прибыл к вагону командира дивизиона одним из первых, комдив был несколько растерян и встревожен.

– Проходи, комбат, присаживайся, пока место есть. Ничего говорить не буду, соберутся все, тогда и доведу обстановку.

И стал перекладывать, какие-то листки. В углу суетился политрук. Собрались все быстро, рассаживались молча.

Командир дивизиона встал за своим столиком, поправил гимнастерку, принял стойку смирно и начал доводить сухим голосом сложившуюся обстановку:

– Сегодня утром немецко-фашистские полчища, вероломно, без объявления войны напали на нашу Родину. Наши войска ведут успешные бои, и ближайшие дни враг будет изгнан из нашей земли. Мы продолжаем эшелонами двигаться на конечный пункт. Надо провести среди личного состава разъяснительную работу. Чтобы без паники. Может, это просто провокация. Усилить охрану орудий в теплушках и вагонах. Никому никуда не отлучаться. Дальше доведет указания политрук.

Стояла тишина. «Неужели война? – носились тревожные мысли у Антона. – Как же так, да их разобьют, пока мы прибудем на место». Но тревога не уходила. Политрук говорил о повышении бдительности, необходимости сплотиться и не поддаваться панике, с паникерами будут поступать по законам военного времени. Его голос, казалось, раздавался откуда-то издалека и заглушался наплывающими мыслями, тревожными думами и образами, которые приходили Антону в раннем детстве во сне.

– А сейчас по своим местам и давайте там, смотрите! – были напутственные слова командира дивизиона. Только что смотреть и что еще делать, было непонятно.

Побежала новость по эшелону – война. А в памяти возникла Алеся, дети, отец с матерью, как они там будут. Уже знали, что выступал по радио Молотов. Были слова: «Победа будет за нами». Пошли разговоры и воспоминания о войне, немцах или, как еще их называли, фашистах, а в деревне их называли германцами. «В Гражданскую их побили, а сейчас вон какая у нас сила, побьем, кто этих немцев не бил», – заключил Иван, заместитель командира батареи. В этом тогда никто не сомневался. Но все вдруг странно изменилось, по-другому как-то светило солнце, более блекло выглядела природа, меньше стало улыбок, у людей изменилась походка, шли больше с опущенными головами, неся тяжелые мысли. Хотя война была где-то далеко на границе. Поезд все еще двигался по территории Украины, движение замедлилось, чаще стали встречаться поезда с наспех упакованным на платформах оборудованием и полными людей вагонами. Вечером проследовал поезд, набитый беженцами, а за ним санитарный. Чаще останавливались на полустанках, и первым делом было узнать новости, командование ничего нового сказать не могло, информации не поступало. На остановках усилили охрану платформ с техникой, теплушек и вагонов, в пути стали больше проводить занятий с красноармейцами-артиллеристами по военной тематике, меньше было слышно смеха, стали чаще писать письма родным и близким. Подходил срок прибытия к месту назначения, эшелон с частыми остановками двигался по Белоруссии, Антон был рад, что будет близко от родных мест, и тайно думал, может, удастся заскочить к родным в деревню. Ночью пересекли Днепр и подъезжали к большой станции, завывли сирены, поезд замедлил ход, с громкоговорителя неслись слова: «Воздушная тревога, воздушная тревога». Недалеко раздался взрыв, вагон сильно дернулся, кто-то упал на пол, Антон вскочил и, как старший в вагоне, закричал:

– Без паники, ложись!

Прогремел еще один взрыв, вагон еще раз дернулся, и колеса застучали на стыках рельсов. «Быстро побежал, значит, уезжаем со станции», – подумал Антон. Недалеко что-то горело, в отблесках огня мелькнула вывеска названия станции. «Так это же совсем недалеко от родных мест», – то ли с радостью, то ли с удивлением пронеслась мысль у комбата, а поезд набирал скорость. Опять остановка, утром обнаружили, что эшелон сократился, за локомотивом двигалась их батарея и несколько дивизионных платформ с различным имуществом и боеприпасами. А где же командир дивизиона, где остальные батареи? Только решил начать разбираться, как паровоз завыв короткими сигналами. Что, опять воздушная тревога? Над полустанком пролетали немецкие самолеты. Так вот они немцы, а где же наши самолеты? Но послышался вой и сильный взрыв недалеко от вагонов, и одновременно со взрывом вагон резко дернуло и он начал движение, все ускоряя и ускоряя свое движение. Многие снова упали на пол, послышались крики и стоны. Хотелось как можно быстрее и дальше уехать этого опасного места. Прогремело еще два взрыва, поезд мчался на северо-запад подальше от бомбежки. Еще один раз на полустанке эшелон был обстрелян самолетом. Война пришла в батарею Антона, на платформе был убит часовой, а в вагоне ранено три человека. Раненых сняли на полустанке и отвезли в местную больницу, а убитого похоронили на поселковом кладбище. Встретившись с начальником станции и председателем поселкового совета, Антон узнал об объявленной мобилизации, об эвакуации предприятий, животных и сельскохозяйственной техники. Указаний о том, куда должен двигаться эшелон, не поступало, связи с железнодорожным узлом

не было. Начальник станции предлагал отправить их дальше на узловую станцию, где, по его сведениям, должна была быть связь и известно место прибытия эшелона. Они стояли возле небольшого утопающего в зелени станционного здания. Иван вместе с председателем местного колхоза занимались организацией питания личного состава батареи. Неподалеку собралось много мальчишек, стали подходить жители, пошли расспросы. А что могли ответить разминающиеся от долгого нахождения в пути люди? Но отобедать в этом гостеприимном месте не удалось. Послышался гул, высоко в небе летели немецкие самолеты. Жители и дети начали быстро разбегаться, часть красноармейцев кинулась загружать приготовленную пищу в вагоны и теплушки. Начальник станции торопил с отправкой эшелона на узловую станцию. Шел пятый день войны, а казалось, мирная жизнь была где-то далеко-далеко. К вечеру эшелон был остановлен на переезде недалеко от неизвестной станции. Антон выскочил из вагона и направился в голову эшелона узнать, что случилось. На переезде стояли два железнодорожника и поджидали его. Один из них, пожилой с пышными усами, остановился в трех шагах и заговорил:

– Товарищ военный, дольше поезда приказано не пропускать, там дольше немцы.

– Какие немцы? – вырвалось у Антона.

– Здесь недалеко в лесу много военных, может, обратитесь к ним, если разрешат, мы пропустим эшелон.

– А можете отвести к военным?

– Так вон они возле леса идут.

Вдоль леса шло несколько человек в военной форме. Антон и железнодорожники повели разговор в их ожидании. Антона волновал вопрос, правда ли, что немцы недалеко, в это поверить он никак не мог. Железнодорожники рассказали об отступлении наших, что немцев видели на узловой станции и в лесу военные роют окопы и готовят, как видно, оборону. Так неужели немцы уже здесь, так что родное село уже под ними? Трое военных в пятнистых масках-халатах подходили к переезду. Антон отправился им навстречу. Они представились, представился и Антон. Рассказал, почему он здесь, и спросил, как действовать ему дальше. Разведчики довели, что командует здесь полковник, командир дивизии, и необходимо быстрее идти к нему, они готовы проводить. Антон взял с собой командира взвода и двоих красноармейцев, и они быстро пошли за разведчиками.

9

Кольцо окружения сжималось. Это можно было узнать от тех, кто из него вырывался, отступал, убегал от обрушившейся войны. Их останавливали, назначали в подразделения и выясняли, где они вступали в бои с немцами. Оказалось, что бои идут на всех направлениях. Немцы атаковали днем непрерывно. Постоянные бомбежки с воздуха. Ночью бои стихали. В полках и частях заканчивались боеприпасы, взаимодействие и устойчивая оборона между полками нарушена. Связи со штабом армии не было. В наспех оборудованном командном пункте командир дивизии полковник Диев, усталый от бессонницы и непрерывного напряжения, обсуждал с начальником штаба, что делать дальше. Начальник штаба был расстроен и выглядел каким-то испуганным. С ним долго не повоюешь, подумал комдив и для себя решил, что надо готовить людей для прорыва, пока еще нет плотного кольца окружения, иначе немцы завтра рассекут нашу жидкую оборону и с дивизией будет покончено. За три дня боев, как он считал, немцы его научили воевать больше, чем учения на командирской должности за пять предвоенных лет. Чтобы решить поставленную задачу, все исполнители должны ее понимать, как можно более досконально, и прочувствовать ее, такая мысль укрепилась у Диева. Тогда нужно собрать командиров послушать их и убедить, что нужно прорываться.

– Давай соберем командиров полков и основных частей и будем ставить задачу прорываться. Через сколько времени можно собрать? – прервал он свои размышления.

– Через час будут здесь.

Диев прилег и попытался заснуть. Сон не шел. Начальник штаба отдал указания и вышел. Все острее и острее вставал вопрос перед Диевым, почему так получилось. Дивизия в окружении, от штатного состава осталось два полка, остальных судьба неизвестна. В двух командирах полков он был уверен, они смогут выполнить поставленные задачи и не погубить зря людей. Может, вот так же они блуждают по лесам и пытаются пробиться к фронту, а может, уже раздавлены этой силищей? Разве он думал, что сразу после передислокации, еще не развернувшись, придется вступать в бой? Нужно было хотя бы дня три, и тогда можно было организовать оборону на указанных рубежах, провести разведку, расположить артиллерию на опасных направлениях. Кабы да кабы, все умны задним числом, а ты попробуй вот в такой обстановке воевать. Диев встал и начал нервно ходить, ожидая прибытия командиров. Что им сказать, чтобы они поняли, что другого выхода нет, как прорываться и идти к Днепру, к переправам, там должна быть организована оборона и сильная, время для этого есть. Там надо эту силу вражью остановить и дальше гнать отсюда, не давая им передышку. А сейчас он гоняет дивизию, да какую дивизию, остатки одни, опять сам с собой разговаривал Диев. Вышел из сооружения командного пункта. На западе были слышны взрывы, значит, там наши. Что-то полыхало на юге, недалеко послышалась стрельба и прекратилась, стоял тихий и теплый июньский вечер. Как все просто: небо, воздух, вода – они как вчера, так и завтра будут такими же, только у людей многое изменится. Хорошо, что успел отправить к родителям жену с детьми, где они сейчас, уже должны добраться. Стали подходить командиры полков.

Диев сидел за столом и рассматривал карту. Начальник штаба доложил, что все собраны. Диев попросил доложить кратко обстановку в полках. Если кто начинал докладывать свои рассуждения, прерывал конкретными вопросами. Он экономил время. Июньская ночь короткая. Приняли решение прорываться, уточнили направление прорыва и дальнейшего движения. В передовой отряд командир дивизии назначил полк, который дислоцировался здесь, в Белоруссии, и был передан в состав дивизии несколько дней назад. Командовал полком молодой, стройный и энергичный майор. Чувствовалось, что в полку его уважали. Диев встал и кратко отдал приказание:

– Артиллерию привести в негодность и оставить, захватить с собой только сорокопятки. Всем по возможности отдыхать, время выступления доведу дополнительно.

Командиры разошлись к своим частям, остался начальник разведки. Диев подозвал к карте начальника разведки и поставил задачу как можно скорее узнать обстановку в направлении деревни на юго-востоке от их места обороны.

– Когда придут разведчики, тогда и определим время начала выступления. Пойду прилягу, – обратился Диев к начальнику штаба.

Разведчики вернулись к часу ночи. Командир дивизии к этому времени вызвал командиров и хотел объявить о начале прорыва, но доложили о прибытии разведчиков. Зашли в другую половину дома, он разложил карту, чтобы отметить, что узнали разведчики, а узнали они мало. Везде были немцы. Командир уже несколько раз смотрел на карту и пытался в тиши почувствовать, куда направить прорыв. И склонялся к тому, что надо преодолеть быстро поле, что распростиралось сразу за лесом, и дальше на шоссе. Там немцы будут ожидать прорыва меньше всего. Дальше на юг к лесному массиву, там дороги ведут к реке, а может, там наша оборона. Сведения, полученные разведкой, укрепили его план. Не дослушав разведчиков, он вышел к командирам и поставил им задачи на прорыв. Диев замолчал, посмотрел на командиров, которые должны были через некоторое время вести людей против до зубов вооруженных, уверенных в себе и сильных захватчиков. Оставалось сказать те слова, которые бы мобилизовали и заставили отпустить страх и повиноваться воле старшего. Диев встрепенулся, приподнял голову и сказал то, что считал необходимым в сложившейся обстановке:

– Постройте людей и поставьте им задачу. Простую и ясную, сможете довести, что этот прорыв дает нам мизерный, но шанс, остаться жить и выполнить свой долг перед Родиной. Чем больше ваших бойцов поймет это, тем больше нас останется живых и нужных для разгрома немцев, – потом, надевая на голову фуражку, закончил свою речь словами: – Начальник штаба идет с группой на левом фланге, я на правом, комиссар с группой сопровождения раненых, выступаем через час, передовой отряд через сорок минут. Все по местам.

Командиры молча выходили в ночную темноту. Диев взмахом руки попросил задержаться командира полка, который возглавлял передовой отряд.

– На твоей группе лежит тяжелая задача, главное не останавливайся. Почувствуешь их яростное сопротивление, бери южнее, знаешь, как заяц убегает.

Командир дивизии понимал, что будет как-то не так, в то же время чувствовал, что передовой отряд вырвется из окружения, и он приказал его усилить за счет правого фланга.

Минут через десять взлетела ракета. «Вот она – минута торжества и неизвестности», – подумал Диев и с группой разведчиков заспешил на правый фланг. Послышалась стрельба, завязался бой, он то усиливался, то затихал, то смещался к центру, и люди двигались в этом направлении. По движению можно было понять, что передовая немцев смята. Быстро несли раненых, бой вдруг разгорелся на правом фланге, Диев туда бросил свой резерв со штабной группой.

Прорыв удался. Без большого боя удалось преодолеть шоссе и выйти к лесу, где встретили небольшую группу наших, узнали, что их немцы блокировали, сразу приняли решение прорывать окружение там же и двигаться к речке. Бой был короткий: смяв немцев и не дав им опомниться, расширили фронт прорыва, вышли к лесу и устремились туда, ища там защиту. Диев дал команду занимать оборону, сам разместился под сосной, приказал собрать командиров. Многие пришли, кто был там, на командном пункте, который остался далеко позади, но были и новые. Не было комиссара и части раненых. Из кратких докладов было ясно, что люди почувствовали свою силу и было желание прорываться дальше. Начальник штаба доложил, что появилось около двухсот человек пополнения, которых встретили во время прорыва недалеко от леса, свои потери уточняются.

Диев поблагодарил командира передового полка за успешные действия по прорыву окружения и кратко поставил задачу на занятие обороны, ведение разведки и подготовке к выдвигению тем же вечером. Определили места обороны.

К обеду стало ясно, что они снова в окружении. Только кольцо это не плотное. Но в светлое время выступать нельзя – немцы вызовут авиацию, и тогда конец. Опять с начальником штаба сидели над картой и размышляли над дальнейшими действиями. К мосту идти было нельзя, там наверняка сильная оборона. Оставалось идти вдоль дорог на деревню и оттуда на восток, потом к речке. Казалось, спасение там, за рекой.

Вызывать командиров не стал, решил побывать в полках и там поставить задачи на прорыв. Только отошел в сопровождении разведчиков от своего временного командного пункта, как неподалеку взорвался снаряд. Немцы начали обстрел леса. Прибежал солдат от начальника штаба с докладом, что немцы на бронетранспортерах и мотоциклах выдвигаются к лесу. Написал краткую записку начальнику штаба: «Оставить прикрытие и выступаем немедленно».

Впереди на востоке, куда вышла передовая группа, начался бой. Туда и направился командир дивизии с резервом и взводом разведки. Прибыли вовремя, полк и части правого фланга с резервом ворвались в деревню. Немцы побежали. Диев расположился с частью офицеров штаба и разведчиков у крайнего дома деревни. К нему спешил майор, командир полка, улыбающийся и счастливый.

– А хорошо им задали, товарищ полковник, – лицо его сияло.

– Да, они не ожидали такого поворота, – в тон отвечал ему Диев и предложил присесть рядом. – Что предлагаешь дальше делать?

– Гнать их дальше, товарищ полковник.

– Сколько у тебя людей?

– Да маловато осталось, – уже более серьезно отвечал командир полка.

– Мы в тылу у немцев, похоже, помощи ожидать неоткуда, надо прорываться к переправам, там должен быть фронт. Давай окапывайся здесь у деревни и держи дорогу хотя бы до ночи, а ночью будем прорываться на восток. Я буду там, в лесу, если будет трудно, пришлю небольшое подкрепление, а так сам держись. Оставлю для связи тебе двух разведчиков.

Диев встал и крепко пожал руку молодому и жизнерадостному майору. «Может, не увидимся больше», – мелькнула мысль. Приказал остаться двум разведчикам и с небольшой группой штаба направился быстро к лесу.

Когда они походили к лесу, было слышно, как у деревни началась стрельба. «Скоро же немцы пришли в себя, тяжело будет полку продержаться до ночи», – на ходу анализировал Диев складывающуюся обстановку.

Лесной массив, где собрались остатки дивизии, был небольшим, вытянутым с востока на запад. Через него пролегали две заросшие лесные дорожки, по которым могли продвигаться мотоциклы и небольшие машины. В наспех подготовленном под высокими соснами командном пункте собрались несколько командиров, обстановка была неясной и нервной. Где были немцы и где была наша оборона, никто точно не знал. Стало ясно, что управление дивизией теряется, командиры частей, которые вливались по мере продвижения к фронту, все реже сообщали о своих действиях, ядром оставался штатный полк, который понес большие потери и по численности был не больше батальона. Люди устали, продуктов не осталось, заканчивались боеприпасы. Моральный дух, настроение людей выражали апатию и безысходность. Над лесом послышался гул самолетов.

– Воздух, понеслась по лесу.

Часть людей залегла, а часть начала разбегаться, однако с воздуха опускались белые бумажки. К командному пункту снова стали собираться командиры, чувствуя за собой вину и досаду от страха и обреченности. Диеву принесли немецкую листовку, он внимательно прочитал ее и встал, понимая, что от его слов, как командира, сейчас может зависеть его жизнь и жизнь этих людей. Он поправил портупею, отдернул края гимнастерки, снял фуражку, зачем-то провел рукой по волосам, будто их причесывая, и громко произнес:

– Нам вот предлагают сдаваться, обещают хорошее питание и лечение раненым. Что будем делать, товарищи командиры? А? – потом выдержал паузу и продолжил: – Мы бойцы и командиры доблестной Красной Армии, нам поручено Родину защищать, а не сдаваться.

Хотел что-то сказать еще, но увидел, как к нему быстро направляется разведчик, оставленный для связи в полку, и пошел ему навстречу.

– Что там, – тревожно спросил Диев.

– Товарищи полковник, немцы атакуют деревню, командир полка просит помощи, очень просил, иначе могут полк разбить.

Напряженная тишина возникла под сосной. Стало понятно, если немцы уничтожат полк, наступит их черед.

Диев вернулся на прежнее место, остановился перед сидящими на земле командирами, снова расправил гимнастерку и строгим голосом, подчеркивая каждое слово, произнес:

– Слушай мой приказ. Комиссаром дивизии назначаю старшего политрука Ванюшкина, начальником штаба капитана Кичайкина. Даю тридцать минут на сбор своих частей и подразделений. В строй поставить всех, сформировать два батальона. Есть здесь командиры батальонов или им равные, станьте перед строем.

Поднялись четыре командира, один из них уже командовал батальоном в дивизии, Диев его знал и назначил командиром первого батальона. Уточнил фамилию рядом стоящего с ним капитана и назначил его командиром второго батальона. Были назначены начальник разведки

и командир небольшой резервной группы. Тут же командиру резервной группы приказал немедленно собрать не менее тридцати человек и выдвинуться в сопровождении разведчиков в распоряжение командира полка.

Все пришло в движение. Ушли страхи и сомнения. Диев со вновь назначенными начальником штаба и комиссаром дивизии находились в первом батальоне, который спешно формировался. Диев решил батальон направить к деревне и атаковатьседающих на полк немцев. С первым батальоном остался комиссар дивизии, а начальник штаба шел со вторым, который должен был выдвигаться туда, где намечался прорыв. Диев оставил при себе несколько разведчиков и через них планировал осуществлять управление боем.

Внезапная атака из леса первого батальона спасла полк, который уже начал оставлять деревню, бой велся только на ее окраине. Диев и начальник штаба встретились в окопах на краю деревни и тут же приняли решение отрываться от немцев и уходить на юго-восток. Диев остался с полком, а начальник штаба направился во второй батальон. Не встречая серьезного сопротивления, оторвались от немцев, почти без потерь пересекли дорогу, небольшую речушку и двинулись на юг. Диев с разведчиками шел в цепи полка. К ночи часть второго батальона и полка была в лесу. Что стало с первым батальоном и где комиссар дивизии, было неизвестно. Вернувшиеся разведчики доложили, что немцы здесь прошли с танками, дальше на юг, а вокруг местность болотистая. Было принято решение выставить усиленную охрану и отдыхать. Люди были голодные и уставшие.

На второй день движения вдоль лесного массива остатки дивизии вышли к деревне. В деревне немцев не было, и через деревню они не проходили. Из рассказов местных жителей удалось узнать, что здесь прячутся вернувшиеся с фронта красноармейцы, а немцы движутся севернее по шоссейной дороге. Там такая силища, что никто такого не видел, а наши отступают на всех направлениях, немцам сдали Минск. Вести были безрадостные. Диев выглядел угнетенным и уставшим, еще несколько дней такой «мирной жизни», и дивизия будет не управляемой. Провел небольшое совещание, на котором решили продвигаться поближе к шоссейной дороге, там могли быть наши.

10

На следующий день они вышли к полустанку железной дороги, от которой отходила узкоколейка, там узнали, что недалеко занимают оборону наши части. Это были такие же вырвавшиеся из окружения разрозненные подразделения, а командовал ими капитан, командир батальона. Он доложил, что были здесь с вышестоящего штаба и приказали организовать оборону и не допустить продвижения немцев. Как могла сотня человек с винтовками и несколькими пулеметами задержать немцев, было неясно. Капитан передал, что у него приказ всех, кто сюда будет выходить, останавливать и включать в состав части.

– Значит, и нас будешь включать? – улыбаясь спросил Диев. Он представился командиром дивизии и назвал ее номер.

Было решено сводную группу капитана включить в состав дивизии и оборонять эту развилку, сколько хватит сил. Получилось, что в составе дивизии был только один полк, которым командовал майор, три батальона и сводная группа под командованием капитана. В полку было личного состава не больше батальона, но решил его оставить как полк.

К вечеру все батальоны дивизии и полк со сводной группой рыли новые окопы. Тогда же и доложили Диеву, что на путях стоит эшелон с гаубицами. Он направил к эшелону разведчиков и потребовал доставить к нему старшего.

Командир дивизии выслушал Антона, кратко обрисовал обстановку, что связи с командованием не имеет, вчера они вырвались из окружения, немцы недалеко и могут в любое время появиться здесь, до выяснения обстановки принял решение окапываться на развилке дорог,

вступить в бой. Артиллерии у них нет, дальше железнодорожного пути нет, дальше немцы. Поэтому он приказал выгружать орудия и готовиться к бою, к утру развернуть батарею у развилки, место должны были показать разведчики. Командир дивизии подозвал офицера, приказал батарею занести в списки дивизии и закончил словами:

– Тебе все ясно, лейтенант?

Антон молча слушал полковника и не мог сразу понять, как к утру быть готовым к бою, неужели это война и она здесь?

– Наступать будут танки, бронемашины и бронетранспортеры, и их много, – прервал думы Антона командир и, помолчав, добавил: – Времени у тебя мало, к утру будь готов вести бой с танками.

– Где здесь место для разгрузки? – спросил Антон.

– Это ты, лейтенант, выясняй с железнодорожниками, у тебя есть чем тащить гаубицы?

– Так точно, есть, товарищ полковник, тягачи «Сталинец».

– Пойми, лейтенант, другой артиллерии у нас нет, кроме трех сорокопяток, только у них по несколько снарядов осталось, так что если пойдут танки, а они пойдут, одна надежда на твои гаубицы.

Их разговор был прерван интенсивной стрельбой в стороне шоссе.

– Разрешите идти, товарищ полковник?

– Иди, лейтенант, танки и бронетранспортеры за тобой.

– Есть, товарищ полковник, – кратко ответил Антон и подошел к сопровождающим его командиру взвода и красноармейцам.

Диев еще раз осмотрел местность, где шла работа по отрывке окопов, пришел к выводу, что позиция, которую занимали остатки дивизии, была выгодной. Вдоль шоссе текла речушка с топкими берегами, единственный ближайший мост был недалеко от развилки, справа километров на десять тянулся лес, по которому танкам было пройти нелегко.

Усилила дивизию батарея гаубиц, которая, как доложили Диеву, развернулась у развилки. Полк был усилен сформированным батальоном из сводной группы, и он занимал оборону, перекрывая шоссе и развилку, два батальона занимали позиции вдоль леса. Диев оставил при себе небольшой резерв – сформированный взвод из прибывших в последние дни красноармейцев и младших командиров разных частей. Они расположились в лесу. Часть красноармейцев на стыке батальона и полка недалеко от опушки леса оборудовали командный пункт, а другие с санинструктором готовили место для сбора раненых. Неподалеку от них облюбовал себе место Диев. Он сидел на дубовом пне и заносил в свой талмуд, что необходимо было еще сделать в ближайшее время. Жаркий начинался день, но в лесу еще было прохладно. Диев закрыл глаза, вспомнился сон, который ему снился перед восходом солнца. Они всей семьей на высокой горке у моря, солнце яркое, ветерок, жена с дочерьми собираются спуститься вниз, а он хочет взлететь, просит его подождать, пока он летает. «Ты высоко не взлетай, может быть, необратимый процесс, и куда и где ты приземлишься, неизвестно, а ты нам нужен», – отчетливо произнесла жена. Он взлетел, и все время звучали слова жены, но оказался высоко, там выше – светлое пространство, а внизу – темно. «Неужели я взлетел выше, чем надо было? Как же спущусь на землю и где земля?» – стало страшно, и Диев проснулся. Странный сон, отметил он про себя, ему и раньше снились сны, когда он летает, но чтобы он поднимался так высоко, не припоминал. К чему этот сон? Странное ощущение охватило его, ощущение одиночества, ожидание чего-то важного и значительного. Опять вспомнил жену и дочерей. Прошлые дни он был в напряжении, от которого и сон не приходил, а была огромная физическая усталость, когда казалось, не было сил пошевелить рукой. Думы о жене перешли на воспоминания, всего неделю назад прибыл штаб дивизии к новому месту дислокации. Прибыли два артиллерийских дивизиона, выгружался полк, связисты устанавливали связь, другие полки находились в пути, указаниями штаба армии дивизия должна была быть готова к выполнению задач

к середине июля. А получилось как? Уже на третий день войны получил приказ выдвинуться к поселку, остановить немцев и контратаковать. Только поселок уже был занят противником, и пришлось организовывать оборону в другом месте и сразу, еще не подготовив позиции для обороны, пошли немецкие танки и пехота на мотоциклах и бронемашинах. Откуда они взялись так быстро? Думать было некогда, противотанковая артиллерия оказалась практически без снарядов, пришлось срочно тащить сорокопятки, и они спасли тогда от уничтожения дивизию, вернее треть дивизии, тысяч шесть уже тогда было в ней. Остановили они танки, только осталось у артиллеристов всего три орудия, а было восемнадцать. В беспорядке отходили на северо-восток, но не бежали и с того момента все время были в окружении. Вот, казалось, вырвались из окружения. Только где фронт, а главное, где дивизия? Вот что мучает. Какую гордость испытывал и какой энтузиазм был, когда назначили командиром дивизии. Ожидал назначения, но были большие сомнения. Быстро менялись должности, какая радость охватила его, когда чуть больше пяти лет назад старшим лейтенантом он был представлен перед строем командиром батальона! И понеслась череда назначений, и вот полковник – командир дивизии. Спросит командующий армией: «Где твоя дивизия, полковник Диев?» А где? Вот на этой развилке. Так и скажу, на развилке дорог, остановила немецкие танки на двое суток. Так и доложу командующему. Значит, здесь, а что здесь, что-то дрогнуло там, глубоко у сердца. Диев встал, надел фуражку, позвал к себе разведчиков. «Сутки двое продержимся, – произнес про себя и зашагал к командному пункту, – а если танки пойдут, вот артиллеристы и помогут». С пехотой и бронемашинами еще так, а с танками мало они встречались. Диев ожидал разведчиков и связистов, которых отправил в тыл, чтобы найти вышестоящий штаб, получить задачу и понять обстановку. «Ну к концу дня должны же они вернуться», – рассуждал он сам с собою.

У Диева появилась уверенность в своих решениях, и он энергично зашагал на командный пункт к окопам. Еще в лесу ему доложили, что немецкая разведка на мотоциклах подошла к опушке леса и там вела наблюдение. Потом доложили, что по шоссе движутся бронетранспортеры, а дальше за ними видна целая колонна танков, сколько их, определить невозможно. Надо хорошенько потрепать их разведку и не дать им понять, какие у нас силы. Диев написал записку и велел разведчикам срочно доставить ее командиру батальона, он ставил ему задачу пропустить разведку, а второму батальону завязать с ними бой. Направил он посыльного к командиру батареи с требованием открыть огонь, когда пойдут танки и бронетранспортеры.

Командным пунктом дивизии был подготовленный почти у самого леса и замаскированный обычный окоп с двумя ходами сообщения, которые шли к лесу. Диев от леса по ходу сообщения прошел в окоп, новый начальник разведки, молодой лейтенант, доложил, что они ведут разведку и немцы уже на опушке. Диев взял бинокль и, слушая разведчика, стал наблюдать. Слева ближе к дороге у самого леса увидел замаскированные сорокопятки. «Молодца, артиллеристы, правильно поставили свои орудия», – отметил он про себя.

– Товарищ полковник, немцы.

От леса по шоссе выехали три мотоцикла, за ними шла вдоль дороги бронемашина, поднимающая пыль, и вдруг они повернули в сторону моста. «Неужели пойдут по мосту, тогда как их остановить, может, артиллеристы из гаубиц остановят их там», – на мосту думал Диев. Мотоциклы остановились у самого моста. На мост вышли три немца в касках с автоматом и что-то начали обсуждать. Стояла тишина, многие следили за их действиями. Диев видел две фигуры у самого моста: один в форме младшего командира с поднятыми руками шел быстро навстречу немцам, другой упал, но то, что произошло дальше, заставило его вздрогнуть. Раздался выстрел, немец, шагнувший навстречу младшему командиру с поднятыми руками, будто споткнулся и упал вперед головой. Упал и тот, что шел с поднятыми руками, и крутнулся в сторону. «Наверное, ранен, – отметил Диев, – а кто же стрелял? Стреляли, похоже, с той стороны моста». Вдруг на мосту вспыхнул огонь и быстро начал распространяться по его полотну. Возле перил бежал наш военный, похоже с канистрой, и поливал из нее полотно моста,

и тут же он вспыхнул факелом, факел метнулся к перилам и упал в речку. В конце моста вспыхнул еще один факел, красноармеец пробежал несколько шагов и загорелся вместе с мостом. Мост занимался огнем. Немцы подняли своего раненого, было видно, как он кричит, когда несли его за бронемашину. Потом подняли нашего раненого младшего командира, бросили его в коляску, и мотоциклы повернули обратно.

Диев молча вытер выступивший пот, увиденное заставило его по-другому взглянуть на ту обстановку, в которой оказались собранные разными путями люди здесь, у развилки дорог, получалось, что назад пути нет. Не успело волнение от произошедшего на мосту отойти, как снова из лесу выехали бронетранспортеры, бронемашины и немцы на мотоциклах, направляясь в сторону окопов. Застрочили немецкие пулеметы. «Вот оно и начинается», – подумал Диев. А что начинается? Он так и не додумал, намеченный им план начал рушиться. Только вдруг первый бронетранспортер остановился и задымился.

– Товарищ полковник, наши артиллеристы их бронетранспортер подбили, – радостно кричал начальник разведки. Уже стреляли из наших окопов, огонь велся дружно. Вдруг остановился еще один бронетранспортер, было видно, что артиллеристы его хотят подбить, но не получалось, и из него выскочили немцы и стали отстреливаться. Остановились и мотоциклы, остальные два бронетранспортера, отстреливаясь, отходили назад к лесу.

– Молодцы! – только и сказал Диев.

Этот отход немцев, подбитые бронетранспортеры, как первый рассветный луч солнца пробуждает человека ото сна, так и эта маленькая победа пробудила силу и уверенность людей в окопах. Когда появились танки, бронемашины и бронетранспортеры, этот настрой и силу вселили в людей выстрелы гаубиц и подбитый ими немецкий танк. Из окопов стреляли по мотоциклам, по прятавшимся за бронетранспортерами немцам. Вот еще остановился один танк. Танки продолжали двигаться к окопам, а немецкая пехота начала залегать и отходить. По видимому, огнем сорокопяток была подбита еще одна бронемашина, и немцы начали быстро отходить к лесу. В этот момент из наших окопов выскочили и стали преследовать немцев. Диев в бинокль видел, как командир батальона, раненый капитан, машет рукой и призывает в атаку своих бойцов.

– Что он делает? Что он делает? – закричал Диев и приподнялся, чтобы выскочить из окопа.

– Танки, товарищ полковник! Танки! – кричал лейтенант-разведчик и за рукав потянул Диева назад в окоп. Танк с крестом на борту в метрах сорока от командного пункта двигался по окопам. Из ближайшего окопа выскочили два красноармейца и скатились в ход сообщения. Один, без винтовки, невысокого роста, пытался выскочить, а другой с винтовкой наперевес с испуганным лицом бежал в полный рост по окопу в направлении леса.

– Стой! Ложись! – закричал Диев и бросился к красноармейцу, который пытался выскочить из окопа. Рядом раздалось несколько взрывов. Диев и красноармеец повалились на дно окопа. Когда Диев приподнялся, он увидел, что танк остановился. У танка были перебиты гусеницы. Красноармеец и разведчики со страхом смотрели на остановившийся танк. Приоткрылся нижний люк, и оттуда начал вылезать немец, но обмяк и повалился на землю.

– А получил гад! – это кричал лейтенант-разведчик.

Раздался еще один взрыв рядом с танком, позади него появился дым. Открылся верхний люк танка и снова закрылся.

– А не нравится! – продолжал кричать с гримасой ужаса или радости на лице лейтенант. Танк стоял, а другие, преодолев окопы, продолжали двигаться к позиции артиллеристов. Диев пришел в себя, красноармеец с винтовкой стрелял, который без винтовки сидел на дне окопа, и его трясло мелкой дрожью. Диев поднял бинокль и стал смотреть, что произошло с батальоном, который капитан поднял в атаку. К окопам подъезжали немцы, остатки батальона, отстреливаясь, уже были на опушке леса и поспешно отступали. Сюда к окопам, где располагался

командный пункт, тоже подходили бронетранспортеры и немцы на мотоциклах. Слышана была стрельба правее, где, похоже, еще держался полк. Диев опустил бинокль и осмотрелся. В окопе находилось несколько человек.

– Вот и вся дивизия, товарищ командующий, – вслух произнес Диев. Сколько же сейчас времени. Солнце перешло на вторую половину дня. Пот катил градом по лицу Диева. Он достал пистолет, лег на бруствер окопа и начал стрелять. Последнее, что он почувствовал, это вспышка и свет, который он видел во сне. Он уже не видел, как лейтенант, назначенный сутки назад начальником разведки дивизии, выскочил из окопа и с пистолетом кинулся на подъехавший мотоцикл и выстрелил в немца, который уже нажимал на спусковой механизм пулемета. Немец кивнул и остался сидеть, а лейтенант и два разведчика, выскочившие из окопа, были расстреляны в упор из автоматов.

11

Антону сразу необходимо было решить несколько задач, найти место выгрузки, определить, куда тянуть орудия и где их устанавливать, да времени было маловато. Он пожалел, что не взял с собой еще офицеров батареи, но разве он предполагал, что так обернется дело – утром придется вести боевую стрельбу? Командира взвода решил отправить на переезд и с железнодорожниками решить, где лучше всего выгружаться. Подозвал стоящего недалеко сопровождающего их разведчика и уточнил, где находится развилка. Та была недалеко от железной дороги, а еще рядом он видел небольшую разгрузочную площадку. С этими сведениями отправил с одним красноармейцем командира взвода к эшелону, а сам в сопровождении разведчика направился к месту, где нужно было развернуть к утру орудия.

Все, чем занимался и о чем думал до этого, ушло куда-то далеко-далеко, сейчас Антон был занят одним – как быстрее развернуть батарею, и ему казалось, что он делает это давно и будет только этим и заниматься дальше. У развилки встретился с командиром батальона, который занимал оборону на высотках возле дороги. Дальше дорога шла в лес, там могли быть немцы, по крайней мере вечером там видели их разведку. Справа протекала небольшая речушка, но берега ее были заболочены и через нее по мосту проходила проселочная дорога к железнодорожному полотну.

Антону нужно было понять, куда стрелять, кто будет определять цели, карт местности у него не было, с этими вопросами он обратился к майору, командиру полка. Они долго обсуждали с разведчиками, как быть, и решили, что батарея будет стрелять прямой наводкой при появлении на опушке и дороге немецких танков и пехоты. Майор приказал командиру батальона быть готовым сжечь мост, если к нему приблизятся немцы.

Уточнив свои задачи, Антон направился к месту разгрузки батареи. Времени оставалось мало, уже было светло, скоро должно было всходить солнце, вдруг он услышал знакомое урчанье двигателей «Сталинцев», значит, начали выгрузку. Он уже поставил задачи командирам орудий выделить людей для подготовки позиций для орудий и маскировки, места складирования снарядов. Подходя к железной дороге, вспомнил, что этой ночью он совсем не спал, и спать не хотелось, надо было быстрее расположить орудия. Урчали только два «Сталинца», к ним уже подцепили орудия и готовились их перетаскивать, еще один пытались завести, он запустился и тут же глох. Антон распорядился быстрее отправлять два первых орудия и сразу же возвращаться. Начал подгонять трактористов, чтобы те быстрее запускали остальные тягачи.

– Вы что думаете, что немцы будут ждать, пока закончим эту возню? Времени в обрез, через полчаса чтобы все тягачи были на ходу, – и пошел разбираться с боеприпасами. Он знал, что патронов к винтовкам и карабинам почти нет. «Надо будет просит у майора», – решил Антонов и сел в первый тягач, который начал тянуть орудие.

Орудия были уже установлены для стрельбы прямой наводкой и замаскированы, когда утро вступило в свои права. Антон с командирами уточняли расстояния до опушки леса, определили ориентиры и нанесли их на листы в блокнот. Потом обсуждали стрельбу прямой наводкой: в сложившейся ситуации ее можно было вести только таким способом. Уже в окопчиках недалеко от орудий лежали снаряды, были укрыты тягачи, один так и остался на платформе, сейчас было не до него. Завершились работы на высотках в батальоне. Антон, стоя в окопчике возле второго орудия, где организовал свой наблюдательный пункт, рассматривал в бинокль местность. Было тихо, хотя вдаль, за лесом, слышались разрывы, и опять возникла мысль: неужели здесь немцы, как они могли оказаться в этих местах, так далеко от границы и где фронт?

– Товарищ лейтенант, смотрите, что там, на опушке леса, ориентир третий.

Антон оторвался от своих дум и стал рассматривать, что было у ориентира номер три. Это была невысокая и густая сосна без верхушки у самого леса, и тут Антон заметил, что под сосной в касках кто-то лежит и, видно, тоже рассматривает окрестность в бинокль, а чуть дальше почти на опушке леса виден мотоцикл, за рулем которого кто-то сидел в каске. Неужели это немцы, а вот еще один мотоцикл стоит, и там сидят трое, рядом еще один. Немцы. По его телу прошел озноб, засосало под ложечкой. Так это точно немцы, и будем стрелять, и они будут стрелять, могут и убить, почему так, снова и снова задавал себе вопросы Антон и не находил на них ответа. Тело вспотело, и было жарко, хотя солнце поднялось не высоко. Наблюдатель, наводчик второго орудия, который был в окопе с Антоном, снова прервал его размышления.

– Два мотоцикла и бронемашина подъезжают к мосту.

Антон поднес к глазам бинокль и увидел, как мотоциклы и бронемашина подъехали к мосту и остановились, сошли трое в касках и начали осматривать мост. Стояла тишина, напряженная тишина, почему же никто не стреляет? Антону доложили, что от командира дивизии прибыл разведчик с приказом. В окоп к Антону спустился красноармеец и передал ему записку. Антон прочитал и попросил передать полковнику, что он приказ исполнит.

Вдруг раздались выстрелы, из-под сосны выскочили трое и побежали к мотоциклу, один споткнулся и упал ниц, другие мотоциклы тоже задымили, о да, их здесь много. Антон, не слыша своего голоса, подал первую команду:

– Передать командирам взводов: огонь из орудий открывать только по моей команде.

Повернули назад мотоциклы и бронемшины, которые подъехали к мосту. По всему видно было, что это разведка. Мост горел. Немцам некуда было двигаться, кроме как через эту развилку и дальше через железную дорогу на восток к Днепру или обходить где-то там севернее, южнее мешал лес, да и там могли быть наши.

Антон занял свой наблюдательный пункт, когда немцы начали отходить к лесу. Два бронетранспортера медленно задним ходом продвигались к опушке, один остановился, а другой дымил.

– Смотри, горит немец, горит, – раздались возгласы артиллеристов.

«Наверное, из сорокопятки подбили. Молодцы», – подумал Антон.

12

Командир батальона, получив задачу уничтожить мост, вызвал к себе в окоп политрука батальона и решил с ним определить, кому поручить это непростое дело в отсутствие саперов.

– Сейчас они навалятся на нашу оборону танками, а нам их надо остановить здесь. У них две дороги, на нас идти или обойти, переправившись через речку по мосту. Командир полка приказал мост уничтожить и не дать его захватить немцам. Надо не дать им захватить мост, – повторил капитан. – Берега топкие, и танкам там будет непросто переправиться, а танки пойдут и скоро.

Потом посмотрел на политрука и спросил:

– Какие будут предложения, политрук?

А сам подумал, хорошо бы направить туда этого молодого политрука. Политрук Грушевский будто читал мысли командира батальона и кратко ответил.

– Меня, товарищ капитан, я справлюсь.

Капитан хлопнул его по плечу и заулыбался.

– Знаю, справишься. Так что бери, политрук, человек пять, канистры с бензином проси у артиллеристов, и если попытаются идти через мост, его надо будет сжечь. Не допускай их на мост, потом ничего с ними не сделаешь. Пока тихо занимай там позицию.

Политрук в батальон прибыл незадолго до завершения его формирования. Включился сразу в непростую работу по сплочиванию и воспитанию бойцов и командиров подразделений. Это у него получалось, он был общительным и отзывчивым. Участвовал в спортивных соревнованиях, которые организовывали в подразделениях, соревнованиях по стрельбе, а стрелял он отменно. Как говорили старшие командиры, завоевал почет и уважение у своих подчиненных, а в батальоне его называли «наш политрук». А командир батальона после последнего выхода из окружения командиру полка докладывал обстановку и отметил политрука, вот бы таких командиров побольше.

Уходя от командира батальона, политрук уже предполагал, кого он возьмет с собой. Перед ночным прорывом он находился в роте, которая шла на прорыв первой, и перед самым выходом, подходя к заместителю командира взвода Баранову, увидел, как он прятал какую-то бумагу и при этом покраснел. «Неужели прячет немецкую листовку?» – возникла у него тогда мысль. А потом прорыв, уход от преследования, и больше он не встречался с тем заместителем командира взвода. Надо его проверить, так решил для себя политрук и заспешил в батальон.

Они впятером ушли в направлении моста, мимо окопов, которые занимал соседний с полком батальон. Быстро подошли к речке, и политрук распределил между малочисленной командой задачи. Первое, приказал выкопать с обеих сторон моста окопы. Баранова он определил старшим по разливу бензина и поджогу моста в случае, если немцы начнут направляться в его сторону, разлить бензин с их конца и продвигаться к середине, где их встретит один красноармеец, который начнет разливать с центра. Дальше всем бежать, разливая бензин, на противоположный конец моста.

– Баранов, ты все понял? – переспросил Грушевский, внимательно осматривая младшего командира.

– Все сделаем, товарищ политрук, не беспокойтесь, мы вдвоем справимся, – и он назвал фамилию красноармейца, с которым хотел бы остаться.

Сам политрук с тремя красноармейцами перешел на противоположный берег, где они сразу приступили к отрывке окопа. Одну канистру политрук оставил в запасе, если что-то пойдет не так. Положив винтовки, красноармейцы рыли окоп почти прямо у моста, а Грушевский в бинокль вел наблюдение местности. На той стороне Баранов с красноармейцем заканчивали маскировку окопа и о чем-то разговаривали. Здесь возле моста окоп тоже был готов. Политрук вдруг напрягся и, пригибаясь, соскочил в окоп. В бинокль было видно, как два немецких мотоцикла и бронемашина свернули с дороги и начали двигаться в направлении моста.

– Похоже, движутся сюда, – вслух произнес политрук и стал наблюдать за Барановым. На той стороне моста, похоже, тоже заметили немцев: вот красноармеец схватил канистру и начал ее разливать недалеко от края, Баранов что-то мешкал и все смотрел в сторону немцев. Мотоциклисты были уже видны без бинокля. Политрук следил за действиями на той стороне, он уже понял, что с Барановым что-то не так, неужели хочет сбежать к немцам и сейчас выжидает, когда они подъедут ближе?

– Чего он медлит?! – кричал красноармеец, что бежал к середине моста. Вдруг на той стороне красноармеец бросил канистру и побежал к Баранову.

– Куда они, товарищ политрук?

– К немцам.

Политрук взял винтовку прицелился и решил, что как только на той стороне кто-то победит с моста, он будет стрелять. На прицел он взял Баранова, тот вылез из окопа и лежал неподвижно, к нему подбежал второй красноармеец.

– Сколько они будут лежать, немцы уже близко! – испуганным голосом кричал красноармеец, что был рядом в окопе с политруком. Вместо ответа политрук, не отрываясь от прицела, громко скомандовал:

– Разливай бензин с нашего края моста.

Когда опять взял прицел, Баранов привстал на колени, поднял руки вверх и вдруг вскочил и петляя побежал навстречу немцам, побежал за ним и красноармеец. Политрук прицелился и выстрелил. Сделав шага два, Баранов упал – похоже, ранил его, – а красноармеец бежал изо всех сил, политрук выстрелил, и тот на всем бегу упал. Хорошо было видно, что немцы прибавили ходу и спешили к мосту, а Баранов пытался приподняться и взмахивал рукой. С этого края два красноармейца разливали бензин. Этого может не хватить, чтобы сгорел мост, политрук прицелился в водителя и выстрелил, мотоцикл крутнулся влево и остановился, оттуда застрочил пулемет, один из красноармейцев схватился за ногу и упал на мосту. Политрук прицелился и выстрелил в пулеметчика второго мотоцикла, а сам вскочил и побежал вдоль перил к центру моста, разливая канистру раненого красноармейца. Добежав до середины, он схватил брошенную полную канистру, из нее полился бензин. Потом бросил ее и начал поджигать, спичка вспыхнула в его руках, он почувствовал боль в плече, и ему сразу обожгло лицо. Политрук упал на мост и вспыхнул как факел, затем перевалился через перила и упал в реку, огонь охватил центр моста и перекинулся на ближний к окопчикам конец. Мотоцикл въехал на мост и повернул обратно. Раненый Баранов пытался приподняться и тут же упал, он видел, что мост горит, когда немцы подъехали к нему, пытался поднять руки вверх. Мост горел, трещало сухое дерево, кричал, задыхаясь в огне, раненый красноармеец. Бронеавтомобиль, не доезжая до горящего моста, свернул с дороги и остановился. Немцы прошупывали подъезды к речке и искали переправу. Берег был топкий, для переправы на тот берег с техникой нужно было искать другое место. Дороги в обход в этом месте не было. Немцы, взяв своего раненого и убитого и раненого Баранова, возвращались назад.

Мост пылал, уже начали падать в реку горящие палки. Внизу медленно плыла коряга и рядом еще что-то. Это был обгоревший и раненый в плечо политрук. Оставшийся в живых красноармеец с ужасом смотрел на пылающий мост, где несколько мгновений назад сгорел его друг, факелом вспыхнувший политрук. Ему не было страшно, казалось, что это сон, неправда. Он бросил винтовку и побежал по дороге, быстрее от этого страшного места.

13

Солнце уже поднималось к полудню, а артиллеристы не сделали еще ни одного выстрела. Антон выслал Ивана к командиру полка узнать обстановку. Сам вместе с наблюдателями все время осматривал местность в бинокль. Шел бой там, где занимал оборону соседний с полком батальон, он то затихал, то разгорался, стали слышны выстрелы орудий. Это, верно, танки, отметил Антон. Быстрее бы уже они появились, вдруг возникло такое у него желание от нервозности, свалившейся общей беды и неопределенности. Его отвлек дым над речкой, Антон долго всматривался: начал гореть мост, не пропуская немцев на ту сторону. Он заметил недалеко от моста бронетранспортер, мелькали мотоциклы. Они уже там. Антон не мог ощутить всего драматизма событий у полыхающего моста. Когда он перевел бинокль, сразу изменился мир, все потускнело, пропали звуки, от опушки леса на позиции полка высыпали мотоцикли-

сты, двигалось несколько бронемашин и транспортеров, а за ними танки. Окопы покрылись взрывами снарядов танков и артиллерии, которая стреляла из-за леса.

– Орудия к бою! – прокричал Антон и побежал ко второму орудью. – Передать командирам орудий: стрелять прямой наводкой по танкам и бронетранспортерам, – эти слова вернули его к тому привычному делу, которым он занимался последнее время. Прильнул к панораме, определил бронетранспортер, который приближался к третьему ориентиру. Вот бы его перехватить здесь, и стал наводить орудие.

– Осколочно-фугасный заряд третий, быстрее, огонь.

Орудие дернулось, звук выстрела ударил по ушам, Антон в панораму увидел, что бронетранспортер замер.

– Еще снаряд, огонь.

Бронетранспортер горел. Стреляли все орудия батареи, стоял неподвижно еще один бронетранспортер. Вдруг на месте крутнулся передовой танк, и Антон сосредоточенно и, казалось, очень медленно начал наводить орудие на него, а тот продолжал стрелять. Антон чувствовал, что этот танк он точно уничтожит. Больно ударившись о станину орудия, он приподнялся. Без бинокля и панорамы было видно, что танк горел. На опушке леса появилось еще несколько танков. Антон наводил, и раздавался выстрел, ему казалось, что им подбит еще один танк, он не слышал разрывов снарядов немецких орудий и танков, которые перенесли огонь на его батарею. Взял на прицел танк, который двигался по окопам, все сжалось внутри Антона, и ничего не существовало, ему казалось, только он один, его орудие и этот танк. Выстрел был удачным, снаряд, как и там, на боевой стрельбе на полигоне, поразил заднюю часть танка. Танк остановился, хорошо он тогда стрелял, больше он ничего не видел. Вспышка перед глазами, и он падает в глубокую яму.

Антон начал приходить в себя, когда почувствовал боль в голове, ему не хотелось открывать глаза и видеть свет, хотелось лежать и просто отдышаться. Крик, танки возникали сквозь наваливающую на него дрему. Какие танки? «Танки» – это слово электрическим током резануло по всему телу и вернуло Антона к реальности.

– Товарищ лейтенант, сейчас перевяжем, и все будет хорошо, – услышал чей-то голос и хотел встать. – Подождите. Сейчас закончу, – опять этот голос.

Антон открыл глаза, голова кружилась, красноармеец перевязывал ему голову, чувствовалась нестерпимая боль в груди, хотелось пить.

– Дай пить.

Ему дали пить, и он стал воспринимать реальность. Привстал, возле орудия суетились артиллеристы.

– Что происходит здесь?

– Опять танки, товарищ лейтенант.

Антон с помощью наводчика приподнялся и подошел к орудью. К окопам подходили танки, Антон насчитал их восемь.

– Снаряд, – казалось, громко прокричал он, но из горла вырвался только хрип, артиллеристы уже были готовы заряжать, а Антон наводил орудие на один из танков. Сколько было выстрелов, что было с танками, он уже на это не реагировал. Наводил и сипящим голосом кричал «огонь». Стреляло только два орудия. Еще горели два танка, дымили три бронетранспортера. В окопе раздался крик:

– А смотри, трех танков как и не было, и те два назад в лес поползли.

Появлялось чувство уверенности. Ведь поползли в лес. Одни теряли веру в себя, другие ее обретали.

Солнце перевалило за полдень, стояла жара. Только Антон уже ничего не видел и не ощущал, взорвавшийся рядом с орудием снаряд отбросил его на край станин, из орудийного рас-

чета ужи никого не было, кто бы мог вести огонь из разбитого орудия. Само орудие было в масле и накренилось на правый бок. Остатки полка отходили к речке.

14

Наблюдательный пункт командира полка находился чуть позади окопов батальона, с этого места просматривалась вся жидкая линия обороны. Он видел, как подъехали мотоциклы и бронетранспортер к мосту.

– Что там медлят, почему не поджигают мост? Неужели струсили? Вот суки! – закричал командир, когда увидел поднявшегося младшего командира у моста. Где же политрук?

Навел бинокль на ту сторону моста, кто-то там был. Развернувшаяся трагедия на мосту заставила командира замолчать и сжаться. Когда огненный шар упал в реку, майор произнес:

– Прости меня, политрук.

А из лесу выезжали мотоциклы и танки.

– Вот и наш черед.

Там на опушке разгорелся бой, видно, немцы навалились на батальон, который их должен был пропустить. Бой складывался в пользу обороняющихся, и это придавало сил и уверенности всем, находящимся у развилки дорог.

Командир полка был в возбужденном состоянии.

– А дали немцу по зубам, и полез назад, – это он радостно говорил командиру батальона, которого вызвал к себе. Потом замолчал, и, хлопнув рукой по колену, произнес: – Можно руки вверх поднять, а можно вот так заживо сгореть. Они тоже, видишь, как идут смело, кажется, не остановить, а подбили бронетранспортер, и побежали. Ты учти это, капитан, война только начинается. А кто это был?

– Политрук батальона Грушевский.

Там за небольшим пролеском шел бой, немцы навалились на батальоны, что занимали оборону слева от полка.

– А вот и танки. Ну, держись, ребята! – кому-то кричал командир полка. Казалось, эти слова: «Держись, ребята», – разнеслись по окопам и оттуда открыли огонь по пехоте. Остановился и задымил бронетранспортер, еще один, вот подбит и танк. Из окопов стреляли и стреляли и отсекали немецкую пехоту, вот бы остановить танки. Но танки медленно приближались к окопам, и казалось, все, конец, побегут наши. Вдруг передний танк, который двигался по окопам, остановился и задымил.

– Ах, молодцы, артиллеристы! – кричал командир полка.

Танки и пулеметы делали свое дело, все реже звучали выстрелы из окопов, слева от леса полк обходили немцы на мотоциклах и бронетранспортерах, танки пересекли окопы и устремились на позиции артиллеристов.

Возле наблюдательного пункта в окопах собралось около двух десятков красноармейцев и командиров. Там дальше, где занимал позицию батальон, держались. Было видно, что командир батальона решил как можно дольше задержать немцев и дать возможность остальным отойти. Только куда отходить.

– Передать по цепи: отходим к речке, – и командир полка побежал пригибаясь вдоль окопов в сторону речки.

Они, теряя людей от пулеметного огня бронетранспортера, добежали до речки. Вот тебе и топкий берег, спасение или гибель? Для кого он был спасением, потому что бронетранспортер остановился там, на возвышенности, а немцы не решились лезть в заросли. Оставалось одно: переплывать на тот берег, и вдруг возле бронетранспортера послышался взрыв, немцы залегли, и это спасло часть людей, которые поплыли на тот берег. Переправилось человек трид-

пать, мокрые, уставшие и возбужденные, они вылезали из воды и по зарослям уходили вдоль речки подальше от этого ставшего таким близким места. Шел восьмой день войны.

15

Танки батальона Карла были острием танкового клина, могучих клещей, которые загребали все живое, оставляя котлы, и снова расходились, смыкая клешнями возникающие на пути преграды. «С нами Бог», – так было отштамповано у каждого на бляхе ремня, шли быстро и самоуверенно. На третий день начало появляться раздражение и перед сном выползала как змея тревога. Окружены, а не сдаются. Сожгли два танка. От пехоты, которая была рядом, осталось две третьих, каждый день хоронили, а их погибали сотни. Курт, сверяя карту, понимал, что подойти к намеченному рубежу в установленный срок может не успеть.

К утру не было от разведки никакого донесения. Запросил обстановку. Задача прежняя: отремонтировать танки. Горючее подвезут через час-полтора, направляется подкрепление, и у населенного пункта будет пехота на бронемашинах. Переправа должна быть в целости взята к исходу дня.

Ночью отдых. И опять глубоко в душе возникает эта тревога. Написал донесение и радостное письмо домой, еще немного, и будет конец, мы почти разбили их. Только отчего приходит беспокойство? «Они окружены, там впереди остатки, управления у них нет. Почему они не сдаются, как это было во Франции или Бельгии?» – набегали мысли и тут же пропадали в просторах мироздания, приходил сон.

Утром бой. Сожжены два бронетранспортера разведбатальона, два танка его батальона и два подбиты, один пришлось вытаскивать из болота возле сожженного деревянного моста через речушку. Ремонт танков займет не менее светового дня, нужно пополнение пехоты. И все эти пушки русских. Таких потерь у него еще не было. Расчищая дорогу для продвижения вперед к переправе, Карл остановил свой танк на позиции русских артиллеристов. На станине разбитой гаубицы лежал командир батареи. Это его орудие подожгло первый бронетранспортер, снесло башню танка, который шел рядом с ним. Открыл люк танка и посмотрел, усмехнувшись, на русского командира и со злорадством подумал: «Ну и чего ты достиг, переправа завтра будет наша». Его танки двинулись вперед.

16

У леса остатки батальона дивизии из последних сил продолжали сдерживать натиск немцев. Командир батальона капитан Васин был легко ранен, он кричал, матерился, а когда подбили артиллеристы третий танк, поднял людей в атаку, и немецкая пехота отступила. Но танки и бронетранспортеры открыли плотный огонь из пулеметов по атакующим, заставив их сначала залечь, а потом отступить, потеряв при этом половину личного состава. Раненый в ногу командир собрал оставшихся в живых и лесом повел их на восток к реке, как приказывал полковник. Ночью напоролись на немецкую разведку. В отчаянной схватке перебили почти всех, захватили два мотоцикла и, обессиленные боем, незнанием обстановки, безысходностью, наспех перекусив, заснули на опушке леса. Утром встретили группу таких же отступающих и двинулись к деревне, которая виднелась в километрах двух от леса. Без старших командиров, конкретных задач возникла необходимость понять, что же происходит вокруг, а если надо, вступить в бой.

На двух мотоциклах выехали вперед.

– В деревне, похоже, наши танки или бронетранспортеры, а где бронетранспортеры, там и командиры. Поехали! – громко кричал капитан, сидя за рулем первого мотоцикла в немецкой форме.

А в деревне в бинокль рассматривали приближающиеся мотоциклы.

– Похоже, наша разведка, – доложили обер-лейтенанту. – Только почему они с этой стороны?

Обер-лейтенант взял бинокль и долго всматривался. Выражение его лица стало тревожным. Он подал команду готовиться к бою. Вчера они вышли к этой деревне и захватили ее, рассеяв отходящую на восток в беспорядке пехоту русских.

Капитан тоже начал рассматривать в немецкий бинокль деревню. На бронетранспортере, который стоял во втором дворе, был отчетливо виден немецкий крест. До деревни оставалось метров триста.

– Там немцы, давай гони быстрее, – и сам схватил пулемет, который стоял на коляске. Сидевший рядом молоденький красноармеец свалился кубарем с мотоцикла, следующий за ними мотоцикл сумел крутнуться и объехать его. Первым открыл огонь капитан. Немцы не были готовы к такой атаке и начали разбегаться. Они заняли оборону и открыли огонь, когда мотоциклы въехали в деревню. Бой был короткий и ожесточенный. Бросив два бронетранспортера, немцы отступили к перекрестку, где находились их основные силы. Поступили короткие команды, и немцы открыли огонь, но немецкий мотоцикл подлетел к перекрестку и строчил из пулемета не переставая. Другой, вильнув в сторону, влетел во двор, и красноармейцы залегли за домом, началась перестрелка. Бронетранспортер открыл огонь по дому, и он загорелся, а капитан, сидя в люльке мотоцикла, стреляя очередями из пулемета, хотел приказывать поворачивать к ближайшему дому. Красноармеец за рулем был мертв, и мотоцикл въехал сам в забор ограды. Бронетранспортер с угла в упор расстрелял сидящего в мотоцикле капитана, мотоцикл загорелся. Группа красноармейцев начала убежать от горящего дома к лесу на восток. Пока немцы добивали соскочивших ранее из мотоцикла красноармейцев, человека три-четыре были уже возле леса. Немцы потеряли в этом бою пять человек. Был убит и обер. Они поспешно укладывали убитых и отъезжали к центру деревни. Возле дома догорал мотоцикл с капитаном и красноармейцем. Огонь перекинулся на покрытую камышом хату и стал распространяться по улице. Стояли крик и плач, жители в страхе бежали от пожара вдоль домов. Когда немцы отъехали от места, где произошел короткий бой, местные начали преграждать дорогу огню и тушить пожар.

17

Из всех переправившихся на тот берег на шестой день блужданий, перестрелок и погоней осталось семеро. Трое тихо подошли к крайней хате. Двое смотрели по сторонам, а третий начал тихо стучать в окошко низкой хаты. Послышался женский голос.

– Кто там?

– Свои.

Минуту было молчание, потом снова отвечал взволнованный женский голос:

– Хлопцы, идеть отсюда, не пушу, у меня малые дети. Идеть, хлопцы.

Они постояли минут пять и скрылись в темноте, где с надеждой их ожидали остальные.

– Больше не могу. Нет сил больше. Давайте оставим его где-нибудь здесь, иначе и ему, и нам хана, – это бухтел Ваня.

В словах Вани была правда. Они уже шестой день несли обгоревшего и раненого политрука на самодельных носилках. Силы были на исходе, они второй день ничего не ели, а сейчас шли без дороги от деревни, где никто не захотел их пустить отдохнуть и покормить. От этого было еще обидней, но брала больше усталость, к тому же одолевал сон. Вдруг Ваня налетел на изгородь, больно ударился и упал. Все залегли и затихли, только постанывал политрук. Сон прошел, осмотрелись, недалеко виднелась хатка, дальше что-то похожее на сарай или гумно.

– Кажись, кто-то живет, – прошептал майор. – Я пойду попробую поговорить, – и скрылся незаметно в темноте.

Ночь была ветреная и темная. Майор тихо подобрался к хатке, долго прислушивался и постучал в окошко. Варвара не спала, она за годы жизни в своем доме и этих местах привыкла к разной погоде, но чутко отличала, где шум от ветра, а где шум от постороннего: то ли зайца, то ли лисы, а бывало, залетала крупная птица и что-то искала, и ее отличала Варвара. Сейчас она чувствовала, что подошли люди, а больше всего она отличала стоны. Они были дальше. Там, у тына, а это подошел человек и слушает. Вот тихо присел у окошка. Их здесь несколько человек. Они прячутся, а кто будет прятаться сейчас, не немцы и полицаи. Кому-то нужна помощь. Майор только дотронулся до стекла, как услышал тихий женский голос:

– Я сейчас выйду.

Варвара накинула на голову платок и вышла на ганачки хаты. От окна поднялся военный.

– Мы идем к своим, у нас тяжело раненый ему нужна помощь.

– Зовите своих и несите раненого к гумну, – и указала, куда нести, я буду там вас ожидать.

Варвара открыла гумно и поджидала, пока подойдут военные. Они тихо подошли к двери и остановились.

– Заходите, в углу свежее сено, располагайтесь там.

– Немцы здесь есть? – спросил майор.

– Есть полицаи местные, – ответила Варвара и наклонилась над раненым. От него шел запах пота, мочи, но вокруг него витала жизненная сила.

– Я принесу лампу и осмотрю его.

Варвара скоро вернулась с лампой и чугуном. Чугунок отдала майору.

– Там картошка уже застывшая, но есть можно, закройте двери и помогите мне осмотреть раненого.

Варвара зажгла лампу, подкрутила фитиль и посмотрела на военных. Заросшие, спутанные волосы на головах, горящие голодные глаза. А еще усталость лежала на их лицах.

Майор отдал Ване чугунок:

– На, раздели, – а сам стал помогать Варваре.

– Он ранен, горел, упал в речку и вот бредит.

Варвара видела, что еще немного, и этот молодой военный был бы не жилец. Рана начала гноиться, вот-вот – и она будет буро-красной. Да и ожоги гноились.

– Его надо отнести в баню, я сейчас нагрее воды и буду его перевязывать, несите за мной.

А военные жадно глотали холодную картошку, и такая она была вкусная, что не рассказать. Политрука подняли на носилках и понесли за Варварой. Внесли в баню, где помещался только один человек лежа. Политрука положили на полок, на котором мылись, полоч был широкий, на нем можно было лежать.

– Раздевайте его аккуратно, я скоро приду.

Часть вторая

1

Вельможный пан Станислав Грушевский в сопровождении слуг, молодых шляхтичей, скакавших на резвых лошадях впереди и позади кареты, вот уже почти день ехал в поместье, где проживал его старший сын. Дорога утомляла, он полулежал с закрытыми глазами и, казалось, дремал, но когда карету резко покачивало на дорожных ухабах, произносил: «Пс-э-э кровь», – и приоткрывал глаза. За два дня до этого он получил от старшего сына письмо, которое его встревожило. Это сразу же почувствовали и жена, и слуги, и его доверенные люди. Во дворце воцарились тишина и страх, за ужином никто не поднимал глаз от тарелок и приборов, но на этот раз буря была без брошенных тарелок и битых слуг. Перед сном Станислав перечитал письмо, гнев на младшего сына начал спадать, но надо было что-то делать. Все бы ничего, но в конце старший писал, что Казимир задумал жениться и уже назначил день свадьбы, а самое ужасное, невеста из простолюдин и не католической веры. Старший сын просил приехать и как можно скорее. От этих последних строчек и вползла змея в сознание злоба. Дело молодое, может быть всякое, но жениться на простолюдинке, да еще другой веры, это никак не могло быть, и даже воспринимать было противно, и злоба снова подступала к нему. В кабинет тихо вошла жена и, шурша платьями, села в кресло. Какое-то время сидели не смотря друг на друга, Станислав, не поднимая глаз, отодвинул письмо в сторону жены, это был знак, чтобы она его прочла. Жена взяла письмо и, сидя в кресле, стала читать. Она перечитала его не один раз, потом встала и произнесла голосом, не терпящим возражений:

– Тебе, милый, туда надо непременно выезжать, – и вышла из кабинета, оставив письмо на краю стола. Станислав еще посидел, думая о предстоящей дороге и своих действиях. Несомненно, ему надо по этому вопросу поговорить с ксендзом. Ксендз был уже преклонного возраста, знал отца Станислава и по его повелению и просьбе был поверенным почти во всех семейных делах их семьи. Кто бы его ни пытался приблизить к себе из вельможных людей, он оставался непреклонен и чтит Грушевских. Когда Станислав собирался в дальнюю дорогу, всегда встречался с ксендзом, просил благословения и совета по предстоящим делам. Поступал он при этом по-разному, но никогда не сожалел о содеянном. На этот раз ксендз благословил его на поездку, о поступке младшего сына сказал, что так поступать ему не следует, потом помолчал и добавил: жениться не следует, пусть простолюдинку вводит в лоно нашей церкви. Станислав успокоился и понял слова ксендза, так как и понимал сам, мало ли для утех других, кто может остудить горячую кровь, только помни же о своей вере, а женитьба – она совсем ни к чему.

Грушевский повеселел, стряхнул сонливость, захотелось чего-то веселого, будоражащего уже далеко не молодую кровь, впереди оставался еще немалый путь. Надо уже было думать о ночлеге, он подозвал верного своего слугу, который сопровождал его во всех поездках. Слуга увидел вельможного пана и про себя улыбнулся, доложил, где они находятся, сколько еще будут ехать, где вельможный пан согласится остановиться на ужин и где будут спать. В том месте, где предлагал слуга, Станислав помнил многолюдность, суету, шум и как часто утром болела голова. Сейчас хотелось уютного и располагающего нешумного общества, может быть даже больше женского. Слуга внимательно смотрел на мельчайшие изменения на его лице в районе губ, носа, глаз и тут же предложил заехать в поместье вельможного пана. Поместье предназначалось для приданого его дочери, оно было обширно. Но находилось вдали от людных мест. Управлял поместьем расторопный шляхтич, имел немалое семейство и готов был угодить вельможному пану во всем. Станислав улыбнулся и хотел обозвать слугу шельмой, но закрыл

глаза, показывая, что он согласен. Слуга вышел из кареты, отдал какие-то указания, и вскоре молодые шляхтичи поскакали вперед передать весть о приезде вельможного пана. Приехали в поместье, когда солнце уже садилось за лесом, теплый майский вечер наполнился ароматом цветущих деревьев, еще не угомонились птицы, все дышало новой жизнью, радостью, весельем. Станислав сам вышел из кареты, невольно заулыбался, заулыбались встречающий управляющий, стоящие поодаль, наклонив головы, его жена, слуги, один столько слуга вельможного пана, казалось, не выражал ничего, но он в душе радовался эйфории его, как он считал, самого дорого и любимого им человека.

– У нас такого воздуха, мне кажется, нет, – обратился Станислав к слуге. Тот с почтением наклонил голову и произнес:

– Благодатный воздух, вельможный пан, – и махнул рукой управляющему, тот поспешно подбежал к своему благодетелю, стал его приветствовать, готовый выполнить любое указание.

Станиславу порой казалось, что он находится там дома, окружали те же слуги, вот только за столом не было дочери и жены да гостей, которые присутствовали почти всегда. Слуга и сейчас спросил насчет гостыи и назвал ее имя, это была известная в прошлом влиятельная женщина, с которой Станислав много раз вел длительные разговоры на разные темы. На этот раз он предпочел побыть в одиночестве.

После ужина Станислав велел готовить постель для сна, его вымыли и растерли все его тело, как он любил, спала усталость, его отвели в почивальню. В спальне окна были приоткрыты, воздух, насыщенный ароматами конца мая, несмотря на длительную дорогу, будоражил воображение и кровь. Расстилать постель вельможному пану его слуга допустил только жену управляющего, остальным велел находиться поодаль. Жена управляющего, наклонив голову, с некоторым страхом наблюдала впервые так близко за таким важным и, как ей казалось, божественным человеком. Когда встречали вельможного пана, Миле, жене управляющего, показалось, что тот смотрел на ее как-то по-особому, отчего она покраснела и лицо ее чуть покрылось испариной. И сейчас ее не покидало какое-то приятное волнение и страх, как это почетно – услужить ему, пронеслась у нее мысль. Станислав лег, она поняла, что его надо накрыть, с трепетом она накрыла его и опять отошла от кровати. Он рукой подозвал ее и попросил прочитать молитву, молитвослов лежал рядом. Жена управляющего была из известного обедневшего рода краковских художников, она хорошо играла на музыкальных инструментах, пела, читала на нескольких языках, языки ей давались легко. Она была послушной и покорной женой, того требовала церковь и ее воспитание, но часто на нее наплывала волна чувств, которых она боялась и в то же время ждала. В их семье часто собирались разные люди, и можно было, как ей казалось, наблюдать привольные сцены, в которых участвовала мать, да и отец, бывало, отсутствовал по несколько дней дома, и тогда она слышала от него неприятные для ее слуха слова. В такие минуты к груди подступало что-то щемящее ее душу и опускалось вниз, обдавая теплом.

Молитву она читала старательно с придыханием, в горле пересыхало, и произношение становилось трудным. Все ее тело наполнялось той удушливой волной. Наконец молитва закончилась, Станислав велел закрыть окна. Она ушла из почивальни, когда небо на востоке стало чуть багроветь. Знал об этом только слуга, он встретил ее с поклоном, тихо проговорив, что вельможный пан не забудет гостеприимства управляющего и щедро одарит его жену, а у самого промелькнула мысль: я в ней не ошибся.

Управляющий ложился спать уже за полночь. Пока осмотрели карету, уложили в нее съестные припасы на следующий день, пока улеглись слуги и гайдуки вельможного, вот и рассвет скоро, майская ночь короткая. Вацлав – так звали управляющего, – хотя и провел весь день на ногах и в хлопотах, заснуть сразу не мог. Ворочался, начал вспоминать, что надо еще сделать до отъезда вельможного пана – надо стараться, такую посадку мало кому в такие годы удавалось занимать. Вельможный пан имеет везде силу, и чуть что, полетишь с посадки, и никому потом

не будешь нужен. Опять неслась мысль: надо ему угождать, не дать подойти кузнецу к вельможному с жалобой-кривдой на управляющего, хороший кузнец, мастер, а чуть что, сразу артачится и норовит жаловаться. Нельзя его никак допустить к вельможному. Сон к Вацлаву пришел только на рассвете, забылся, казалось, на миг, залаяла собака, и сразу проснулся с мыслью: «проспал». На небе, где вставало солнце, был виден, как на иконе, его ареол. Быстро оделся, умылся холодной водой и побежал день. Складывался он удачно для управляющего, вельможный пан был доволен, пытался шутить и отъехал со слугами и гайдуками, когда тень от солнца еще можно было измерить несколькими шагами. Провожали вельможного пана с нескрываемой радостью, что обошлось без скандала, а то всякое бывало. Вацлав, когда пан садился в карету, вдруг обнаружил, что поодаль стоит, склонив голову, жена, он ее не видел с вечера, как вельможный пан ушел спать. Панский кучер гикнул на лошадей, и все, кто провожал гостя, стали махать руками, желая гостям хорошей дороги, расходились, когда карета скрылась за холмом у леса. Тут же Вацлав оказался в кругу маленьких и больших, важных и неважных дел, обыденных забот, насмешек и серьезных разговоров. К вечеру он зашел в уютный угловой флигелек, где проживала с давних лет в прошлом няня детей брата вельможного пана, преклонного возраста старушка Геля. К ней все относились с уважением, но и с опаской, она знала все, что делается в большом доме и далеко вокруг, и знала все о каждом здесь проживающем, как это ей удавалось, было загадкой и веяло каким-то колдовством. Вацлав хотел узнать о настроении вельможного пана при его пребывании. Выслушав вопрос управляющего, она улыбнулась и сказала, что очень редко Станислав покидал поместье в таком настроении, потом помолчала и добавила, что это благодаря Миле. Вацлав посмотрел на Гелю, пытаясь понять, что значат ее слова, а та уже была где-то далеко в своих тайных делах и мыслях. Значение слов Гели он понял, когда на панских угожьях заканчивалась косовица. В то лето она была затяжной, травы были сочные, покосы лежали толстыми гребнями, но частые дожди мешали уборке. Вацлав появлялся в имение, когда солнце уже садилось за курганом, быстро ел, заходил иногда до Гели, расспрашивал о делах и шел спать, жену видел редко. В один из вечеров, когда гремела гроза и Вацлав вбежал во флигель с первыми каплями дождя, Геля ему сказала, что Миля носит ребенка.

2

В поместье до старшего сына добрались в конце дня, вельможный пан почти всю дорогу дремал, остановились они только один раз для позднего завтрака у дороги. Станислав был в хорошем расположении духа, он радушно поздоровался с Радзивилом, старшим сыном, для разговора они расположились в саду, где накрывали стол для ужина, разносился аромат мясных яств, который перебивал запахи цветущего сада и разжигал аппетит. За их столом раздавался их веселый и беззаботный смех. Младшего сына не было видно, и это начинало раздражать Станислава, возле них поодаль стояли только слуги, слуга вельможного стоял в трех шагах от него. Когда было съедено приготовленное мясное и готовились подавать чай, Станислав спросил о Казимире. Радзивилл вкратце обрисовал сложившуюся ситуацию. Она для Станислава оказалась более неприятной, чем он думал. Эта простолюдинка отказалась принять католичество и уговорила Казимира принять их веру, иначе замуж за него не пойдет, и Казимир на это согласился. Станислав так ударил кулаком по столу, что задребезжала посуда и что-то упало. «Пс-э-э кровь», – вырвалось у него, и за столом стало тихо, каждый из них думал, как найти выход из этой непростой ситуации. Станислав подозвал слугу и велел найти Казимира, связать его и связанного доставить домой к матери, там запереть и никуда не отпускать до его приезда. Слуга поклонился и ушел исполнять вельможеский приказ. Станислав велел налить крепкого вина, залпом выпил бокал и еще раз произнес свои самые гневные слова: «Пс-э-э кровь». Оставалось определить, что делать с простолюдинкой, оказалось, что она здесь почи-

таема не только среди простолюдинов, но и людей знатных, умеет лечить людей и скот. Радзивил рассказал, что он связывался через своих людей с местной знатью, и те намекали о возможности отправить ее в монастырь во владениях дяди Юзефа, только он пребывает в самом запущенном состоянии, и если помочь в его содержании, то все может уладиться. Упоминание о своем брате у Станислава вызвало еще большее раздражение. С младшим братом Юзефом, как считал Станислав, их разделяла непреодолимая стена, даже пропасть. Кутежи, гулянки, привольные и открытые отношения с простолюдинами другой веры для Юзефа закрыли двери во все знатные общества. Непомерные траты приводили в упадок его имение, что сокращало поездки Юзефа по столицам и крупным городам. С годами он больше проводил времени в имении, стал вести замкнутый образ жизни. Но общество и старший брат не могли простить его разгульную, противоречащую канонам их веры прежнюю жизнь, да она во многом оставалась прежней, в особенности в том, что касалось женщин.

Станислав унял в себе возникшую неприязнь к брату и примиренчески спросил:

– Сколько на это потребуется в год?

Радзивил назвал сумму. Она для Станислава была небольшой, можно было сказать мизерной, и он с ней в душе уже согласился, оставалось узнать только мелкие детали. Спадали злоба и раздражение, повеяло прохладой и запахом терпких цветов, Станиславу захотелось спать. К нему подошел слуга, поклонился и тихо произнес, что карета с Казимиром убыла.

– Спать, – как выстрел прозвучал голос вельможного пана, через полчаса он безмятежно спал, чему-то улыбаясь во сне. Дверь почивальни закрылась, бессменная стража находилась всегда рядом.

Встреча доверенных лиц Радзивила и местной знати произошла на следующий день после полудня, была достигнута договоренность, поздно вечером переданы деньги на год вперед, и ночью к монастырю привезли что-то завернутое, открылась калитка, длинный сверток внесли на монастырский двор и направились к флигелю, где обитала игуменья.

3

Пелагея открыла глаза – вокруг темнота, пошевелила пальцами рук, жива, пронеслось во всем теле. Оказалось, что руки-ноги свободны и слушаются ее. Следующий миг принес ощущение страха, какой-то бездны и мерзости, вспышкой возникли вопросы: где я, что вокруг? Перестала дышать и прислушалась – тело ощущало тепло. Протянула левую руку и наткнулась на преграду, она была чуть прохладной, не грубой и не скользкой. Провела пальцами и получила ответ – это дерево. Послушав тишину и прощупав все вокруг, Пелагея села свесив ноги – пол был прохладный, но сухой. Отпустив от себя страхи, сомнения, переживания, она ступила в другой мир, стала читать свою молитву. Она оставалась еще там, в том любящем ее миру, как вдруг раздался негромкий женский голос:

– Еще рано, милая.

Голос утих, будто встретил преграду, и, преодолев ее, продолжил свой путь.

– Хорошо, что ты встала, теперь это твое место, здесь есть свечи, можно молиться и отдыхать. Еду буду приносить я, выходить по нужде будешь со мной, – и снова замолчала.

– Где я? – произнесла Пелагея. Этот вопрос вернул ее к их дому, матери, Казимиру, и ее сердце сжалось от наплывающей на нее беды.

– Ты в монастыре, дитя мое.

Пелагея закрыла лицо руками и зарыдала, сначала тихо, а потом навзрыд. Сколько она плакала, не помнила, к ней пришло ощущение окружающего мира, когда услышала снова голос той ночи. Над ней свет горящей свечи открывал часть высокого бревенчатого потолка и тесаной стены, дальше был мрак, в котором проглядывалась входная дверь, в темноте напротив сидела женщина в черных одеждах, это она произнесла слова:

– Вот и хорошо, пришла в себя, слава богу.

Женщина встала и вышла, плотно прикрыв за собой дверь.

Монастырь находился в глухом лесу на возвышенности, в двух-трех верстах от ближайшей деревни. Территория монастыря представляла собой полукруг, огороженный тесовым забором, который шел к дороге, а с восточной стороны забор образовывал над озером прямую линию. За забором, прямо у ворот, стояла старинная церковь, вдоль прямого забора, что ближе к озеру, среди лип и берез стояло несколько небольших домиков, у северной стороны располагались хозяйские постройки. В домиках жили монашки, их было немного – четыре монахини и шесть послушниц, в отдельном домике с резным крылечком проживала игуменья. За церковью было пристанище для священника и дьякона, когда они оставались здесь после вечерней или ночной службы. Период запустенья и упадка монастыря затянулся и грозил окончательным разорением. Разные истории ходили об этом месте. В деревне люди постарше пугали им детей, говоря: вот отведут тебя туда, да посадят в яму, да приползет туда из озера змей и заберет тебя. Рассказывали, что был там одно время панский острог, потом жили скитальцы-монахи, а затем появилась монахиня и спасла сына помещика от какой-то страшной болезни. Построил тот помещик церковь, и стала там жить эта монахиня, потянулись к ней люди разные. Стал влиятельный помещик хлопотать об образовании женского монастыря и взял его на свое попечение. Были годы, когда у монастыря имелись свои владенья, несколько деревень с крестьянами, сюда съезжалось много верующих, частые были богослужения, стоял вопрос о строительстве мест проживания для монахинь и послушниц. Проходило время, и у помещика начинались свадьбы его детей, давались частые балы, доходы падали, а с ними почему-то падали доходы в монастыре.

Тело не ощущалось, легонько удерживаясь за веточку вяза, что рос возле их плетня, приподнялась над землей. Хватаясь за более высокие ветки, поднялась еще выше, стали видны все окрестности и поместье панов, к нему и несло Пелагею. Она летела выше деревьев, что росли возле деревни, все тело трепетало, дышалось так свободно. Как красиво и как радостно от полета, ой, а где же мать, неужели она не видит, как я лечу? Хотелось подняться еще выше и подлететь к Казимиру и ему показать, что я умею летать. Впереди показалась туча, которая переросла в облако пыли и скачущих лошадей, снова туча и страх: а вдруг поднимусь до этой тучи, там молния и гром. Сразу появилась тяжесть в теле, и она стала снижаться, стала махать руками как крыльями, пытаюсь еще пролететь и все же увидеть Казимира. Руки устали, и Пелагея приземлилась в неизвестном месте. «Куда меня занесло и как мне отсюда выбраться?» – кричало все ее сознание.

– Я выберусь из этой тьмы, – произнесла она громко, а затем эхом взметнулись ввысь эти слова, повторяя: «Я выберусь из этой тьмы».

Пелагея проснулась, тело ее было влажным, дышалось тяжело, не хватало воздуха. Перед собой она снова увидела женщину в черном, та держала в руках небольшой деревянный поднос с хлебом и чашей. Пелагея подхватила и стала искать свою одежду, но одежды не было, и она, удивленная и растерянная, в одной холщовой рубашке до пят со словами: «Мне нужно домой, я хочу домой, меня ждут дома», – направилась к двери. Перед ней встала женщина в черном, поднос наклонился, и чаша упала на пол, обдав босые ноги Пелагеи водой. Пелагея вскрикнула, остановилась и, увидев строгое лицо женщины, заплакала.

– Это твоя обитель, дитя мое, – донесся до Пелагеи тихий голос женщины.

– Я убегу домой, – зло ответила она и легла на скамью, подтянув колени к подбородку.

– Здесь лежит хлеб, воды тебе принесут, дитя мое, – произнесла женщина и вышла.

Пелагея зарыдала, но это уже были рыдания не отчаяния, а успокоения. Ей вспомнился сон, и снова вспыхнула надежда, что Казимир заберет ее отсюда и будет все как прежде. Бунтовала Пелагея, отказываясь есть и пить, требуя отпустить ее домой. К ней стала заходить старушка, она поправляла ее постель и садилась молча у ног. Лежать на скамье уже было невоз-

готу, Пелагее хотелось заговорить с этой старушкой и рассказать о своем горе, но подступал ком к горлу, на глазах наворачивались слезы. Так продолжалось дня три, а на следующее утро Пелагея встала, причесала волосы, ей сильно захотелось вымыть все тело. Вошла старушка, увидев сидящую в углу Пелагею, кивнула и повела ее в умывальню. Вода была не холодной, но освежила ее тело, появилось желание есть и двигаться. Они вернулись в опочивальню, и только Пелагея присела, как старушка встала на колени перед образом Божьей Матери и начала читать тихим голосом молитву. Пелагея тоже встала позади и молилась, как ее учили мать и старец Анисим.

4

Донимали деревню косолапые. После случая, когда косолапый напал на баб, когда те собирали малину, и задрал жену Тихона, что жил на краю деревни, мужики задумали нарыть глубоких ям и вбили там колья. Только получилось так, что в одну из них свалился старец Анисим, поломал себе ребра и повредил ногу. Тихон его нашел и вытащил. Один он его дотащить до деревни не смог, а встретил баб, что шли домой с ягод. Среди них были Пелагея с матерью, и они предложили нести старца к ним. В первые дни казалось, что Анисим не оклемается, таким он был слабым после трех ночей в яме и полученных ран. Ему промыли и перевязали раны, смачивали влажной тряпицей губы, а на третий день дали воды. В одно утро он попросил сделать ему настой из трав и рассказал, где может расти такая трава. Пелагея пошла ее искать с младшим братом, и они нашли ее. Так Пелагея стала помогать в лечении старца. Анисим пошел на поправку, вот только нога его слушалась плохо. Он показывал Пелагее, как перевязывать ногу, какие травы прикладывать, и учил ее разным лекарским премудростям. С ее помощью Анисим стал подниматься и ходить, сначала по двору, а к жнивю они уже вместе собирали травы, грибы, ягоды, ветки деревьев, из которых делали настои и отвары. К Анисиму стали приходить за помощью в лечении детей и баб, он не отказывал и вместе с Пелагеей помогал страждущим. В один субботний вечер, когда на небе стояла полная луна, семья Антипа вечеряла возле хаты. Под ногами вертелись их рыжий пес и кошка, которую Антип пнул ногой. Кошка отлетела и уцепилась за спину пса, тот завизжал и укусил ее за бок. Кошка стремглав прыгнула на осокорь, что рос у плетня, и стала взбираться вверх, да сорвалась. Падая зацепилась за длинный сухой сук, громко мякнув. Ее подбросило, и она упала плашмя на землю и лежала недвижимо, казалась мертвой. Но тут вскочила Пелагея, подбежала к кошке и давай гладить ей спину, бока, ноги, голову, потом сжала ее легонько, поставила на землю, и кошка, чуть пошатываясь, пошла к лавке, на которой сидел Антип. Это все произошло так быстро, что никто слова сказать не успел.

– Ишь ты, ожила, – первым заговорил Антип. Арина, его жена, сидела встревоженная, уже шла молва по хатам про ее дочь Пелагею, что она связалась с этим старцем и стала колдовать. А не дай господи узнают люди про такой случай с кошкой, точно будут колдуньей называть. Боялись в деревнях таких людей, хотя и шли к ним с разными хворями, но опасались, что они могут околдовать и увести в болото или темный лес, а еще навести на всех сглаз. Стала Арина кошку прогонять от лавки, за которой все сидели, а Пелагея взяла ее на руки и дала хлеба. Ничего не сказали тогда ее мать и отец, но вселилась в них за дочь тревога. А после праздника Купалы пошла тихая молва, что околдовала дочка Антипа сына вельможного пана.

5

Медленно Пелагея встраивалась в жизнь монастыря, осознавая, что прежней жизни уже не будет, не будет Казимира, подруг, с которыми было так весело. В монастыре она уже провела уже третье лето. Утешением становились разговоры со старушкой да вечерние прогулки с ней

к озеру и церкви. Манило Пелагею к себе озеро. Подойдя к берегу, она успокаивалась, отходили мысли убежать отсюда куда-то далеко, уходил Казимир и становился совсем невидимым, как в тумане представлялся двор, где были отец и мать, только отчетливо представлялся осокорь и вся деревенька. Иногда ей хотелось заплакать. А в октябрьские дни, когда налетал ветер и лес шумел вершинами сосен да опавшей листвой, а вода в озере становилась темной-темной, тогда подходила минута, что хотелось улететь или кинуться в водяную темноту. Тоска сжимала грудь, жалость к себе сдавливала горло, хотелось сделать несколько шагов и оказаться в покое и блаженстве. Всего несколько шагов, и это все ушло бы навсегда, раздавался тихий голос старушки:

– Рано нынче зима ляжет, журавли давно отлетели, да и на березе ни листочка не видно, – затих на несколько мгновений ее голос, и как бы подтверждая сама с собой свои размышления, снова повторяла, что рано нынче ляжет зима. Эти слова заставляли Пелагею оторваться от своих тревожных дум и осмотреться. Вот выглянуло солнце, стремглав его луч прогнал темноту над озером, осветил золотистые вершины дубов, что стояли на той стороне, взметнулся ввысь по стволам высоких сосен, отчего захотелось крикнуть, как красиво.

К Пелагее никого, кроме старушки, не подпускали, в церкви на вечерней и утренней молитве она стояла в стороне, а потом стала приходить все реже и реже, оставаясь в своей келье-хатке со старушкой, иногда на молитву приходила игуменья. После молитвы игуменья начинала расспрашивать Пелагею, как она себя здесь чувствует, в чем ее нужда, замыкалась тогда Пелагея и молчала, а то вдруг отвечала со злом, что убежит отсюда домой. Только со временем она реже произносила такие слова. Изменилась Пелагея, когда узнала, что сюда, к монастырю, пришел старец Анисим, и она захотела его видеть. Потянулась к старцу Пелагея, как весенняя трава к солнцу. Это заметила игуменья, и вскоре старца поселили в хатке над озером, куда стали почти каждый день приходить Пелагея со старушкой. Анисима донимали раны, полученные им, когда он свалился в яму, ходил он мало, но постепенно к нему стали приходить монашки, а потом и из местных деревень люди за помощью в лечении своих недугов. А в один из вечеров к нему принесли уже без чувств игуменью, и Анисим выходил ее, а помогала ему Пелагея. Так постепенно она стала его первой помощницей, а часто и сама лечила немощных. Анисим поведал ей о монастыре, его порядках и о случившемся с Пелагеей. После того разговора она несколько дней не ходила к Анисиму.

6

Стоит самая короткая летняя ночь, в лесу переговариваются птицы, на востоке светлая полоска, будто встает солнышко. Радзивил и Казимир оделись в простые одежды и втайне вышли за изгородь имения. В эту ночь каждый год люди из окрестных мест собирались на свой праздник. Он не был похож на праздники, которые часто проводили в имении. На берегу речки и у лесного озера собиралось много разного люду: и молодые, и уже женатые, и подлетки жгли костры, прыгали через них, пели, плясали. Издалека казалось, что пляшут невиданные великаны или страшилища. Потом за полночь, раздевшись, нагими все шли в воду: кто плавал, кто окунался и возвращался на берег. Все это братьев манило и притягивало к себе. У Казимира тело начинало дрожать, ему хотелось броситься в этот ад или рай. Братья шли к озеру второй раз, там собирались молодые и неженатые люди. Тогда первый раз Казимир тоже разделся и пошел к озеру, а Радзивил остался возле одежды. У озера девушки брали парней за руку, и они парами шли в воду. Казимир остановился, оглядываясь, его завораживали голые молодые тела девушек с их распущенными волосами, и он ждал какого-то чуда. Он не заметил, как к нему подошла молоденькая, похожая на подростка девушка, взяла его за руку и повела к воде. Казимир, краснея, смотрел на небольшие груди, на блестящие под лунным светом волосы. Девушка показалась ему необыкновенно красивой, ему захотелось ее обнять, а эта

красота вместе с водой, куда они вошли, проникала во все его клеточки. Вода была теплая, освежала тело, становилось легко, и было чувство, что они не идут по воде, а парят над ней в воздухе. Девушка остановилась и прижалась к Казимиру, обхватив руками его тело. Стало тяжело дышать, он тоже обхватил ее, тела их соприкоснулись, он ощущал ее груди, живот, стало жарко. Она подняла голову и посмотрела в глаза Казимиру. Ему представилось, что он летит, покидая землю, а девушка отстранилась и повела его к берегу. На берегу она исчезла, сделала шаг назад и исчезла. Казимир растерянно оглядывался туда-сюда и не находил ее. Может, это привидение? Из воды выходили другие пары и тоже исчезали. Казимир засуетился и быстро пошел искать брата. Радзивилу он ничего тогда не сказал, на этот раз шел с надеждой снова встретить ту девушку, он уже точно спросит, как ее звать, будет к ней внимательней и не отпустит так быстро.

Когда подходили к озеру, там еще несколько пар прыгали через костры, а остальные, отойдя подальше, раздевались. Только Казимир отошел от брата в сторону приозерного бора, как к нему подошла совсем нагая девушка. Он узнал ее по волосам, которые падали на плечи, и обрадовался. Тут же, не стесняясь, разделся, она взяла его за руку и повела к озеру. Они расстались на заре, Казимир бежал не помня себя, ему казалось, что он парит над полем перед именем, мысли путались, хотелось кричать, и плакать, и смеяться, и взлететь высоко-высоко. Накрывшись с головой в постели, он произнес: «Я околдован», – и тут же заснул. Они встречались в ночи, слов не было, были прикосновения, от которых тело пылало, дрожало, сжималось и разрывалось на мелкие кусочки, а потом хотелось снова парить и петь. Она властвовала над Казимиром, а он, околдованный, не сопротивлялся ее чарам. Казимира дома не узнавали, он был рассеян, молчалив, искал уединения. Они, взявшись за руки, стояли возле большого куста, усыпанного гроздьями ягод калины, и, подняв головы, как замороженные взглядом провожали клин журавлей. Когда клин стал невидимым, она обняла за шею Казимира и крепко его поцеловала, так же быстро разняла руки, повернулась и скрылась, будто растаяла, как та стая журавлей. Долго в растерянности стоял Казимир и все шептал себе, что без нее не может жить. Встречи их становились реже, но проходили ярче, отчего Казимира охватывало ощущение, что он погружается в неведомый и такой притягательный мир. Когда в полную силу развернулась весна, в лесах и садах запели птицы, Казимир не мог сдержать своей радости и чувств и рассказал о ней Радзивилу и добавил, что он на ней женится.

7

Пелагея с озера в свою хатку-келью пришла, когда уже закончилась вечерняя молитва и были завершены работы по хозяйству. На озере она была одна, снова приходили к ней темные думы и манила к себе темная вода. Думы наплывали одна мрачнее другой, получалось так, что ее похитили и продали в монастырь на все времена. Игуменья причастна к ее похищению, и ей велено охранить ее ото всех и никуда не выпускать из монастыря. Только, как сказал старец, разве утаишь шило в мешке, в монастыре уже почти все знают о судьбе Пелагеи и молчат. В монастырскую церковь на воскресную службу стало собираться большое количество прихожан. Батюшку и дьякона привозили из ближайшей деревни, они правили церковную службу, причащали и исповедовали желающих. На службе присутствовали монашки и послушницы, которые составляли церковный хор и помогали вести службу. Монахини, нарушая свой обет, делились с прихожанами о своей жизни и делах в монастыре, так и выплеснулась тайна Пелагеи за его стены. В один из дней в церковь пришли родители Пелагеи и начали расспрашивать о своей дочери, но монастырь хранил молчание о своей пленнице. После того случая Пелагею перевели жить подальше от церкви, ее поселили в хатке над озером и приставили к ней другую старушку, которая жила давно в монастыре и почитала игуменью. Жизнь Пелагеи стала полностью зависеть от этой старушки.

8

Снова пришлось вельможному пану Станиславу на следующее лето побывать в имении, о котором у него остались приятные воспоминания, он намеревался пробыть там дня два-три. На следующий день у управляющего появились неприятности и сыпались они одно за другим, и только после того, как у вельможного пана закончился ужин, управляющий забежал встревоженный до Гели. Та, глядя в лицо, и высказала, что вельможный пан недоволен, что постель ему готовила присланная девка, хотя и ушла она поздно, но пан недоволен ею и спрашивал о Миле. Побледнел управляющий, а Геля продолжила как ни в чем не бывало рассказывать, что если и сегодня не будет Мили, вельможный совсем может рассердиться. В тот вечер постель стелила Миля и ушла она от вельможного пана, когда солнце полным кругом поднялось над деревьями, а пан вышел умываться, когда уже готовился обед. Был он бодр и весел, плескаясь водой, напевал свою любимую песенку молодости. А Миля кормила грудью свою маленькую дочку, которая изголодалась, и успокаивала ее Геля. Остался доволен вельможный пан Станислав своим управляющим, поблагодарил его за усердие. К концу лета в имение приехал по приглашению управляющего его товарищ детства на непродолжительный отдых. Весело они проводили время, в их беседах принимала участие жена управляющего, но, сославшись, что надо кормить ребенка, уходила. Не ладилось что-то с продажей собранного урожая, и управляющий отъехал на два дня. На вторую ночь Геля успокаивала маленькую Стасю, ее Миля покормила только утром. Задержался товарищ детства еще на несколько дней и стал он в тягость управляющему, а Геле пришлось присматривать несколько раз за Стасей днем. Управляющий назавтра после разговора с Гелей холодно простился с другом, проводив его домой, сославшись на навалившиеся дела. Через несколько дней возникшие неловкости снова улетучились, управляющий упрямо тащил нелегкий воз возникающих дел, а Миля нянчила Стасю. Приближались рождественские праздники, православный помещик соседнего имения пригласил к себе на щедрый вечер управляющего с женой. Он не отказался, у них были хорошие деловые отношения, и они с уважением относились друг к другу, несмотря на различное вероисповедание. В имении собралось много гостей, горели свечи, звучала музыка, много кто ходил в масках, были ряженые и несколько русских офицеров в военной форме. Потом начались танцы и настоящие пляски, вечер затянулся за полночь, было по-настоящему весело, управляющий давно так не чувствовал себя свободно и легко. Ему хотелось в отдельные моменты безудержно петь и тоже пуститься в пляски, радость плескалась через край, как вода в ведре. В тот вечер он забыл слова своей бабушки, которая говорила, что радость, как и воду, нельзя расплескивать, нужно ее нести осторожно и ровно, иначе жди неприятностей. Было выпито больше положенного вина, в голове шумело, но радость не проходила. Ему хотелось поделиться радостью с Милей, да уже пора было ехать домой, там маленькая Стася, жены вокруг не было. Миля, забыв, где она находится, задыхалась в объятиях русского офицера, раздавшиеся крики и громкие хлопки вернули ее в сознание. Она неспешно отстранила офицера и стала приводить себя в порядок, ей сильно захотелось спать. Она вышла на свет пошатываясь и стала искать мужа. Ее первыми были слова о том, что она очень устала и надо уезжать домой, а вокруг блистали огни. Они вскоре были дома. Через несколько дней управляющий услышал от Гели рассказ о русском офицере, который провел на том празднике незабываемые часы своей жизни с одной дамой, от которой у него померк свет. Управляющий только сказал, что было очень весело и радостно. После выездов в гости, приездов знатных людей в имение с каждым разом все больше дней требовалось управляющему, чтобы стерлись несуразности с женой.

Когда Стасе исполнилось три года, в имение, где находился старший сын Станислава потребовалась женщина, которая могла бы обучать детей грамоте и хорошим манерам. Управляющий предложил свою жену, было получено согласие, и она с дочерью в зимнюю пору

выехала туда в сопровождении двух конных. В дороге что-то случилось, были наряжены люди для поиска, но они вернулись ни с чем. Как говорили, произошло несчастье, и управляющий соблюдал траур.

9

Зима только подступала, днем было зябко, а к ночи брался мороз. В такие морозы старец Анисим в том дворе, где останавливался на ночлег, шел спать к коровам, телятам или овцам, у кого что водилось в хозяйстве. Сколько его ни просили, в хате спать отказывался, и только когда становились морозы, он прибывался к какому-либо двору и там останавливался на разный срок. Бывало, побудет день – и пошел дальше по дворам, а бывало, и целую неделю живет на выбранном дворе. В окрестных деревнях и селах его знали, и считалось великим благом, если он посещал кого-то. Зайдет Анисим во двор, остановится, обопрется на свой посох и что-то говорит про себя. Старшие спешили к нему навстречу, кланялись и просили зайти в хату. Дети его побаивались, а если совсем карапуз, тот может и зареветь в голос. Стоило взрослому сказать: «Чего ты ревешь, это же Анисим!» – как малыш утихал, и слезы переставали капать из глаз. Анисим тоже низко кланялся, здоровался и спрашивал о здоровье, о бедах, а если у кого была какая хворь, у человека или скотины домашней, шел без приглашения туда. Самое удивительное, что человек, увидев Анисима, сразу чувствовал себя лучше и здоровее. Был он немногословен, голос тихий и немного хриплый, сразу могло показаться, что он плохо слышит, и люди старались говорить громче, но, поговорив минуту-другую, тоже начинали говорить тише и медленнее. Если бы не посох да не борода взлохмаченная, то можно было бы подумать, что идет подросток – такого он был росточку. Всегда в любую погоду носил на голове шапку, снимал ее, когда здоровался и входил в хату или в хлев да там, где собирался спать, а на ногах лапти в онучах, портки и свитка с перекинутыми через плечи двумя холщовыми сумами, а на шее висел карман, где иногда помещалась денюга. В деревне он долго не задерживался, брел от двора до двора, так и обходил всю деревню. Брал хлеб, выпивал квас или воду, раз в неделю ел горячую пищу и шел дальше.

В деревне, куда добрался Анисим, перед морозами многие болели, в таких дворах он задерживался на день, а то и два, а во дворе старосты ночевал три, там болела старшая дочь и на поправку пока не шла. Анисим находился возле нее не отходя, как начинали доить коров и до самого темна, и почти ничего не ел, только пил воду. От морозов трещали бревна дома, были собаки, услышав волчий вой недалеко от деревни. Поутру Анисим попросил горячего кипятка с хлебом, молча сидя на скамье у печи, съел его, поблагодарил хозяйку, поклонился ей и, ничего больше не сказав, засобирался в дорогу. Вышел за ворота деревни. Мела поземка, санная дорога во многих местах переметена снегом, но ветер дул в спину, и Анисим шел быстрее обычного.

Хворь дочери старосты не проходила, а стала одолевать Анисима, и под утро, открыв глаза, он услышал тихий шепот, который до него доносился обычно в ночи: «Тебе надо уходить». Анисим поступал по велению идущего откуда-то шепота, и на этот раз, проснувшись и вспомнив те слова, он поспешил покинуть двор старосты и деревню. У него не было ни тревоги, ни обеспокоенности от зимнего ненастья и предстоящей дороги, а шел подгоняемый ветром по заснеженной дороге, согретый выпитым кипятком и со своими думами. Он не прикидывал, сколько ему идти, когда он придет и куда приведет эта дорога. Вошел в лес, и ветра нет, и как бы мороз послабее, а ноги несут, не сбавляя хода, куда-то спешат они сейчас, надо за ними поспешать, так развожжает себе Анисим. Дышится легко и ненапряжно, оттого идти весело. «И куда тебе спешить надо?» – задает себе вопрос Анисим и знай дальше идет. Можно было уже и кусочек хлебушка присохшего пожевать, только не останавливаются ноги. Вышел Анисим с поворота дороги, и открылась перед ним картина жуткая. На обочине возле двух

сосен снег красный от крови, сани перевернуты и лежат три загрызенные лошади. Анисим сразу определил, чья это работа. Только где же люди, кто правил этими несчастными санями? Кинулся он к ним, а ближе к лошадям лежит истерзанный человек, а дальше еще один, большая стая здесь пир себе устроила и на всех хватило для пира еды. Чуть позади саней лежит кибитка на боку, зарытая в снегу, туда и побрел Анисим. Закрытая она оказалась, стал он ее открывать, как ни силился, а не получалось отворить ее. Шорох там послышался Анисиму или дыхание, и забыл он обо всем на свете и с такой мольбой стал просить о помощи открыть эту заветную дверку, что и не заметил, как это у него получилось. В кибитке, уткнувшись головой вперед, лежала женщина, Анисим нащупал ее руку, она показалась ему теплой, приподнял женщину, а под ней ребенок лежит, и он признаки жизни подавал, как бы о помощи просил. Что для себя запомнил Анисим, так это то, что кибитка та на полозьях была и ими, по-видимому, к саням крепилась. Дальше он ничего вспомнить не мог. Да и не хотел вспоминать, как было. Потом люди рассказывали, уже к самой ночи собаки в хуторе залаяли, обычно они так лаяли, когда волки подходили, и вышел хозяин со своими работниками к изгороди, а собаки знай сильнее лают и рвутся. Тогда это не волки, раз собаки так рвутся вперед, так и обнаружили Анисима с кибиткой. Был он без сознания и не подавал никаких признаков жизни. Весь хутор тогда поднялся, спасая женщину и ее ребенка, а Анисим так и лежал у порога, да собака с ним рядом прилегла и все руку его лизала. Заворошился он и приподняться собирался уже, чем сильно напугал хозяев и его людей. Ввели его в хату, где люди дворовые проживали, стали на лавку укладывать, а он хлеба да кипятку просит. Молча попил кипятку с травой иван-чая, сжевал кусочек сухого хлеба, поклонился женщине, которая ему подавала, и спросил, а где те несчастные. Чудом тогда Анисим спасся сам и спас женщину с ее дочерью, долго в округе ходила молва о том случае, она обрастала страхами и ужасами, наделяла Анисима богатырской силой, а то и колдовством, будто заставил он медведя кибитку тащить почти десять верст. Многие приходили на ту женщину и ее дочь годовалую посмотреть и дивились их убранности и красоте. Женщина говорить не могла, но понимала, что ей говорят, была она печальна и все время проводила с дочкой. Приходил к ней дьякон, она что-то писала на бересте, но дьякон понять не мог написанного, только сказал, что эта женщина панского роду и письмо она знает. Был на хуторе и урядник, после чего ушел в волость его доклад: «...в леси знайшли жинку з малым дицем. У бяспамятстве не размавляе. Виднага роду. Згадився жинку з дицем даглядаць заст».

Анисим прожил на хуторе почти две недели и окреп, девочка тоже ожила и стала веселой, все больше проводила времени с матерью. Им выделили отдельную комнату и приставили женщину для прислуживания. Перед самым уходом Анисим без посоха и шапки зашел в их комнату, девочка прижалась к матери и замерла, женщина смотрела на него спокойно, с неким любопытством. Анисим сделал несколько шагов, стал на колени и поклонился в ноги женщине, приподнялся, погладил по голове девочку и вышел. Больше его никто на хуторе не видел.

10

Женщина та полюбилась людям на хуторе. Стала она немного произносить слова, помогать по дому, и получалось это у нее ладно и красиво. Полюбили и ее дочь, она вскоре сдружилась с хуторскими детьми, но случалось так, что вдруг заплачет и закричит, и тогда вспоминалась всем та страшная ночь и Анисим. Хозяин тоже с интересом посматривал за женщиной, видно было, что она ему приятна. Только случилось так, что возле нее больше всего был младший сын хозяина, все больше и больше замечали люди, как они вместе проводили время. Заметил это и хозяин, и был у него разговор со своим младшим сыном, после чего сын не показывался дня два, а потом снова они с отцом провели целый вечер. С того дня сына хозяина и ту женщину можно было часто видеть вместе. Пошли разговоры и пересуды, что она будет женой младшего сына, хотя средний сын еще не женат. А самое главное, было неясно, какой она веры,

тогда она попросила, чтобы ее отвели в церковь, и приняла она ту веру, которая была в той деревне, и стала она Авдотьей. Покрестили и ее дочь, дав ей имя Агриппина. Не согласился отец с просьбой сына, чтобы Авдотья стала его женой. Поднял тогда руку сын на отца, поднялся крик и понеслись проклятья. Разрушился покой на том хуторе. Изгнал отец сына из дома за то, что тот поднял руку на родного отца, а женщину с девочкой оставил при себе. Невеселая получилась история. Вся семья отвернулась от отца, плохая слава пошла гулять о той женщине по окрестным деревням и хуторам. Взял тогда хозяин ту женщину в жены, и вскоре родила она девочку, и назвали ее Полиной.

Прошли зима и лето, за ними еще зима и лето, стала забываться и утихать та история. Жизнь на хуторе, казалось, замерла. Изредка на людях появлялся отец некогда большой семьи, можно было заметить его опрятность и ухоженность. А еще через зиму привез он на хутор наставника для обучения грамоте дочерей женщины. Наставнику женщина представилась как Миля или Милена, и произнесено было это имя там впервые с появления ее на хуторе. Вернулась к женщине память, хозяин в беспокойстве велел называть ее, как и прежде, Авдотьей. Наставнику выделили для проживания помещение, которое раньше занимал младший сын, там же он проводил занятия с девочками. К концу лета наставника хозяин отвез обратно, обучением стала заниматься сама Авдотья, а вернее Милена. Никого из мужского рода не допускал хозяин хутора в свой дом и очень берег ту женщину.

Чуть поодаль от хутора начались изменения, приехали переселенцы и стали недалеко строиться. Появилась новая деревня, и назвали ее Новоселки. Забеспокоился хозяин, отъехал несколько раз по делам, а к жниву привез бумагу и объявил, что все, чем владел, переходит Авдотье. Уже заканчивалось жниво, как вдруг занемог хозяин и с каждым днем становился все слабее и слабее. На похороны сказал никого из его семьи не звать. Вскоре хоронили хозяина. Не стала в горе убиваться и плакать Авдотья, а сразу взялась она за оставленное ей хозяйство, быстро во всем разобралась, поняла, что хозяин, с которым она прожила почти десяток зим, несмотря на его угрюмость и нелюдность, вел дела продуманно и не был транжирой. Вскоре и соседи заметили, что эта пришлая женщина крепко взялась управлять хозяйством и спуску не давала никому. Снова на их хуторе поселилась учительница, стали слышны звуки музыки и пение. Хозяйство требовало к себе пристального внимания, и обучение дочерей Авдотье пришлось возложить на учительницу. Только стала замечать Авдотья, что старшая ее дочь была менее веселой и жизнерадостной, часто на лице появлялась бледность, и ей хотелось присесть и отдохнуть. Обеспокоилась Авдотья, а как-то в конце лета мимо хутора проходил старец, и она приказала подать ему. Вышла за ворота, сама с ним поздоровалась и вдруг рассказала ему о своей дочери. Выслушал ее молча старец, поклонился и говорит: «А ты сходи к Анисиму, ты должна его помнить», – и ушел.

А через день Авдотья уложила в пролетку еды, дорога предстояла неблизкая, и сразу после полудня уехала, взяв с собой одного работника с хутора. На следующий день она выехала на шлях, что вел к имению польских панов Грушевских, которые обосновались здесь, как говорили люди, испокон веков. Услышала эту фамилию Авдотья, и сердце забилося, а не сюда ли ее путь-дорога лежала, когда ехала зимой, ой, сколько времени прошло, а вот подъезжаю. От этих мест было недалеко и до монастыря, к которому Авдотья подъехала уже в ночи. Не пустили их в монастырь, а разрешили остановиться у ворот и там ночевать. Утром она рассказала про свою беду, одна из монашек отвела Авдотью в небольшую хатку, что притулилась у озера, за монастырской оградой. А утром она стала просить о встрече с Анисимом. Ей монашка рассказала, что старец очень слаб и мало с кем встречается – и то только до полудня.

– А откуда тебе об Анисиме ведомо? – спросила монашка.

– Он меня с дочкой зимой спас, давно это было, – ответила Авдотья.

– Я поговорю с Анисимом, может, он захочет тебя видеть, – услышала Авдотья.

Они вышли из хатки. Куда идти, что ей делать дальше, Авдотья не знала и покорно шла за монашкой – та вела ее вдоль берега озера. Пройдя немалый путь, Авдотья увидела одинокую хатку, что стояла на возвышенности, туда и вела их тропинка. За первой хаткой, куда они подошли, виднелась вторая. Место было тихое и безлюдное. От тишины, казалось, тут жизнь остановилась. Только взглянув на небо, Авдотья увидела, как там высоко плывут небольшие облака, которые и были предвестниками жизни в этом месте.

Перед самым полуднем недалеко от хатки на поваленном дереве сидел маленький человек, опираясь на посох.

– Это Анисим, – тихо произнесла монашка, и они остановились. Монашка направилась к старцу и что-то ему говорила. Потом подошла к Авдотье, сказав:

– Он будет говорить с тобой.

Подойдя к сидевшему на дереве человеку, Авдотья узнала в нем Анисима и радостно поприветствовала его. Признал ее и старец, тоже кланялся ей, присели они на поваленном дереве, как на скамейке, и поведала Авдотья ему о своем горе. Анисим еще больше похудел, сделался совсем маленьким и щуплым. Слушал молча, закрыв глаза, замолчала Авдотья, думая, что спит Анисим, а он не открывая глаз заговорил:

– Дочь твоя поправится, и у нее девочка будет, ты береги ее, много ей придется пострадать за себя и многих, – посмотрел на Авдотью, поднялся со своей скамьи, поклонился и произнес: – Тороплюсь я, милая, тороплюсь, – и ничего больше не отвечая, опираясь на посох, пошел к своей хатке.

Вернулась домой Авдотья, можно сказать, ни с чем, только через некоторое время появилась в глазах дочери радость и пошла она на поправку.

11

Анисим стал все реже и реже выходить из своей хатки. В один из дней он попросил, чтобы к нему пришла Пелагея и как можно скорее. Пелагея пришла под вечер. Анисим поджидал ее на своем ложе, так он называл поваленное дерево. Он сидел там почти с обеда, сидя спал, просыпался, оглядывался, узнавал окружающие места и снова дремал. Вокруг стояла тишина, не было слышно пения птиц, писка комаров, даже дуновение ветра. В этой тишине Пелагея подошла к старцу и стоя приветствовала его. Она догадывалась, что он собирается сказать ей что-то важное и сокровенное, поэтому сразу, как ей наказали, стала молиться. Так и прошел в молитве почти весь день. Анисим заговорил сразу:

– Собрался я в дальнюю дорогу, пришла моя пора, завтра с солнцем выйду из этих мест. Много на своем пути встречал людей, а завет один открою только тебе, знаю, что мое слово сохранишь и понесешь его дальше, а еще и прибавишь к нему. Знай, что в каждом человеке, даже никчемном, есть частичка Бога, слушай и разговаривай с этой частичкой. Как со мной разговариваешь, не страшись, разговаривай, и придет тебе ответ. Предназначение твое в лекарстве. Помни, что всякая болезнь тяжкая, лечится длительным постом и молитвой, молитвы ты знаешь. Только не всякому человеку болезнь отпускать надо, уходи тогда от того человека, ты его сразу узнаешь, как читать молитву будешь, и вины твоей не будет. Здесь, на монастырских землях, место не твое, и ты его покинь. В конце пути своего лекарские знания свои передай, ты встретишь человека, кому передать надо. Иди с Богом, а я еще отдохну.

Пелагея низко кланялась старцу и, не проронив ни слова, ушла к себе, где молилась почти до утра.

Пробежала уже не одна зима, строилась и разрасталась деревня Новоселки, задумали там всем миром церковь возводить, и Авдотья предложила свою помощь, а мало что деньгами помогала, так еще и за строителями присматривать стала. Косились за это местные мужики, но замечали, что дельные слова говорит эта пришедшая женщина, и стали с ней соглашаться.

Церковь строили большую, почти такую, как в монастыре, и было задумано ее освятить на следующий год, к Покровам.

В ту ненастную зимнюю пору мимо хутора проезжал обоз с извозом. Один из обозников был в горячке, упростили хозяйку оставить того несчастного за немалое вознаграждение. Согласилась Авдотья, перенесли его бесчувственного в хату. Лицо его было без возраста и признаков жизни. Стали за ним ходить дворовые люди и дочь Агриппина часто к нему подходила. Трое суток находился в горячке тот человек, а потом попросил пить и снова впал в беспамятство. Авдотья уже было начала подумывать позвать дьякона или священника для причастия несчастного. Только стал он подавать признаки жизни, им оказался еще молодой хлопец, но телом слабоватый, вот, видно, и допустил он к себе ту болезнь. Когда он смог садиться, прислонившись к стенке, остригли его, и открылось взору худое изможденное лицо, был он похож на подростка, только глаза были взрослого человека, а назвался он Никитой.

Медленно поправлялся Никита, хотя старались находить для него пищу, которая, по убеждению Авдотьи, должна была давать силу. А сила к нему шла с другой стороны, от Агриппины, он стал рассказывать ей о себе, своей семье. Она слушала очень внимательно, иногда при их разговоре была Авдотья. Никита услышал, как Агриппина назвала маму Миленой, и спросил, почему у нее два имени. Агриппина рассказала ему случившуюся историю, которую ей поведала мама, только в ней было много непонятого и загадочного. Вскоре Никита стал ходить, и почти всегда его сопровождала Агриппина. Никиту влекла эта девушка. Уже заканчивалась зима, а за Никитой никто не приезжал. Он мало-помалу начал помогать по хозяйству, но часто его можно было видеть и в компании с дочерьми Авдотьи. Авдотья вначале неодобрительно смотрела на их совместные прогулки и об этом говорила Агриппине, та только усмехалась. Авдотья видела, что этот парень тянется к ее старшей дочери и тянется с добрыми чувствами, только стала заметна на его лице страсть, которая появляется у мужчин, о которой она так хорошо знала. В один из вечеров, беседуя вдвоем, Никита взял руку Агриппины и прижал ее к своей груди, так они сидели несколько мгновений. Вошла Авдотья, дочь вырвала руку и убежала к себе во флигель. Авдотья стала расспрашивать Никиту о родителях, и он без утайки рассказал об отце, братьях, сестре, невестках. А в конце его повествования Авдотья вдруг спросила, он что, хочет, чтобы ее дочь была его женой? Никита несколько помолчал и негромко ответил – да.

А через день приехали забирать Никиту, он вначале обрадовался приезжим, а потом сник и как-то стал ниже ростом. За Никитой приехали его брат и еще один человек из их артели. Они спешили, брат благодарил Авдотью и торопил Никиту со сборами, а тот был сам не свой. Наконец все уселись на телеге и начали трогаться. Никита все смотрел по сторонам, пытаясь увидеть Агриппину, но их провожал одна Авдотья. Уже почти на выезде он увидел Агриппину, она стояла у флигеля и махала ему в след.

В начале лета в дверь флигеля кто-то постучал, девушка не спала, она кинулась к двери и шепотом спросила:

– Это ты?

– Я, – был взволнованный ответ.

Тот стук слышала Авдотья-Милена, и слышала ответ, и встала на страже того, что должно было случиться. Авдотья плакала, сжалось сердце у нее, а отчего, понять не могла: то ли от горя, то ли от радости, а еще услышала слова, произнесенные дочерью: «Никитушка».

Перед жнивом снова Авдотья услышала стук в окно комнаты, где спала Агриппина. Она сразу догадалась, что это пришел Никита, два дня его укрывала на хуторе дочь, и знала о нем только младшая дочь, так они думали. А когда Никита уходил на третью ночь, остановила его возле плетня Авдотья. Разговор у них был короткий, Никита обещал прийти, как завершится уборка зерновых, со сватами.

Никита пришел неожиданно один и сразу пошел к Авдотье, по его виду она поняла, что сватов не будет. Никита стал просить ее дочь в жены без согласия его родителей и остаться жить здесь. Не сразу ответила Авдотья, сказала, что подумает день-другой, а думать было о чем. Что Агриппина согласна выйти замуж за Никиту, об этом можно было и не спрашивать. Авдотью удивила младшая дочь, которая перед сном залезла к ней в постель, что было очень редко, и вдруг слышит ее такой милый и нежный голосок:

– Мамочка, ты не упрямься, пусть они будут мужем и женой, – а потом вздохнула и продолжила: – А то ненароком сбегут они с нашего хутора, и что мы будем делать.

Сказала и молчит, а Авдотью будто холодной водой обдали. А что у них там в голове, и правда возьмут и сбегут, что потом делать? Не думала Авдотья о таком исходе, а память высветила того красивого офицера, помани он ее тогда, и побежала бы за ним. Вдохнула Авдотья полной грудью и заулыбалась:

– И кто же это тебя, моя дорогая, послал ко мне с такими речами, не Агриппина ли?

– Ты что, мамочка, я же уже взрослая, это я сама, разве ты не видишь, как переживает и мучается Агриппинушка, а ты, мамочка, знай себе молчишь, и Никитушка очень переживает, так ты мамочка не томи нас.

Авдотья вся затряслась от смеха, к ней пришли успокоение и радость.

– Тебе уже давно пора спать, уладится все, моя дорогая, иди спать, Полинушка.

Дочь спрыгнула с кровати и стремглав выбежала из спальни. А ведь действительно, она уже взрослая, еще года три – и надо будет ждать сватов, если не раньше. Как же время быстро пробежало, с грустью подумала Милена, она все чаще стала себя ощущать Миленой, и это имя ей нравилось. А взгрустнуть было от чего, что за жених этот Никита, не здешний он, и его здесь никто не знает, кто его родители, и они его не благословили и не приехали в сваты, эта закавыка и мучила Милену. Она видела, что дочь любит и тянется к Никите, и он весь светится, когда видит ее. А все же всплывает и мучает вопрос: а как оно будет, будет ли счастлива дочь? Мысли вихрем проносятся в голове, поднимая из памяти прошлое, мужа, который втайне решил избавиться от нее, хотя и было за что, вельможный пан, офицер, так это баловство и не больше, зловеще возникал хозяин, отец Полинушки. Милена почти никогда не называла его по имени, так и говорила – «хозяин», угрюмый и грубый, что-то звериное было в нем, оберегал он ее и ничего для нее не жалел. Вот сейчас она одна, не с кем совет держать, как быть, да подступает тревога какая-то за прожитые годы. Одна. Дочери вот враз и разбегутся, и с кем ты будешь, ты же здесь всем чужая, досталось тебе дармовое наследство от хозяина, много косых взглядов вокруг. Носится вихрь в голове, создавая тяжесть, и кто ее снимет с души, одному Богу известно. Сама решать буду, утро вечера мудренее, с этой простой мыслью Авдотья уснула крепким сном.

Объявила Авдотья мужем и женой Никиту и дочь свою Агриппину, было это скреплено дьяком, и сделана запись в церковных книгах. Но недолго продолжалась радость дочери, она опять часто становилась бледной, быстро уставала и становилась печальной. Авдотья начала было снова подумывать съездить в монастырь, но случилось так, что при освящении церкви она встретила там монашку, которая проводила ее тогда к старцу Анисиму. Она сама подошла к Авдотье, поздоровалась как со старой знакомой и назвала себя Пелагеей. Они разговорились, Пелагея поведала, что Анисим вскоре после отъезда Авдотьи умер, а она сейчас в монастыре не живет и приходит туда редко, а больше бывает в окрестных церквях. Авдотья в конце беседы рассказала о болезни дочери. Пелагея расспросила, где они живут, и обещала быть вечером. Авдотья благодарила ее и просила прийти к ним непременно.

Пелагея вечером была на хуторе, где с радостью встретила ее Авдотья, она позвала дочерей, но пришла только Полина, Агриппина чувствовала себе слабой. Пелагея сразу предложила пройти и поговорить с ней. Разговор у них затягивался, Агриппина, опершись на гору подушек и укрывшись теплой попоной, сидела на кровати, у ее ног примостился Никитушка, как его называли в этом доме. Пелагею несколько стесняли присутствующие, это вскоре поняла Милена и попросила оставить дочь одну с Пелагеей. Уже перед самым сном Пелагея подошла к Авдотье со словами, что ей надо завтра обязательно вернуться в свою обитель, там нужно кое-что взять, и она планирует вернуться к ночи. Авдотья встревожилась и начала расспрашивать о здоровье дочери, ответ она получила короткий и несколько тревожный. Недели через три-четыре она должна пойти на поправку, но каждый день утром и вечером ей нужно быть у болящей. Пелагея стала объяснять, что остановится на это время здесь у знакомых и будет приходить сюда. Авдотья сразу запротестовала, сказала, что завтра ее отвезут куда она скажет и привезут, а жить она будет здесь, и сейчас ее отведут и покажут ее почивальню. Пелагея присела, закрыла глаза и молчала, потом встрепенулась и согласилась, что она будет жить здесь. Агриппина через неделю повеселела, говорила, что ей с монашкой очень спокойно и радостно, а еще через пару дней в доме можно было слышать смех дочери и Никитушки. Авдотья стала замечать, что на хутор стали приходить чужие люди, просили позвать Пелагею, и та днем куда-то отлучалась, дворовые рассказали хозяйке, что монашка ходит лечить немощных, никому не отказывает, многих уже излечила. Пелагея с Авдотьей была немногословна, благодарила ее, что ей разрешили по-своему убрать почивальню и там в уединении проводить время. В первый день после обеда на выездном возку привезла Пелагея небольшой свой скарб, это в основном были большие церковные книги и иконы, тогда она попросила Авдотью разрешить расставить и разложить все это в почивальне. Авдотья сразу согласилась, и когда Пелагея ее пригласила назавтра посмотреть, как она устроилась, была удивлена и растрогана. Уже потом Авдотья не раз замечала, как туда заходила Полина, и они подолгу разговаривали с Пелагеей. На хуторе как-то все изменилось, стало уютнее и теплее, как сказала Агриппина, и действительно через три недели она себя чувствовала вполне здоровой, казалось, болезни и не было никакой.

В один из вечеров Пелагея попросила Авдотью выслушать ее, сказав, что она собирается уйти со своим скарбом в другое место. Авдотью сразу охватила тревога, и даже появился страх, ей представлялось, что если уйдет эта монашка, все снова изменится, и она с тревогой ждала разговора. Разговор был коротким. Хутор этот надо оставить, не для жизни он, строить нужно новое жилье и не откладывая, Пелагея здесь дальше оставаться не может, она будет приходить сюда на день-другой. Авдотья стала уговаривать Пелагею не уходить, а место в почивальне – это ее место. Пелагея благодарила и уже строго сказала, что через два дня она уйдет.

Грустно стало на хуторе, только в один из дней за обеденным столом Авдотья вдруг объявила, что они с весны начнут ставить новый дом, и надо решить, каким он будет. Тут же сказала, что она отдает из хуторского хозяйства дочерям. Радостно встречали Пелагею, когда она приходила на хутор, и оживало все вокруг, хотя была снежная и морозная зима, долго она не останавливалась, один раз, когда мело вокруг несколько дней кряду, она оставалась целую неделю. Уже когда стали синички петь по-весеннему и заметно прибавился день, в один из приходов Пелагеи попросила ее зайти к себе Авдотья. Она предложила в знак благодарности и уважения построить для Пелагеи жилище, где та захочет, очень просила. Пелагея слушала молча, ее лицо выражало спокойствие, и казалось, что разговор идет не о ней, а о ком-то другом и ей неизвестном человеке. Авдотья замолчала, опустила глаза и была вся напряжена, она ждала ответа, как подсудимый приговора судьи.

– Я подумаю и в следующий раз дам ответ.

Судья давал право жить.

В начале лета застучали топоры, тесали лес, закладывали основания построек на новом месте, а в версте с гаком почти у самого леса другая бригада соорудила небольшую хатку и все

необходимые для жилья постройки. Это место выбрала Пелагея, недалеко в лесах грушевых и Авдотьином лесу росла знатная черника, и разная другая лесная ягода, и много целебных трав. К зиме были готовы постройки для Авдотьи и Пелагеи. Радоваться бы всем, что происходит, да только Милена вздыхала и печалилась перед сном, не было у нее внука или внучки, а ей очень хотелось, чтобы в новом доме, на новом месте, был слышен детский голосок. В один из дней, когда они с Пелагеей пили вдвоем чай, высказала свою тревогу Авдотья и получила краткий ответ, что еще не время.

На следующий год произошло два радостных события: было освящено новое подворье, а сразу после жнива была свадьба, Полина вышла замуж за знатного жениха и переехала жить в село за несколько верст от Новоселок. Поселилась на новом месте и Пелагея, потянулись к ней люди со всех сторон и мест, всем она помогала, и выздоравливали люди, и скот ходила лечить, но мало к кому. Ходила по церквям, а потом часто ее можно было видеть с молодой монашкой. Пришла радость и к Авдотье, да сразу две, ее дочери под грудь стали носить по ребеночку. Только и беда пришла, откуда ее не ждали.

Не смогли сыновья хозяина простить, что им от отца ничего не досталось, выросли у них дети, наделы надо было раздавать, приданое готовить, а взять неоткуда, и месть их пришла на Никиту. В косолицу ушел он на дальний покос, что почти у речки, и не вернулся. Кинулась Авдотья на поиски, да только никто ей ничего толком сказать не мог. Наказали ей, что в монастырь прибился молодой хлопец, весь избитый, при смерти, там за ним досматривают монашки. Поехала она в монастырь, изменились там порядки, пошло запустение и упадок, принята была Авдотья, обещали помочь ей, только просили вознаграждение, она согласилась.

Торопила Авдотья свою сопровождающую, а та шла мирно и не спеша, а когда Авдотья еще раз поторопила ее, «Бог – он все управит», – был ее краткий ответ. В хатке перед иконой горела свеча, сбоку на скамье кто-то лежал накрытый свиткой, рядом сидела женщина в монашеских одеждах. Авдотья подошла к изголовью и наклонилась, сверху на груди человека лежала рука, она была как лопата, на которой на под печи хлеб выкладывают, лицо перевязано холстом, видны только волосы. Они казались черными как сажа, это был не Никита. Авдотья еще раз осмотрела человека и не находила ничего похожего на мужа дочери.

– Это не он, – тихо проговорила Авдотья, махая рукой перед собой, как бы отгоняя кого-то от себя.

Вернулась Авдотья, увидела ее дочь, закричала неммым голосом, и случились у нее роды. Родила Агриппина девочку, и назвали ее Варвара. Снова каждый день возле Агриппины находилась Пелагея, вселяя матери и маленькой девочке надежду и радость, сколько радости прибывало им, столько жизненных сил уходило от Пелагеи. Но каждый день она шла к Агриппине, а когда наступили холода, сил приходиться уже не было. С ней все время находилась молодая монашка Марина. Похоронили Пелагею в начале зимы, только беда не приходит одна, простыла и занемогла Авдотья, некому было ее выходить, и она ушла в мир другой, не стало радости на новом подворье, пришлось Агриппине продать его, и поселилась она в небольшом дворе на краю деревни, как ни звала ее сестра Полина перебираться к ней поближе, не соглашалась.

Часть третья

1

Когда-то здесь жила монашка Пелагея, которая была известна далеко за пределами окрестных деревень, последние дни ее досматривала монашка Марина, и осталась она жить на том подворье. Когда и почему появилась она в этих местах, никто толком не знал. Прислуживала в церкви, когда проходили богослужения, и выполняла там различные работы. Матушка Марина стала ухаживать за больными, а потом оказалось, что она может лечить их. Молва о ее способностях излечивать от разных болезней не только людей, но и животных разнеслась по окрестным деревням. Пошли к ней люди, кто за словом, кто за исцелением, а кто просто побыть с ней рядом. Она стала ходить к больным, если ее просили, и шла в любое время. Лечила словом, настоями и мазями из трав, которые собирала в основном в лесу. Так и жила, всегда одетая в темную одежду. В хатке ее были редкие церковные книги и иконы.

К монашке Марине первый раз Варю, еще совсем маленькую, привела мать. Ей очень понравилась крохотная комнатка. Глиняный пол в сенях и самой хатке, устланный домоткаными половиками, сразу на входе в углу печь, за ней кровать, отгороженная полотняной ширмой, одно оконце, возле него столик приставлен к стене, слон, на котором могли сидеть три человека, и табуретка. Напротив печи с потолка свисала жердь с крючком, на которой висело ведро с водой и кружкой. В углу напротив двери стояли и висели иконы, возле них лежали большие книги. Варя чуть съезжилась и затихала от ликов икон. Успокаивал ее огонек лампадки у самой большой иконы. С мамой они приходили к тете Марине, как ее называла Варя, больше, когда уже сходил снег и подсыхала дорога, которая вела от деревни к лесу. Мать брала чего-нибудь с собой, как она говорила, это гостинец. В хатке становилось тесно, монашка усаживала Варю на скамью у стены, а они с мамой сидели за столиком. Почти всегда тетя Марина угощала чаем на травах. Комнатка наполнялась запахами лета. Летом Варя была возле матери и помогала ей, как ей казалось, очень-очень, а больше играла сама с собой. От их дома до жилища монашки была почти верста, очень далеко, как считала маленькая Варя.

Чем больше она подрастала, тем чаще Варя заходила к монашке. Разговаривали они мало, монашка показывала ей церковные книги, рассказывала о святых, потом замолкала, и Варя продолжала листать книги сама. Летом они проводили время возле хатки, монашка подводила ее к забору и показывала желтые цветочки, она почему-то их хорошо запомнила, они назывались зверобой, а когда почти у тропинки Варя вырвала большие темно-зеленые листочки, тетя Марина назвала их подорожником и еще сказала, что эти листочки очень помогают, если приложить их на ранку, тогда она быстро заживает. Они вместе находили и другие травы и цветочки, но Варя их все сразу не запоминала. Они обычно отдыхали за хаткой в тенечке, тетя Марина вдруг тихонько скажет: «Послушай, это поет птичка, она не маленькая – это дрозд», а потом послушает и уже ведет разговор о других птицах, пение которых слышалось рядом в лесу. О птицах, лесных жителях и травах монашка знала очень много, и когда начинала рассказывать, Варя замолкала, у нее округлялись глаза, и в них можно было видеть и птичек, и их гнезда, и все, о чем ей тихим голосом, который, казалось, лился с неба, повествовала эта уже немолодая женщина. Когда становилось тепло, они подолгу ходили в лесу. Так постепенно Варя постигала тайны леса, цветов, трав и птиц. Потом некоторое время, когда у Вари появились подружки-сверстницы, перестала заходить к тете Марине. Однажды уже взрослой девушкой летним днем, после того как выгнали коров на пастбище, после обеденной дойки, повстречалась с монашкой на улице, засмушалась, покраснела. Монашка несла воду с колодца,

раньше Варя ей старалась помочь поднести ведро, и, взявшись за дугу ведра, они так и несли его вдвоем, и неизвестно, как помогала Варя его нести.

– Как ты, Варя, выросла, прямо красавица, – Варя еще больше покраснела, и вдруг на глазах показались слезы.

– Что ты, милая?

Она обняла ее, Варе захотелось рассказать тете Марине о себе и своем, как ей думалось, горе. Так они стояли минуту-другую, прислонив головы, пожилая женщина и молодая девушка.

– Тетя Марина, давайте помогу вам, – и взяла ведро у монашки.

Дальше шли молча до ее хатки. Стрекотала сорока, сколько помнила Варя, эта сорока жила здесь возле хатки, и только появлялась тетя Марина, как она начинала стрекотать, приветствуя свою хозяйку. Сейчас сорока стрекотала тревожно, по двору к хатке шел чужой человек.

– Ишь, забыла, чего разошлась, своя это, своя, успокойся, – и действительно, сорока замолчала и перелетела подальше на другое дерево.

Ничего здесь не изменилось, только хатка, казалось Варе, стала еще меньше и ниже, но вокруг было спокойно и мирно, будто она вернулась в детство. Внутри было прохладно и уютно.

– Садись, милая, угощу тебя квасом хлебным, – и вышла в сени.

Тетя Марина расспрашивала о матери, потом перешли на знакомых, и незаметно Варя рассказала о своем горе. Монашка сидела на кровати, положив руки на колени, и слушала, порой казалось, что она дремлет. Это было не так. Слушая горе Вари, она вернулась ко временам своего детства и молодости, которые никак не разделялись.

2

Так мило было сердцу Марины вспомнить дом отца и свою маму. Ее мать звали Феклой. Была она жизнерадостной и крепкой, острой на ответное слово. В их семье было пятеро детей, три брата и две сестры, Мария самая младшая. Старшего брата Федора они боялись и уважали, поэтому слушались во всем, как деда и отца. Он был их заступником на улице в драках между детьми или когда пытались над кем-то из них насмеяться. Но мог и поколотить. Марина вечером, бывало, показывала синяк, только отец говорил – по делу. Мать тоже молчала.

Вся семья была занята разными работами. Федор уже считался взрослым, и в шутку поговаривали – пора жениться, а дед Игнат, тот часто говорил:

– Я в твои годы уже давно имел жену по совету отца, молодую тогда Марфу, и она уже все работы выполняла по дому. Да и пробовал ходить на заработки с отцом, избы рубили.

Переводил дыхание и продолжал уже с грустью:

– А ты что? Сопляк.

Младший сын Игната Захар усмехался и произносил:

– Пусть чуток сил наберется, – и брал его с собой на разные домашние работы.

Старшая сестра Акулина, боевая девка, родилась после Феди. В ней чувствовалась физическая сила и азарт, вся в мать. Мать рано ее начала приучать к женским работам, а потом она с Федором и мужские выполняла.

– Ей если не давать работу, она скоро загуляет и принесет бастрюка в подоле, – бывало, скажет баба Марфа. Часто ей попадало и от отца и матери, только она долго не плакала и не причитала. Через минуту-другую уже куда-то спешила и старалась быстрее убежать со двора, а вечером на нее опять ругались.

– Ох, и в кого же ты такая уродилось, – часто можно было слышать такие слова от матери. На что баба Марфа отвечала:

– В тебя, чисто в тебя.

Начиналась, как говорил дед Игнат, бабья перебранка. Отец однажды сильно побил Акулину лыком, замоченным в воде для плетения лаптей, заступилась за нее баба Марфа. Тихо после этого на их дворе было дня два. Два других брата Марины Пилип и Прокоп росли тихо и незаметно. Пилип был старше Марины, но хилак, – говорил на его отец. «И что с тебя будет?» – сам себе задавал такой вопрос. В семье его почему-то называли Пилипок. Отец его недолюбливал, это было причиной частых перебранок матери и отца. Ругались долго, бывало, отец и бил маму, и обзывал ее самыми последними словами. Вмешивалась баба Марфа и успокаивала драчунов.

Марина часто делала домашнюю работу вместе с Пилипом. Он был молчун, делал быстро, но быстро и уставал, садился, и ему надо было отдохнуть в тиши.

– Это отец его так побил, и что-то стало с ним, – рассказывала Акулина. – Не может он маму простить за что-то, особо когда выпьет.

В то лето Марина пасла телят и овец вместе с Пилипом. В конце весны случилось с ней несчастье. Уже крепкий бычок на пастбище начал дурачиться, Марина пыталась его успокоить, но он бросился на нее и так боднул, что она улетела в болотную жижу и еле оттуда выползла. Недалеко были другие дети, и они видели, что случилось с Мариной, а младший ее брат Пилипок пустился бежать на поле туда, где работали родители. Скоро пришел старший брат, потрогал бок, руки и успокоил Марину словами: «До свадьбы заживет». Заживало медленно, назавтра она не могла встать, пролежала три дня. Тяжело дышалось, потом начала вставать и делать домашнюю работу. Тут и предложила баба Марфа взять ее, чтобы приложилась к иконе Божией Матери, в Киев, смотри и хворь пройдет.

Когда заканчивались посевные работы и не началась еще уборка сена, собирались женщины кто постарше сходить в Киев помолиться. Через три дня шесть женщин и баба Марфа с Мариной, как только начало светать, вышли из деревни, помолились у креста, что был у развилки дорог, и споро пошли в направлении на полуденное солнце. Обычно в первый день добирались до монастыря, там молились, ночевали, а поутру шли дальше и на четвертый день приходили в Киев. Всю дорогу читали: кто про себя, а кто и вслух молитвы, идти было легко. На этот раз занимала им время Марина, она уставала и просила пить. Первую ночь они спали в гумне старика-отшельника за деревней, что встретились им на пути. У Марины кружилась голова, началась рвота, она попила квасу, который принес старик, легла на сено и заснула. Поутру она была в жару, но баба Марфа решила ее вести до монастыря. «Уже здесь недалеко, версты три с гаком», – говорила она с тревогой. Остальные женщины ушли вперед, а баба Марфа Марину принесла на себе к вечеру, почти бездыханную.

Очнулась Марина через три дня поздно вечером, рядом с ней сидела в монашеской одежде строгая женщина. Как потом узнала Марина, это была монашка Пелагея, лекарь от всякой болезни, она и выходила Марину. Наутро, только начало всходить солнце, монашка Пелагея привела ее на утреннюю молитву, и больше ее Марина не видела в монастыре. Марина быстро вошла в монастырский быт, ей он понравился своим спокойствием и размеренностью. Не было того крика родителей и руганины, визга, подзатыльников от взрослых и братьев. Она с охотой и старанием выполняла посильную работу и просила дать еще что сделать и помочь. Полюбились ей утренняя и вечерняя молитвы, строгость общения монашек. Через неделю Марина уже чувствовала себя окрепшей и готова была остаться здесь навсегда, но приехал отец, привез, как он сказал, гостинцев и увез ее домой. Опять она стала пасти телят и овец, часто ей вспоминалась монастырская жизнь. Марина стала чаще подходить к бабе Марфе и читать вечером перед сном молитву, а были дни, что баба Марфа брала ее на воскресную службу в церковь. Тогда пасли телят старшая сестра и кто-то из братьев. Только было это редко.

Так и пробежало лето, становилось прохладно, небольшое стадо Марина пригоняла, когда уже вечерело и садилось солнце. Хотелось быстрее в тепло, только в доме – где там можно погреться? На печь еще рано, да и мать сразу давала работу, и только поздно вечером садились ужинать. За стол без отца и деда Игната не садились. Они подходили, крестились, и вместе с ними стоя крестились все. Ели молча и быстро и ложились спать, а старшие брат и сестра шли, как говорили в их семье, «на гулянку». Приходили они поздно ночью, Марина порой и не слышала.

Телят, как и коров, пасли почти до конца октября, до праздника Покрова. Утром и вечером уже было холодно, часто шли дожди, в такие дни Марина с Пилипом стадо пригоняли рано и люди ругались на них. Марина после той болезни стала бояться холода, поэтому и пригоняли стадо рано, ей хотелось быстрее в дом и согреться. После ужина Марина и Пилип лезли на печь. Когда становилось прохладно, дети спали на печи, Федора, как самого старшего, клали за печью. Однажды утром Марина услышала, как Акулина жаловалась матери на старшего брата, что он подсматривает за ней и, бывает, щипает за ногу или еще где-нибудь.

– Вот кобель, – только и сказала мать. После того Федька стал спать на лавке, где отец обычно мастерил сбрую для лошадей.

Зимой мать устраивала помывку в доме, отец приносил корыто, в которое наливали горячей воды, и мылись. Старший брат и отец мылись в бане у старосты. Мать и баба Марфа туда не ходили. В бане сначала мылись хозяева, все их семейство, потом разрешалось приходиться тем, кто помогал старосте в работе, тогда шли по очереди мужики и бабы с девками постарше.

– Срамота одна, – говорила баба Марфа, хотя раньше и она ходила туда с родителями.

В корыте мылись поочередно: вначале кто помоложе, потом Акулина с матерью и последней баба Марфа. Кто мылся первым, тех быстро загоняли на печь или в другую комнату. Марина становилась без одежды в корыте, ее мыла баба Марфа, она стеснялась, что голая, и просила маму:

– Пусть не смотрят на меня.

– Так на тебя никто и не смотрит, такая ты барыня, – отвечала ей мама. Потом Марина смотрела с печи, как мыли ее братьев, и уже не стеснялась.

Зима тянулась долго, ждали святок, работа была в основном в доме. Отец на своей лавке напротив печи ремонтировал сбрую для лошадей, а иногда начинал собирать по частям сани, тогда к нему подходили Пилипок и Прокоп, пытались помочь, а на деле только заминали в работе. Отец на них не ругался, а приговаривал, что мужское это дело и надо учиться ему с младых ногтей. Марина уже садилась за веретено и пряла льняную нить. Такая работа радовала ее, каждое воскресенье с бабой Марфой, а иногда и с матерью, ходили на службу в церковь. Одевались в чистое и еще по темноте шли на утреннюю молитву. Ходила в церковь и старшая сестра, только ей там нравилось другое, она тихо разговаривала с подругами, а были случаи, что их выгоняли из церкви, и тогда они усердно молились на входе да трепка дома была сильная. Как-то мать сказала, что Акулина уже стала совсем взрослой, и не пустила ее в церковь.

Марине тоже хотелось сходить на те вечерки, она хотела и боялась. Боялась позора, о котором так часто говорила мать. Приближалась масленица, дети все засобирались на гулянку, где катались на саночках с горок. Искали кому что обуть, надеть и после обеда выходили всей семьей на улицу, веселые игры в деревне проходили в основном на горках и возле лавки, где продавались прямо во дворе разные товары, шли туда и баба Марфа с матерью, редко выходили дед Игнат и отец Марины. У Марины была радость на душе, она чего-то ждала веселого, но тихого от тех игр.

Получилось так, что она на время забыла, где она, кто-то подхватил ее и посадил на сани, на которых сидели девушки постарше и ее ровесницы, и покатили их, покатили с криком, звоном, и пустили с горки, и понеслись сани вниз. Сколько было визга и смеха. Марина тоже

смеялась и визжала тонким голосом, только спроси ее, отчего она визжала – не сказала бы. Потом раз – и сани опрокинулись, и полетели кто куда, сначала было страшно, а когда начали подниматься на ноги, опять стало весело и радостно. Марину опять кто-то посадил, и они неслись вниз, кто-то ее крепко держал, что дышать было невмоготу, и опять сани опрокинулись. Вернулась она домой радостная и счастливая.

Через неделю перед постом снова пошли кататься на санях. Опять подхватил ее парень, и что-то щелкнуло в голове, будто щепка сломалась, и сдавило внутри, и дышать стало трудно. Напряглась и покраснела Марина, посмотрела ему в глаза, только на миг встретились их взгляды, и почувствовала его силу над собой. Домой пришла притихшая, только глаза светились радостью. Она избегала встречи с ним, и в то же время ей хотелось его видеть.

4

Как и прошлым летом, Марина пасла с Пилипом стадо, только оно стало больше и хлопот прибавилось от этого. В то лето дед Игнат с отцом и матерью собирались идти в сваты.

– Хватить Федьку кобелем ходить, пусть жена за ним смотрит, а то совсем сгуляется, да и Акулину взял бы кто, – говорила мама.

– А кто огород будет досматривать, кто тебе будет помогать ткать полотно? А сама какая была, что, может, лучше, такая же вертихвостка и была, – ругалась на нее баба Марфа.

– Не слушай ее, Акулина, – так снова поднимались ругань и крик.

Федину свадьбу справили в начале осени, и появилась в доме Игната и Захара Василиса, жена Федьки. Они сразу сдружились с Акулиной.

Перед Троицей баба Марфа засобиралась в монастырь на молебен, Мария стала просить взять и ее. Надо было на такой поход просить разрешения у отца. Отец и мать долго пререкались, но вмешался дед Игнат и быстро прекратил ругань.

– Что разошлись как петухи, пусть девка сходит помолится.

Идти собрались несколько женщин из их села, а с ними Марина и еще два подростка. Выходить договорились в субботу накануне праздника после обеда, чтобы к ночи быть в монастыре. С утра убрали в доме и во дворе, пол в доме устлали травами, а на входе прикрепили березовые и липовые ветки. Пилип пас стадо сам. Когда убрали двор, Марина пошла помыться.

Недалеко от деревни, там, где был небольшой покос, образовалось озерцо. Его полукругом обступали камыши, а со стороны деревни берег был пологий и песчаный. Полюбилось это озерцо сельчанам их улицы, да и жильцам с других улиц, и стали сюда приходить под вечер, а то и днем искупаться и вымыть тело от пота и просто прохладиться. Ходила к этому озерцу и Марина. Вот и сейчас она пришла к озерцу, разделась, вошла в воду и начала мыться. Вода была теплая, ее влекло взять и поплыть вот так куда-то далеко и встретить его, обнять, и что-то потом должно было произойти, от чего по телу побежали мурашки. Ее мысли прервало ржание лошади, на тропинке, которая вела от дороги к озеру, верхом на лошади сидел он. Это было в шагах ста от нее, она вскрикнула, выбежала из воды, схватила одежду и кинулась за камыши. Он привстал на лошади, пытаясь разглядеть ее в камышах, постоял немного, развернул лошадь и ускакал. Марина сидела, прижав одежду к телу, и шептала: «Какая я бесстыдная, какая бесстыдная». Когда он развернул лошадь и ускакал, ей хотелось плакать, кричать. Пронеслась мысль, что он уехал от нее, бесстыдной и позорной. Надо было собираться и скоро уходить на молебен, Марина оделась и заспешила домой, ее уже ожидали.

– Где ты шляешься, ждем тебя, ждем? – напала на нее соседка.

Баба Марфа только сказала:

– Давайте перекрестимся и в путь дорогу, пусть будет она легкой.

Все начали молча креститься. Вначале шли гурьбой и разговаривали о разном. Марина шла подле бабы Марфы и думала о своем. А думы были вокруг Артема, так звали того парня.

Постепенно их гурьба распадалась и вытягивалась цепочкой, так было легче и спорее идти. Когда солнце село за лесом, они незаметно для себя подошли к деревне, где ночевали, когда шли в Киев. К монастырю добрались к ночи, там возле озера в бревенчатом здании, похожем на сарай, им определили место для сна, Марина легла рядом с бабой Марфой.

Ночью ей снился сон, что она в праздничном наряде с венком из трав в волосах стоит с отцом и матерью в их дворе под цветущей грушей. Радостные и ожидающие чего-то необычного, перехватывает дыхание. Подъезжает лошадь, и верхом на ней Артем. Он улыбается и идет к ней. Она делает шаг и обнаруживает, что она раздета. Ей хочется бежать от страха и стыда, но ноги не слушаются, а он приближается. Как же ее увидят такой он, мать и отец, ее позор. Она закричала.

– Что, Марина, сон приснился? Если плохой, пусть идет на сухой лес, – успокоила ее баба Марфа. Марина прижалась спиной к бабе и заснула. Рано утром еще на зорьке они стояли на молитве.

Молебен с небольшими перерывами продолжался до полудня. Когда они трапезничали, мимо них прошла монахиня Пелагея, увидев Марину, остановилась.

– Окрепла за это время, – то ли она спрашивала, то ли выражала удивление этими словами.

– Слава богу, матушка, здоровая, вот пришли помолиться, – отвечала баба Марфа.

– Сегодня назад или остаетесь?

– Завтра поутру назад, работ дома много, – продолжала баба Марфа.

– Я бы здесь осталась, – вдруг проговорила Марина и покраснела.

– Приходи перед вечерней молитвой ко мне, – предложила Пелагея.

– Приведу ее к вам матушка, – согласилась баба Марфа.

День бежал быстро, они узнали, где обитает матушка Пелагея, и до вечерней молитвы были у нее. Пелагея обитала в маленькой одиноко стоящей келье в самом дальнем углу монастыря. Она появилась неожиданно позади Марины и бабы Марфы и приветствовала их.

– Пусть дитя останется со мной, будем с ней молиться, – как-то строго ответила она бабе Марфе, и та ушла на вечернюю молитву.

В келье был насыщенный запах трав и ладана. Келья не отапливалась, в ней стоял небольшой стол у маленького окошка, скамейка на двоих и стульчик, в углу скамья, покрытая родном, по-видимому, матушка там спала.

В другом углу была прикреплена икона Божьей Матери и еще несколько небольших икон святых. На столике лежала большая раскрытая книга. Она для Марины была диковинкой, она их видела раза три-четыре, как себя помнила. Книжки ее завораживали и отпугивали.

– Ты читать умеешь? – задала первый вопрос Пелагея и пристально смотрела на Марину.

– Нет, не умею, – краснея ответила Марина.

– Садись рядом, буду тебе читать.

Марина присела и стала слушать, в услышанном она мало чего понимала, а слова «искушение», «блуд», «покайтесь», «воздастся им» повергали ее в страх. Внутри все замирало, и хотелось бежать и прятаться. Стоя и на молебне, она воспринимала мало слов, у нее вызывали восторг слова, где славил и просили о прощении. Она тогда крестилась и низко кланялась. Сейчас она тихо сидела и слушала, а Пелагея водила пальцем по строчкам написанного и монотонно читала. Потом встала, встала и Марина и начала креститься, тихо нашептывая молитву.

– Садись, буду учить тебя читать, чтобы сама познавала слово Божье.

Трудное для Марины занятие они закончили к ночи. Марине было радостно и тревожно, что ее начала матушка учить читать. Пелагея привела Марину к бабе Марфе, когда та готовилась ко сну, она поприветствовала ее и сказала:

– Приводи ее сюда почаще. Это ее место.

– Так дома работ сколько, а она у нас до работы справная, а что до грамоты, так мы все без грамоты и, слава богу, живем, – отвечала баба Марфа. Боялась баба Марфа той грамоты и хотела оградить Марину, как ей казалось, от пустого дела.

Марфа больше из всех своих внуков и внучек жалела Марину. У Марфы и Игната было семеро детей, жили одной большой семьей. Все шесть сыновей взяли себе жен, а дочку сосватали дальние родственники Игната из соседней деревни, когда она стала выполнять все домашние работы. Спроси Марфу, сколько у них внуков, она не скажет, а так каждого знала по именам. В хозяйстве у Игната был целый десяток лошадей и немало земли, а досталось ему все это от матери.

Часть четвертая

1

В году было два-три воскресных дня, когда Игнат не шел в церковь, а садился за стол и один в тишине подсчитывал свои барыши и намечал, куда надо было их первым делом направить. Такую привычку он имел от своего деда. Игнат был и внешне похож на него, а больше всего они были похожи, как говорила Марфа, своими особыми «нутренними духами». Звали деда Парамон, а знали его люди важные и не только губернские. Поговаривают, и в столичных городах следы его остались. Как помнил Игнат, дед его был богатым человеком, вернее, богатой была бабушка Катерина, его жена. Был он высокого роста, беловолосый, глаза голубые, борода рыжая и всегда подстрижена, и она его не старила. Троим своим сыновьям и двум дочерям были выделены немалые средства и приданое для обустройства и налаживания жизни с достатком. Остался он с младшим сыном, отцом Игната, который доглядел его до последних дней. Не раз слышал Игнат, как удивлялись приезжие возрасту его деда Парамона. «Как же он молодо выглядит, а столько прожил!» – можно был услышать говорок собравшихся в углу гостей. А дед раскатисто смеялся, показывая полный рот зубов, и произносил свою сокровенную и заветную фразу, что он проживет еще лет тридцать-сорок, и рассказывал, как он помог одному попавшему в передряги старичку, который прожил уже больше века, и старичок нагадал ему, что спаситель его тоже проживет больше века. Парамон, как видно, верил этому. Он редко рассказывал о себе, а истории о своей жизни, правдивые или кем-то выдуманные или услышанные, любил слушать и никогда не перебивал рассказчика и ничего не добавлял. Смеялся, когда смеялись все, или лукавая улыбка блуждала в бороде, когда другие напряженно слушали очередную историю. Дед Парамон становился серьезным и озабоченным, когда считал деньги, то были минуты тишины не только в доме, но и в саду. Уже в преклонных годах он стал допускать к себе в такие часы Игната, которого уже обучили начальной грамоте и счету. Игнат замечал, что дед что-то бормотал себе под нос, потом замирал, и казалось, он спит, но лицо его жило и выражало то смех, то слезливость, а то и скрежет еще крепких зубов. В такие минуты Игнат старался и не дышать, наблюдая за дедом.

Удивлялись не только соседи, но и глава семейства умению их младшего сына Парамона управляться с ремонтом телег и саней, лошадьми и даже бабскими делами по части пришить что-либо. Да вот пришлось его отцу постараться, чтобы Парамона забрали в рекруты, иначе их семье грозил разор. Приходили жаловаться на Парамона из трех дворов, а тут пошла молва, что понесла от него дочка старосты, это могло закончиться бедой, вот и пришлось отцу Парамона нести хабар и просить урядника, чтобы забрали непутевого в рекрутский набор солдатом. Парамон был даже рад, что его забирают и увозят из деревни в неизвестные места, он и не простился с отцом и матерью, а как только тронулись телеги, тут же заснул, ибо в хате появился под утро.

Надев солдатскую амуницию, Парамон почувствовал, что стал другим. Ему все нравилось: исполнять команды, маршировать, даже когда получал кулака в нос, не держал обиды, а приговаривал: «Поделом тебе». Его стали замечать офицеры, а бывалые солдаты говорили между собой, что этот молодой рекрут далеко пойдет, если не попадет на воровстве. Так в каждодневном нелегком обучении прошли осень, зима и весна подходила к концу. Шла подготовка к убытию на полевое обучение, перед отправкой был сделан полковой смотр, на котором присутствовал командир полка. Парамон стоял третьим в первой шеренге, мимо которой проходил командир полка в сопровождении господ офицеров, и тот н вдруг остановился напротив Парамона, осмотрел его и не нашел никакой претензии. Поднял голову и встретился

взглядом с рекрутом, тот стоял спокойно и немного расслабленно, полковник задал два вопроса по начальному военному обучению и получил правильные неторопливые ответы.

– Отменно, – обращаясь к сопровождавшим его военным, произнес полковник и похвалил офицера за подготовку, которого рекруты видели впервые. После этого случая у Парамона была уверенность, что жизнь у него изменится, и он не ошибся.

2

Полетела после смотра весть, что вместо полевого обучения полк отправляется в какое-то дело, похоже, на войну с горцами. Пошли суета и сборы, с началом косовицы полк выступил в поход и с первыми заморозками был в предгорьях Кавказа. Парамону поход понравился. Знай себе иди да иди, к вечеру накормят, спать определяют. А уже когда в дерене привал и ночлег устраивали, вокруг Парамона почти всегда было веселье и смех стоял, то он молока ведро принесет и всем раздаст, то сала, то яиц, а один раз полбарана зажаренного принес. Но случалось, что приходил под утро, и сходило ему это с рук, только фельдфебель кулак покажет да пригрозит наказанием. Парамон притихнет и займется телегами, которым мелкий ремонт требовался, или починкой обуви, и так складно у него это получалось, что всякое зло на него проходило. О его похождениях часто вечерами у костра можно было слышать веселый рассказ, который прерывался солдатским громким раскатистым смехом, от которого смеялись у соседних костров.

Пришли к небольшому городку, больше похожему на село, и стали обустраиваться, и в одну ночь пропало два солдата и нашли одного без головы. Стали снаряжать охрану, притихли смех и прибаутки, и опять отличился Парамон. Как оно было на самом деле, тайной это осталось. Только в одну ночь притащил он связанного горца, оказалось, это был лазутчик. Как он объяснял своим офицерам и рассказывал вечером солдатам, что пошел он до ветру и услышал шорох, подкрался к тому месту как кошка и увидел человека, прыгнул на него и завалил того горца. Был поставлен за тот поступок в пример всем, и пошла еще одна о нем молва, как о человеке недюжинной силы и ловкости. Так и стоял полк, не вступая в дело, обустраиваясь и неся охрану. А вскоре к месту расположения стали прибывать обозы, семьи офицеров. Весна в тех местах наступала рано, и пошел слух, что к командиру полка приехала жена с дочерью, значит, надолго будет полк здесь стоять, а может, и навсегда, такие велись разговоры. Недалеко от села команда специально собранных солдат строила стойло для полковых лошадей и повозок, в команду определили и Парамона. Уже несколько дней стояла жара, все работали в нательных рубашках, часто пили воду из речки, отчего пот выступал еще больше, работа шла вяло. Когда стала спадать дневная жара, в селе в крайнем дворе повалил дым и послышался крик: «Пожар!» Солдаты побросали работу и молча наблюдали, как клубы белесого дыма все выше поднимались над строением. Многие из них знали этот двор. Там жила вдова с тремя детьми, и заходили туда солдаты, да и некоторых жителей или проезжего человека там можно было заметить. Часто возле плетня того дома вспыхивали лаянки и драки. Собирались отлучить ту женщину за ее поведение от церкви, да все откладывали, а когда обозленные женщины собрались ее побить, услышали ее слова: «А как же мне одной детей кормить?» – и убежала она тогда от расправы. А сейчас над ее двором поднимался столб дыма, громче стали слышны крики «Пожар!» – и тут Парамон схватил свое обмундирование и кинулся на зов. Когда он подбежал, хата уже занималась пламенем, а у плетня, обхватив голову, кричала женщина:

– Ой, спасите, там мой сыночек.

Возле пожара собирались люди и пытались его затушить. Парамон остановил пожилого мужчину, выхватил у него ушат с водой, вылил на себя, накинуд на голову солдатскую свитку и кинулся в проем двери. Остановились пораженные люди, только пожилой мужчина все просил:

– Не дайте, людцы, перекинуться огню на мою хату, – а из горящей хаты выбежал солдат, прижимая мальчика. К нему кинулась плачущая женщина, пытаясь вырвать из рук своего сына. У Парамона на голове дымились волосы, верхняя одежда в нескольких местах прогорела. Он положил мальчика у плетня и вылил на него воду из ведра. Хата уже занялась огнем, и все кинулись спасать соседние дворы, но было много бестолковой суеты, и казалось, пожар подберется к ближайшей хате. Парамон схватил одного-второго бежавших людей с водой и стал направлять туда, где надо было остановить огонь, сам тоже, близко подбегая к начинавшему уже тлеть дереву, выливал воду. А люди все сбегались и сбегались, и, видя согласованность и порыв всех собравшихся, пожар стал отступать. Не дали тогда сельчане распространиться огню по деревне и радовались, а соседский мужчина, черный от копоти и дыма, подошел к Парамону, поклонился и хрипло произнес:

– Спасибо тебе, служивый, спас ты мою хату, да и не только мою.

Вот тогда Парамон и почувствовал боль от ожогов и на лице, и руках, и на спине и, размазывая по лицу копоть, отвечал:

– Так это же пожар, а как по-другому? – и заспешил назад, где его уже поджидал злой старший команды фельдфебель. Подбежав к стоящим солдатам, к нему подошел их старший и, ничего не говоря, сильно ударил Парамона по лицу, тот отшатнулся и остановился, произнося почти те же слова, что и на пожарище:

– А как же иначе, это же пожар.

Отлежал Парамон в лазарете почти неделю, получились у него ожоги на спине, а на руках в нескольких местах и один на обратной стороне правой ладони возле пальцев. За то время, пока он лечился, пришла к одному офицеру целая толпа местных жителей с благодарностью к солдату полка, который спас дитя и помог с тушением пожара. А среди солдат шли разные разговоры: одни говорили: «Дурак, чего в огонь полез, теперь в лазарете лежит», а многие молчали, думая о себе: «Смог бы я так в огонь пойти?» – и не было ответа, потому и молчали. О случившемся и о благодарностях жителей на совещании доложили командиру полка, тот выслушал, встал и, ни к кому не обращаясь, заговорил, как бы взвешивая каждое слово:

– А молодец солдат, для полка это большая честь иметь такого солдата, полку здесь долго стоять, а местные люди – это наш тыл, наша опора, мужественный поступок совершил солдат, и его надо поставить всем в пример.

О том было объявлено в батальонах на вечерней перекличке. Перед сном в разговоре среди солдат, которые заканчивали службу, один то ли с завистью, то ли с осуждением произнес:

– Скажи ты, везет же этому молодому, далеко он пойдет, а то может и голову свою потерять.

А другой, сидя на корточках и поджаривая на костре кусочек хлеба, нараспев отвечал:

– Ты, Хома, уже скоро домой направишься, а что ты вспомнишь о нашей службе? Да ничего, а об этом Парамоне помнить будешь и завидовать будешь, что сам так не смог за всю службу в пример полку быть поставлен.

А вскоре снова заговорили в полку о Парамоне.

В один из дней стояла команда караулом у моста, где был и Парамон. Тепло уже было, солнце только спряталось за горой, что возвышалась, казалось бы, рядом за селом, которое протянулось вдоль речки на той стороне моста, как вдруг на дороге показалась скачущая лошадь, запряженная в выездной возок с укрытием. Лошадь неслась вскачь, и ею никто не управлял, а с возка раздавался испуганный женский голос и визг. Солдаты и фельдфебель застыли в оцепенении, а дорога перед мостом сужалась, и дальше был крутой обрыв, куда и неслась лошадь. Когда возок почти поравнялся со стоящими солдатами, вдруг птицей взлетел Парамон и оказался плашмя на лошади, ударил ее между ушей, она метнулась туда-сюда и замедлила бег, а после второго удара наездника совсем остановилась, мелко дрожа. Все произошло в одно

мгновение, Парамон спрыгнул с лошади, держа ее за уздцы, в возке визг прекратился и были слышны всхлипывания двух женщин. К возку бросились фельдфебель и несколько солдат, отчего лошадь снова проявила беспокойство, и солдаты остановились. На дороге показалось несколько верховых, скакали полковые офицеры. Солдаты сразу отбежали, а плачущая женщина, всхлипывая, стала объяснять, что с ними произошло, а другая, закрыв лицо руками, плакала навзрыд. Парамон держал лошадь под уздцы и гладил ее одной рукой между глаз, отчего та стояла смирно, чуть опустив голову. После сбивчивого рассказа женщины стали смотреть на стоящего впереди солдата, который, казалось, о чем-то разговаривает с лошадей. В тот же день Парамон был представлен командиру полка, тот вспомнил солдата, который так бойко отвечал ему на том смотре перед убытием на летнее полевое обучение, оказалось, что это тот солдат, что спас дитя на пожаре и захватил в плен горца. В возке, который понесла лошадь, были жена и дочь полковника, и получалось, что солдат спас им жизнь. О случившемся говорил весь городок, и с каждым днем добавлялся то один, то другой эпизод о смелости женщин и их спасителе.

Жена просила мужа о поощрении отважного солдата, она хотела его видеть. Парамон был одет в лучшее солдатское обмундирование, доставлен к домику, где проживал их командир полка и представлен спасенным им женщинам. После встречи, когда женщины остались в своем кругу, было высказано предположение, что этот солдат мог бы заменить денщика, который уже всем здесь надоел, о чем жена сказала мужу вечером. Полковник и сам понимал, что солдата надо отблагодарить, это была его честь. Через три дня его приставили денщиком к командиру полка.

Вначале Парамон оробел и покрылся потом, пересыхало во рту, мысли путались, он несколько раз отвечал невпопад, за что получил кулаком в зубы от фельдфебеля. Этот удар придал ему сил и вернул уверенность. Дальше все пошло как нельзя лучше. Ему помог освоить неожиданно свалившееся назначение денщик полкового врача. Он уже был немолод и потерял счет летам службы, да и незачем их было считать, он так привык к полковому врачу и его семье, что другой жизни уже и представить себе не мог.

3

Так круто изменилась солдатская жизнь у Парамона, а ему уже виделись и другие изменения, не менее важные и значимые. Он внутри замер, отбросил прочь или загнал глубоко-глубоко свои мысли, а стал служить, не вызывая никаких нареканий, быстро научился понимать, чего от него хотят, а порой чувствовал, что делать надо так, и выходило правильно и удачно. Он увидел другую жизнь, его удивляло, зачем так много проводят времени женщины за книгами, и ему захотелось научиться читать. Однажды жена полковника увидела, как Парамон внимательно листает книгу, заметив рядом Антонину Зиновьевну, так все называли жену полковника, он покраснел и закрыл книгу. Она улыбаясь спросила, умеет ли он читать, Парамон замотал головой. С того дня его стали обучать грамоте. Жил Парамон в маленькой комнатке, похожей на конуру, к нему туда никто не заходил, ему нравилось там находиться, это было его убежище. Однажды он увидел, как Катя, дочь полковника, всматривается в бабочку, что сидела на столбе крыльца. Она ее рассматривала так, будто то была диковинка или что-то невообразимое, так же она рассматривала жука, что полз по скамейке, а то вдруг она сорвется с места, побежит, подпрыгивая и смеясь. Дивился такому поведению Парамон и никак не мог найти сравнения. Дитя, так дети этих жуков видят вон сколько, а потом спохватился и пот выступил на лбу. Что он думает, это же дочь командира их полка, для него это был другой мир. Когда он встречал Антонину Зиновьевну, то вытягивался как перед полковником и старался угадать, что она хочет или что ей надо, полковник и его жена были для него одно лицо, что-то непостижимое и далекое. Грамоте Парамона обучал наставник, который давал уроки Кате и другим детям,

за это он выполнял все его просьбы-приказы. Возле Антонины Зиновьевны и ее дочери почти всегда находились две девки, которые им прислуживали. Одна из них, встретив Парамона, загадочно улыбалась и все старалась обратить его внимание на себя. Только разве мог допустить он какую-либо мысль в отношении этой девки, если она, по его пониманию, была из того непонятного для него окружения. Прослужив с полгода, Парамон стал тяготиться службой денщика, он все больше прислуживал по дому и маленькими шажками приближался к той тайне, которая окутывала людей, которым он служил. Однажды перед сном он задумался: а если жена полковника уедет, что будет с ним, куда его отправят, а вспомнив о солдатах, с которыми уже почти два года нес рекрутскую службу, тут же успокоился. Там было просто и ясно, а здесь не знаешь, кому служишь. Только напрасно Парамон беспокоился и переживал, судьба или чья-то воля уготовила ему крутой поворот. Приближался день рождения Антонины Зиновьевны, все чистилось и убиралось, к вечеру Парамон устал и завалился спать в каморке как сноп. Ожидали важных и влиятельных гостей, аж от самого царя-батюшки. Парамон был неожиданно вызван к полковнику, и тот стал говорить, что его хочет видеть один очень важный человек, он знает о его геройских поступках, и Парамону перед ним надо предстать достойно солдату его полка. Он стал объяснять, что говорить и как отвечать на вопросы, только в такие минуты Парамон терялся и все забывал, чему его учили, с тем он и ушел от командира полка. Парамон в тот день был в новенькой солдатской амуниции и исполнял столько поручений и команд, что, казалось, скоро упадет, но стали съезжаться гости, и откуда только взялись те силы и та прыть у него? Уже почти все собрались, ожидался выход хозяев. Парамон направился в сторону каморки, как из своей комнаты вышла Антонина Зиновьевна, сначала он не понял, кто это, потом застыл на месте, глаза расширились, дышать стало тяжело. Шла женщина с почти полностью обнаженной грудью, невообразимой прической, открытыми руками и плечами. Парамон не мог оторвать взгляда от белоснежной груди, женщина остановилась, и он поднял глаза, взгляды их встретились, краска залила его лицо, тело вспотело, а у нее на губах скользнула улыбка, которая пронзила все внутри. Парамон вытянулся, как в строю, женщина свернула в зал, где были слышны говор и музыка. Со второго этажа спускался полковник, не доходя до жены, он остановился возле Парамона и приказал, чтобы тот стоял здесь и ожидал, когда его вызовут.

Кружилась голова, чуть подташнивало. «Вот бы сейчас горькой хлебнуть», – пришла к нему такая мысль, но послышался голос полковника, Парамона вызывали в зал. Что происходило дальше, он помнил плохо. Одно успокаивало: что он отвечал бойко и внятно, а что говорил, вспомнить никак не мог, мешала та белая обнаженная грудь жены полковника. На самом деле, ответы и поведение солдата были восприняты важными гостями и всеми собравшимися с воодушевлением и вызвали патриотический настрой. А все ответы Парамона сводились к нескольким словам, а как же иначе, испуганную лошадь надо непременно остановить, иначе себя погубит и людей, а это уже никак невозможно, а как же иначе, пожар тушить надо, так может сгореть все село и полковые строения пострадать могут, а что горец, так это дело простое его завалить, не медведь ведь, если незаметно сможешь к нему подобраться. Командир полка сиял. С восхищением и по-другому смотрела на денщика и Антонина Зиновьевна, с затаенной улыбкой вспоминая, как он смотрел на ее грудь, и сейчас она вся распрямилась, весело улыбаясь. В тот вечер танцевали очень много, высоко подлетали подола платьев у собравшихся дам, жена полковника была нарасхват, в этом вихре безудержного танца было что-то зловещее и вещее.

В это время Парамон сидел в каморке, а в голове стояла одна мысль: я пропал. Он уже много раз видел женские груди, но это было совсем другое, это была жена командира их полка, а ее улыбка – она снова пронзала его тело. «Я пропал», – тихо шептал он сам себе.

Долго еще говорили о том вечере, вспоминали и Парамона, царского гостя, его восхитительные манеры и слова, умение танцевать и делать комплименты, было ясно, что почти все присутствующие и слушавшие восторженные рассказы женщины были влюблены в этого муж-

чину. Парамон же стал тише, избегал встреч с Антониной Зиновьевной и ее дочерью, а если такая встреча и была, то она еще больше тревожила и беспокоила его. А через неделю поступил приказ о походе в дело в селение, что за речкой, там появились вооруженные горцы. Выступал один батальон, с ним уходил и командир полка. Вышли на заре, весь день не было вестей с той стороны реки, а на третий день на повозке привезли убитого командира полка и двоих солдат, еще пять были ранены. От той вести обомлела жена полковника, а дочь рыдала и все кричала: «Мой папочка». Хоронили полковника со всеми почестями в губернском городе, на похоронах был тот высокопоставленный гость, к нему обратилась Антонина Зиновьевна об оставлении денщиком Парамона и освобождении его досрочно от рекрутской службы. Ей объясняли, что это очень непросто, нужно повеление самого царя, а она настойчиво просила, и ей обещали. Так Парамон остался денщиком при жене погибшего командира полка.

4

Через две недели с прибытием нескольких телег из имения покойного мужа, еще до начала бездорожья, она обозом со своим скарбом в сопровождении девиц и денщика выехала из городка. Полковник слыл человеком богатым, он имел в губернии большое имение и несколько деревень, к ним прибавились и две деревеньки жены, ее приданое, которые тоже давали немалый доход. Туда и держала путь овдовевшая Антонина Зиновьевна, она не ожидала от себя такой расторопности и настойчивости в решении многих возникших вопросов, и они, хотя медленно, но решались. И самое было удивительное: она ко многим вопросам подключала Парамона, держала с ним совет, и он отвечал ей уважением, старанием и своей смекалкой. Незаметно для себя он стал покрикивать на людей, прибывших из имения, и они безропотно его слушались, а как же, служивый человек, да еще и барыня с ним совет держит и за свой стол приглашает. В дороге начались дожди, почти целый день с неба опускалась морось, принося сырость и холод. В кибитке, где ехали Антонина Зиновьевна и Катя, было стыло, и на второй день такого пути у Кати поднялся жар, ее знобило. Быстрее ехать не получалось, местами дорогу развезло, и обоз двигался медленно, на остановке Антонина Зиновьевна подозвала Парамона к кибитке и стала рассказывать о болезни дочери. Парамон впервые так близко видел такие далекие прежде ему лица. Катя показалась ему совсем малым и беззащитным дитятей, а ее мать растерянной и не похожей на ту жену полковника, которой она была не так давно. Парамон тут же распорядился съехать со шляха к лесочку, остановить обоз и разжигать костер, а сам, вспомнив, как лечились бывалые солдаты, кинулся искать травы. Вскоре он к кибитке нес нагретое у костра одеяло и горячий отвар трав. В кибитке, приподняв меховую шубу, усадил как маленькую Катю, укрыл ее теплым одеялом и шубой и стал поить отваром, а потом предложил отвар Антонине Зиновьевне. Она, покорная, взяла отвар и с радостью его пила, согревая озябшие руки, тепло заполняло все ее тело, горестные думы отступали, а в душе возникало ожидание чего-то томящего и головокружительного. «А ведь это идет от этого человека, который стоит здесь рядом за дверкой кибитки», – пронеслась как молния мысль, и лицо ее покраснело. Парамон в это время выяснял, далеко ли от этих мест какое городишко или село, где мог быть лекарь, только из их обоза никто путно не мог ничего сказать, а начались споры, сколько верст то до одного, то другого села. Парамон подошел к кибитке и через дверку начал разговаривать с Антониной Зиновьевной, ему вдруг захотелось, чтобы его пригласили туда, где находились эти загадочные женщины, и у него было предчувствие, что его пригласят, так оно и случилось. Он, присев, на корточках стал говорить, что надо продолжить путь и по дороге поискать лекаря. Так Парамон перешел тот почти недостижимый раньше для него круг, и он был почти уже разорван.

К вечеру обоз подъехал к большой усадьбе, что была в верстах трех от шляха. Парамон с двумя обозными людьми пошел выяснять возможность остановки на ночлег и поиска

лекаря. Разговаривать ему пришлось с дворовыми людьми, он рассказал о горе жены полковника, о болезни ее дочери и что та нуждается в срочном лечении. Дворовые тут же убежали, и вскоре к ним подходил человек, который велел открывать ворота, указывая, куда ставить повозки и где размещать людей. Повозка с кибиткой остановилась у крыльца, тут же к ней подошел Парамон, он, никого не спрашивая, взял на руки завернутую в одеяло Катю и направился на крыльцо, где стоял хозяин. Тот шел впереди, показывая, куда нести и где положить, как ему казалось, бездыханное тело, следом шла Антонина Зиновьевна. Парамон расположился с дворовыми людьми, хотя ему хотелось быть там, недалеко от ставших ему уже близкими женщин. Когда собирались спать, к нему подошел человек, который распорядился их размещением, и сказал, что служивого приглашают в покои. Рассказ жены полковника о поступках их денщика так восхитил хозяина, что тот велел его пригласить и угостить чаем. Парамон по настроению хозяина, а главное, по взгляду Антонины Зиновьевны сразу понял, что от него хотят, и вел себя очень сдержанно, отвечал кратко, чай выпил быстро и подобострастно смотрел хозяину в глаза, чем вызвал его шумный восторг. И тут Парамон произнес, что он еще не осмотрел телеги, которые поскрипывали в дороге, а впереди еще длинная дорога, после чего был сразу отпущен хозяином, а Антонина Зиновьевна стала рассказывать о захваченном горце, эта беседа могла продолжиться до утра, чего желал взволнованный рассказами такой прелестной и смелой женщиной хозяин, если бы не просьба Кати подойти к ней.

Утром привезли доктора, он долго осматривал и слушал Катю, что вызвало тревогу у Антонины Зиновьевны и Парамона. Доктор дал лекарство, спросил, чем лечили больную, и, удовлетворенный, убыл, а после обильного завтрака двинулся и обоз Антонины Зиновьевны. Его долго сопровождали конные люди хозяина, который захотел еще раз увидеть такого отважного солдата.

Через четыре ночи обоз въезжал в имение покойного мужа, полновластной хозяйкой которого становилась Антонина Зиновьевна. Три дня в имении был траур, приезжали соседи, выражая жене покойного и его дочери соболезнование. Парамон в эти дни был незаметен, он остановился в маленькой комнатке недалеко от прислуги и ожидал, лучше сказать, он отдыхал после тяжелой работы, отдыхал без тяжелых дум с ожиданием очередного поворота в своей жизни.

5

Прошла неделя. Стояли короткие осенние дни с частыми дождями и слякотью, подступали первые заморозки, о Парамоне, казалось бы, все забыли, и он здесь был лишний. Управляющий как-то спросил барыню: «А что служивый?» – и получил краткий, но строгий ответ, что служивый находится на царской службе, денщиком приставлен к ним, и его обязаны кормить и содержать, что ему делать, он знает сам. Последняя фраза озадачила управляющего, мало того что хозяйка придирчиво стала расспрашивать о делах в имении, цепляться к словам, а тут этот служивый еще на голову свалился. А Парамон, как перестали приезжать в имение с поклонами, вышел из своей комнатки и пошел осматривать постройки, вскоре он свой небольшой скорб перенес в еще меньшую комнатку во флигеле, где устроил себе лавку, которая была и местом для сна и столиком, куда стали ему приносить еду. Узнав, что барыня собирается куда-то уезжать, он подошел к телеге, на которой стояла кибитка, и давай молча осматривать колеса и оси телеги, упряжь лошади, а когда обошел телегу, можно было услышать, как он выговаривает кучеру, что плохо смазана одна ось, и колесо одно застопорено ненадежно, и сбруя во многих местах потерялась, и что это надо немедленно устранить. Кучер попытался оправдываться и даже говорить, что у него и так господ хватает повелевать, что ему делать. Парамон, не слушая его, снимал колесо и собирался его смазывать, а услышав последние слова,

так посмотрел на кучера, что тот сразу замолчал и кинулся ему помогать. Парамон остановил его и произнес:

– Получил бы ты в морду не одного кулака от фельдфебеля за такую работу, так что смотри, не дури, а то будешь бит.

Недалеко стоял в ожидании выхода барыни управляющий и слышал сказанное денщиком, но, вспомнив слова хозяйки, смолчал. Так медленно Парамон начал встраиваться в жизнь именины, он осмотрел все телеги и сани и стал их ремонтировать. Затем несколько дней с самого утра провел в коровнике и конюшне и везде находил недочеты, которые устранял сам или давал указания на их устранение, он только не заходил в дом, где проживали Антонина Зиновьевна и Катя. Барыню он видел всего несколько раз, когда она отъезжала по каким-то делам, и такие поездки стали частыми. Катя из дома не выходила со дня приезда, гибель отца, утомительная дорога истощили ее слабые жизненные силы, и болезнь пыталась овладеть ее молодым телом.

В тот год снег выпал рано, казалось, ничто не предвещало зимы, еще не шли затяжные дожди, днем часто появлялось солнышко, сухая выдалась осень, а тут раз, вечером похолодало, а ночью шел снег, утром все было бело, на яблонях еще висели желтые листья, и они были укрыты снегом. Отчего деревья стали чуть похожими на разлапистые молодые сосенки. В то утро барыня отъезжала, и к крыльцу подали лошадь, запряженную в сани, барыня, по-зимнему одетая, вышла на крыльцо и с изумлением, улыбаясь, смотрела на первый снег, радость охватила ее всю и ожидание чуда. В это время, зло шагая, подходил к упряжке Парамон, нарушив громким голосом прелестную свежесть первого снега, обращаясь к кучеру:

– Ты что, барыню хочешь где-нибудь по дороге оставить, кто же по первому снегу коня в сани запрягает, этот же снег после полудня возьмет и растает, он же лег на незамерзшую землю. Немедленно перепрягай упряжку, – и сам взялся распрягать лошадь.

К упряжке заспешил управляющий, посматривая на барыню, не скажет ли та чего-нибудь другого и не даст распоряжаться при ней этому денщику. Антонина Зиновьевна молча и с еще более открытой улыбкой наблюдала за происходящим, она всем своим видом показывала согласие с Парамоном. Засуетились управляющий и кучер, не успела барыня рассердиться, как пролетка с утепленной кибиткой подъехала к крыльцу. Парамон стоял у ворот и смотрел, как подсаживают барыню, укладывают вовнутрь кибитки теплую шубу. Парамон остался доволен Антониной Зиновьевной, и, с другой стороны, в него вселялась тревога, а что будет дальше.

После полудня после занятий с учительницей во двор вышла Катя. Она жмурилась от белизны снега, улыбалась неизвестно чему и радовалась новизне в природе. Неподалеку стоял Парамон и слушал пение синичек, он взял семечки подсолнуха и держал их на ладони вытянутой руки, прошлый раз одна синичка села ему на ладонь, взяла несколько семечек и улетела их расклевывать. Вот и сейчас их несколько штук перелетали с ветки на ветку, подбираясь к вытянутой руке, а одна зависла над пальцами и села на ладонь. Парамон бережно сжал пальцы, и синичка оказалась в его руке, он сразу направился к Кате, вытянув далеко от себя руку. Катя увидела, что он что-то держит в руке, и заспешила навстречу. Птичке она радовалась, как летом бабочке, и пыталась погладить ее по головке, но рука ее опустилась, а взор остановился на синевато-розовом от ожогов шраме на кисти Парамона. Этот шрам заворожил и взволновал ее, а лицо ее стало краснеть. Катя чуть вскрикнула и стала просить Парамона отпустить птичку, Парамон разжал пальцы, и синичка вспорхнула, забыв семечку. Катя сразу заспешила в дом, а Парамону предстояло идти на занятия по письму и счету. Занятия с ним проводила та же учительница, что и с Катей.

Назавтра снег начал таять, Парамон стал катать снежные комья и лепить снеговика, он уже почти заканчивал эту детскую забаву, как вышла Катя. Снеговик ей очень понравился, она поддельвала ему глаза, они получились большими, как у совы, что вызвало у нее восторг и детский смех. Во двор въезжала кибитка, она остановилась у крыльца, барыне помогли сойти дворовые и кучер, она увидела смеющуюся и радостную дочь и была несколько удивлена.

Катя бежала к матери и сквозь смех невнятно пыталась сказать: «Смотри, какого мы снеговика слепили». Возле снеговика стоял, вытянувшись, Парамон, на этот раз он не встречал у ворот барыню и ожидал, что она скажет. Антонина Зиновьевна в первый миг обрадовалась, что дочь так весела, и казалось, уже здорова, а откуда-то появилась мысль: неужели он пытается подойти к ней, ой, что за чушь такая в голову лезет, но настроение у ее изменилось.

– Доченька, ты разогрелась, застегни воротник, можешь застудиться, и пойдем уже в дом. Взявшись за руки, они не спеша стали подниматься на крыльцо.

– Мы должны с тобой поехать в столицу, не близкий свет, но тебя необходимо показать врачам, – сказать о поездке, она хотела немного позже, когда будут улажены все дела с наследством мужа. Но изменившееся настроение ускорило этот разговор.

– Туда так долго ехать, мама, я устану, – отвечала Катя, глядя перед собой, а потом неожиданно спросила: – А Парамон с нами поедет?

Антонина Зиновьевна вздрогнула и, помедлив, нараспев произнесла, что, может, он останется здесь и будет смотреть за нашим домом и именьями. Это были ее мысли вслух, она еще не определилась, брать ли денщика. Она уже привыкла к тому, что он рядом, это придавало ей спокойствия и уверенности. За каждодневными заботами, казавшимися такими важными и необходимыми, все реже вспоминался муж, только перед сном, когда все затихало, сознание гнало какие-то греховные мысли и заставляло вспомнить о муже, а ее сердечко так тихо выстукивало: «Он тебе необходим, он тебе нужен, неважно, что моложе, зато послушней будет». Под такую песенку Антонина Зиновьевна сладко засыпала. Оттого, может быть, основной причиной поездки было получение для Парамона вольной, так настаивал тот зовущий стук ее сердца. Что будет потом, она боялась думать, порой перед сном стояла перед иконой Богородицы и почему-то заливалась краской, потом усердно молилась.

Да ему ехать не следует, утвердилась в своем предположении Антонина Зиновьевна и, уже улыбаясь, пошла переодеваться.

6

Когда легла санная дорога, Антонина Зиновьевна с дочерью и прислугой небольшим обозом выехали в северную столицу. Накануне вечером она вызвала в кабинет мужа управляющего и Парамона, объявила им о своем отъезде, а в конце определила Парамона за хозяина на период ее отсутствия и представления ему управляющим всех отчетов. Управляющий весь взмок, ожидая, что барыня управляющим назначит этого денщика, а его выгонит, этот раз пронесло, радостно стучало в висках. Парамон же был удивлен и, можно сказать, обижен, он собирался сопровождать Антонину Зиновьевну и готовился к поездке, ему казалось, что барыня желает этого и своим видом показывала, что он поедет. Его даже не обрадовало, что он остается здесь за хозяина и управляющий будет ему представлять отчеты. Переступив с ноги на ногу, Парамон поблагодарил за такое дело и поклялся все исполнить без ущерба.

Вольную для Парамона Антонина Зиновьевна смогла истребовать только к середине весны. Были у нее и минуты отчаяния, тогда сердце начинало настойчиво стучать и требовать от нее действия, и все так складывалось, что после почти отказа она подошла к этой проблеме, как она потом говорила, с «черного хода», и, наконец, получилось. Тогда несколько вечеров сердце ничего не пело. Лекари у дочери не нашли причины ее недугов, только каждый новый лекарь ругал прежнего и предлагал свое лечение, требуя денег. Поиздержалась на лекарях и подношениях тогда Антонина Зиновьевна и велела выслать ей денег из имения, вскоре получила означенную сумму, потом еще два раза приходилась направлять такие просьбы. Находясь у знатного чиновника, Антонина Зиновьевна рассказала о дочери, и тот посоветовал гнать всех лекарей, душевная это болезнь. А лечится она временем и покоем на природе. Антонина Зиновьевна тогда удивилась простоте совета и уверовала в него. Дочь и вправду хотела домой,

но мать находила причины остаться, надо было добиться того высочайшего заветного повеления.

Они выехали из столицы, когда уже установилась по-весеннему теплая погода. Наступала самая красивая пора, начиналось цветение садов.

О выезде из столицы и о скором приезде было направлено в имение письмо. Пуще прежнего закипела там работа, ко всем весенним заботам прибавилась уборка и наведение красоты в имении. Парамон не давал спуска ни себе, ни управляющему, ни дворовым, ни мужикам. Можно было слышать разговоры, что очень круто берет этот служивый, не ровен час, и телега может опрокинуться. Только появлялся Парамон, разговоры стихали, и работа закипала и длилась до позднего вечера. А в случае порчи или сделанного с леностью можно было получить и по зубам, только и оботрется рукавом мужик да косо посмотрит на этого неугомонного служивого. Пошли догадки, что он так и хозяином может здесь стать, хозяйка еще молодая, да и дочка вон есть, мало что хворовитая. Парамон чувствовал, что удача идет к нему, только не надо переусердствовать и отгонять ее, успокаивал он себя. В имении он стал наводить такой порядок, который был бы приятен барыне и отвечал его устремлениям. Спроси его, какие это твои устремления, задумался бы Парамон и не ответил. Кто он такой, рекрут, и служить ему еще ого-го, на что тут надеяться, вот и заводил он всех, требуя порядка и добротной работы, а как же к мужику по-другому относиться. Спуску дашь, так и сам с голоду помирать будешь, и барыню по мирупустишь, вот как перед праздником Миколая Угодника старец с сумами ходил, так и мужики по миру пойдут. Какая бы работа срочная ни была, не оставлял Парамон своих учений, вот только шибко подозрительно на него эта барышня посматривает, то краснеет, то теряется, баба она, какую бы она грамоту ни знала, а бабские у нее думы, тогда он становился лицом хмурнее и злее. Но он уже мог самостоятельно читать, умел делать счет, что особенно ему нравилось. В этот день Парамон попросил закончить занятия пораньше, утром пришло известие, что барыня может после полудня приехать уже в имение, а он непременно должен быть наготове, чтобы встретить ее у ворот на въезде. Он даже не пошел обедать. А надел военную амуницию, которая лежала нетронутой с отъезда барыни, осмотрел себя и направился к воротам, придирчивым взглядом проверяя каждую дорожку.

Антонина Зиновьевна была возбуждена, то ей было жарко, то не хватало воздуха, то она говорила, почему так медленно тянется обоз, а уже от шляха она велела поменять лошадей и ехать отдельно от обоза, опережая его. Странное у нее было чувство, она чего-то ждала и очень хотела, ей казалось, что надо поскорее увидеть свой дом, сад, узнать, как там ведутся дела. И Антонина Зиновьевна начинала вдруг говорить дочери, как ей надоела столица, и сплошные поездки, и люди, с которыми надо быть всегда настороже, то она начинала говорить, как она соскучилась по дому, где так спокойно и никому не нужно кланяться. Разговаривая, она вскидывала правую руку и кистью выводила возле волос какие-то странные фигуры, выражая тем свое нетерпение и скрытую тревогу. Когда память вдруг каким-то образом выхватывала из всех событий то тайное, о котором она бы не сказала никому, как бы ее ни уговаривали и ни принуждали, она замолкала и становилась рассеянной и несколько печальной. Она везла вольную и только сейчас поняла, что сделала невозможное, и не могла себе объяснить, чем она таким обладала, что ее слушали и помогали, чем смогла покорить этих сановных особ. Иногда казалось, что ее кто-то ведет за руку и направляет, куда и к кому идти, от таких воспоминаний становилось тяжело дышать и не хватало воздуха. Неожиданно пришла догадка, она отдала себя всю до капельки этой идее и жила только ей, это немножко давало успокоение. А то тайное желание было запрятано глубоко, не шевелилось и никак не проявлялось, и вот сейчас, подъезжая к дому, оно вдруг возникло, его можно было обнаружить в блеске зрачков, заглянув в глаза, или в сухости и легких судорогах руки при прикосновении, незаметном румянце на щеках. Антонина Зиновьевна пыталась загнать это противное желание на свое место, а оно

вылезало снова и снова, настроение стало портиться, и уже на подъезде к имению она сникла и произнесла:

– Как я устал, быстрее бы уже лечь и отдохнуть.

Катя, утомленная дорогой, тоже не была склонной к разговорам и желала побыстрее оказаться в покое, она увидела знакомый сад, заулыбалась и нараспев произнесла:

– Ой, как хорошо, мы уже подъезжаем.

Антонина Зиновьевна слушала управляющего, стоя возле стола, и часто его перебивала словами: «Это мы послушаем с тобой, Катенька, потом, правда, Катенька?» – как бы обращаясь к дочери, которая сидела на старом кресле, поджав ноги. Катя кивала, бросая взгляды то на мать, то на управляющего, за которым стоял безучастно Парамон. Управляющий умолк и устался на барыню. Антонина Зиновьевна отошла от стола, взяв с собой большой казенный лист, остановилась, приподняв голову, отчего она стала строже и выше, и заговорила, скрывая волнение:

– У нас произошли большие изменения. Вольной грамотой, подписанной самим Государем, Парамон его высочайшим повелением освобождается от рекрутской службы и становится вольным, вот эта грамота, – и она развернула ее, как бы призывая всех удостовериться в правдивости ее слов.

И Катя, и Парамон, и управляющий с трепетом стали смотреть на казенную бумагу, которую держала Антонина Зиновьевна. Торжественность и важность момента нарушил Парамон, он вдруг изменился в лице, плечи его сжались, и он громко вскрикнул, испугав присутствующих:

– Барыня, барыня, помилуйте меня, а как же я теперь, куда я? – и осекся, все с испугом смотрели на Парамона. Кате он показался каким-то маленьким, жалким и несчастным. Парамону виделась картина, что он уезжает в деревню, где ожидают его мать и отец, о которых он почти не вспоминал. Антонина Зиновьевна опустила руку с грамотой и тихо произнесла:

– Ты, Парамон, стал вольным и можешь убыть куда захочешь, а мы тебе не велим покидать наш дом, тебе здесь место найдется, – и замолчала, тяжело дыша, видно, ей эти слова дались с трудом.

– Ты как скажешь, Катенька, пусть остается Парамон у нас, если ему угодно? Он так много сделал для нас, правда, Катенька? – и развела руки, раскрыв ладони.

Дочь вскочила с кресла и подбежала к матери со словами:

– Правда маменька, правда, – и обняла ее.

У Парамона мрачные картины в голове сменились чем-то радужным, к нему возвращалась сила, наполняя все его клеточки, как вешние воды наполняют ручьи и реки. Он увидел распростертые руки барыни, и дальше произошло невообразимое: он шагнул к Антонине Зиновьевне, взял ее руку и, встав на колено, припал губами к ее ладони, которая чуть вздрогнула. Тонкий женский запах бурей пронесся по всему телу Парамона, опрокинув все запреты, данные им на службе, в висках стучало: «Это то, чего ты так хотел и жаждал». Антонина Зиновьевна замерла, у нее на миг закрылись глаза, она почувствовала, что все вокруг поплыло, и ей показалось, что она падает. Рука ее оставалась лежать в руках Парамона, и это не давало ей упасть.

– Маменька, маменька, что с тобой? – заговорила взволнованно Катя, снова обнимая мать. Рука Антонины Зиновьевны освободилась.

– Наверное, устала за дорогу, доченька, давай будем отдыхать.

Парамон и управляющий поспешно стали выходить из кабинета.

Катя переделалась для ночного сна и стала спускаться, там услышала тихие и непонятные голоса. Она остановилась, открыв широко глаза и сдерживая крик. Парамон нес на руках Антонину Зиновьевну, а она обхватила руками его за шею. Хотелось крикнуть: «Маменька, тебе плохо!» – и кинуться к ней, но что-то останавливало Катю. Она дождалась, когда Парамон внес мать в ее покои, и она, беззвучно ступая, медленно, как с подбитым крылом птица, стала пробираться к себе. Катя легла, накрылась с головой, ее знобило, ступни стали холодными, она вдруг представила, как мать обнимает Парамона за шею и прижимается к нему. Ее обдало всю жаром, не было чем дышать, она сбросила с себя одеяло и вдруг заплакала от обиды, что у нее забрали ее тайное и дорогое.

Антонина Зиновьевна в округе была нарасхват, ее приглашали все знатные и почтенные люди. На званые обеды и приемы она непременно выезжала с Парамоном, и в каждом таком обществе ему приходилось рассказывать о своих, как он говорил, обычных делах. Вначале следовал небольшой, но волнительный рассказ Антонины Зиновьевны, а затем начинались краткие, с меткими и порой грубоватыми выражениями повествования Парамона с показом шрамов обожженной руки. Шрамы вызывали восторг и восхищение у женщин. Он стал уважаем, и его не раз просили приехать в тот или иной дом и рассказать о службе и войне, часто в таком узком кругу при этом недалеко находился предмет необходимости такого приезда. Только через некоторое время всем стало понятно, что без Антонины Зиновьевны такое посещение не случится ни при каких обстоятельствах. Несколько раз она брала с собой и дочь. После приезда из столицы Катя стала замкнутой, она стала уклоняться от разговоров с матерью, когда собирались все за столом, где Антонина Зиновьевна выглядела уравновешенной и часто улыбающейся, а порой начинала безудержно смеяться над каким-либо высказыванием Парамона, тогда Катя сжималась, опускала глаза и старалась быстрее уйти. Антонина Зиновьевна была весела, жизнерадостна, и ей казалось, что все окружающие должны испытывать такую же радость. В гостях, когда вечер или обед затягивались и Антонина Зиновьевна становилась чересчур весела, Катя говорила, что у нее разболелась голова и она хочет домой. Мать тут же с ней соглашалась, что пора ехать, брала Парамона, и они уезжали. Однажды, уже осенью, в дождливую погоду, только начался ужин, как Катя сказала, что ей стало плохо и она просит поехать сейчас же. Антонина Зиновьевна высказала свое недовольство, но тут же согласилась, был недоволен и Парамон. Они сели в выездную карету втроем, Катя сидела между Парамоном и матерью, дождь хлестал по окошку, было сыро и зябко, Катя наклонилась в сторону Парамона, и ее пальцы коснулись шрама на его руке. Рука его была теплой, Катя невзначай провела пальцами по шраму, ей стало вдруг жарко, возникло желание обхватить эту руку и не отпускать ее. Парамон сидел с закрытыми глазами, и казалось, дремал, ничего не ощущая. На самом деле у него поднималось и заполняло всего желание растворить эту молодую девушку в себе. Он не убрал руку, но заставил себя унять поднявшуюся волну желаний. Антонина Зиновьевна вздрогнула, ее взгляд остановился на руке дочери, которая касалась шрама. Ей хотелось закричать, что его рука принадлежит ей и никто не имеет права прикасаться к его руке. То, что Парамон не убрал свою руку, еще больше рассердило Антонину Зиновьевну. «Как он смеет держать руку моей дочери, кто он такой здесь и по какому праву сидит рядом с ней?» – кричал голос внутри ее. Карету сильно качнуло, и Катя навалилась на мать, схватив от испуга пелерину матери обеими руками.

– Как он едет, он что, желает, чтобы мы вывалились из кареты? – злобно и громко высказалась Антонина Зиновьевна. Парамон открыл переднее окошко и прокричал кучеру, чтобы тот ехал осторожнее. Вокруг была темень и дождь, кучер что-то прокричал, но стал ехать тише. В тот вечер Антонина Зиновьевна, сославшись на недомогание, ушла спать раньше. Ей не спалось, думы лезли одна мрачнее другой, набегая как волны на реке, и не понять, о чем была предыдущая, но все крутилось вокруг дочери. Да, ей скоро надо искать жениха, еще год, и может засидеться в девах, только где эти женихи? Антонина Зиновьевна начинала корить

себя, что об этом не думала раньше, а была занята только собой. Эта мысль была поражена следующей: «А почему он не пришел, где он, как без него?» Всплывало то тайное неугомонное желание, она остановила и далеко запрятала прежние думы и мысли. Она открыла глаза, над ней, чуть наклонившись, стоял он. Руки ее не слушались, они уже обхватывали его шею. Та дума о дочери оказалась далеко не спрятанной, она стала часто появляться и все более настойчиво напоминать о себе. Появились перемены и в настроении Кати: в присутствии Парамона она тушевалась, начинала краснеть и вести себя беспокойно, а встретив взгляд матери или Парамона, старалась быстро уйти. Парамон тоже старался избегать общения с Катей и занялся хозяйскими делами, это у него получалось деловито и добротнo. Подходили рождественские праздники, закончился пост, и Антонину Зиновьевну вместе с дочерью и Парамоном пригласили на праздник, где давался обед для почтенных людей губернии. Перед обедом выступало несколько сановных особ, которые говорили о губернаторе, уважаемых людях, и было сказано о высочайшем повелении Государя дать вольную грамоту Парамону за его заслуги перед отечеством, и было сказано, что он находится здесь, среди гостей. Вспомнили о Парамоне, когда обед был в полном разгаре, все были веселы и радостны, а вспомнила о нем губернаторша. Она попросила, чтобы Парамон рассказал, как он спасал женщин, по ее мнению, это был благородный поступок истинного рыцаря. Парамона попросили к столу, где восседала губернаторша со своими двумя дочерьми. Сразу туда потянулась женская половина гостей. Антонина Зиновьевна шла позади Парамона, она была недовольна, что не было сказано ни слова о ней как участнице всех событий и, самое обидное, об истребовании той вольной грамоты. Она шла молча, но заставляла себя улыбаться, пытаясь напомнить о себе. Парамона усадили в кресле, возле него стала старшая дочь губернатора, а губернаторша и другая дочь сели напротив, Антонина Зиновьевна стояла чуть позади губернаторши. Пошли расспросы и вольный рассказ Парамона, вокруг все то затихало, то возникала буря восторга и аплодисментов. В какой-то момент старшая дочь схватила руку Парамона и прижала ее к груди, Парамон вскочил и стал перед ней, не отрывая руки, на колено. Крики женщин перешли в восторженный визг, на глазах губернаторши появились слезы, только Антонина Зиновьевна не могла оторвать взгляда от прижатой к груди руки. Ее несколько трясло, вспыхивало зло на Парамона и эту безобразную дочь губернатора. Катя тоже наблюдала эту сцену, и в ней кричало: «Какая некрасивая и старая эта губернаторская дочка», а та не отпускала руку и второй тянулась обнять Парамона. Парамон встал, высвободил руку и стал говорить, что так мог поступить каждый, случись такое. А сам своим чутьем ощущал, что этой молодой девушке, как и тем женщинам, с которыми его сводила судьба, нужна мужская сила и чтобы был муж. «Как мало им надо!» – и тут он встретил взгляд Антонины Зиновьевны, полный презрения и ненависти. Парамон поблагодарил губернаторшу, и гости стали расходиться, обсуждая произошедшее. Еще были тосты, крики, но больше никто не вспоминал о Парамоне, только старшая дочь губернатора, громко заливаясь смехом, махала ему рукой, то ли посылая приглашение подойти, то ли воздушный поцелуй. Антонина Зиновьевна уезжала, когда гости стали расходиться. Они с Катей стояли у крыльца и ожидали, когда Парамон подаст выездные саночки с кибиткой. Ехали молча, молча разошлись. В ту ночь Антонина Зиновьевна долго плакала, а под утро у нее укрепилось неожиданное решение отдать дочь замуж за Парамона, отписать ей все состояния, жить при ней и держать этого Парамона в узде. Есть у него неведомая сила, которая лишает воли женщину, возникает непреодолимое желание, и утолить его невозможно. Спала она крепким сном, а утром была весела и радостна. К Великому посту она вручила дочери документы на все владения, которые принадлежали ее мужу и ей, и попросила Парамона не заходить в спальню, сославшись на пост. Парамон уже не раз задумывался, как жить ему здесь дальше, приходила тайная надежда, что Антонина Зиновьевна станет его женой. Были такие моменты, скажи он ей об этом, и такое могло бы произойти, но он ей ничего не говорил, а она не намекала об этом. Да и кто он для нее, такой богатой женщины, вдовы известного человека.

Парамон почувствовал перемены к нему Антонины Зиновьевны и заподозрил, что она подталкивает его к дочери. Катя его волновала с той поездки, как коснулась его руки, но Парамон старался сдерживать себя, вспоминая праздник у губернатора, после которого он понял, что может оказаться никому ненужным и отвергнутым этой семьей. Только через неделю у них с Антониной Зиновьевной наладились деловые отношения, и он понял, что на этот раз пронесло. Получив вольную, Парамон стал еще более беззащитным и в некоторые моменты потрясенным, тогда на него находило желание деятельности, и он старался. Катя тоже была сдержанной, но если они были вдвоем, она становилась смешливой, много смеялась, показывая свои маленькие зубки. Ее глаза светились и улыбались, это и волновало Парамона. Когда Антонина Зиновьевна объявила о наследстве, которое переходило к Кате, у Парамона закралась мысль, что Катю Антонина Зиновьевна хочет выдать замуж, было только непонятно, почему переписано все наследство, а не часть для приданого. Дальнейшие думы он гнал от себя и прятал, настроив себя к ним обращаться, и это ему удавалось.

8

После жнива Парамон и Катя обвенчались и уехали в столицу, так захотела Катя, того же хотела и Антонина Зиновьевна. Она как-то сникла, на лице можно было заметить отчетливые морщины, печаль легла у нее в глубоких ямочках между глаз. Парамону северная столица не понравилась, его тянуло назад в имение, он порывался домой, но не решался, а тут стало известно, что Катя беременна, и они сразу засобирались. Катя была безмерно счастлива, она без раздумий отдала себя всю этому порой грубому и ненасытному человеку. Она тоже почувствовала неудержимое желание к Парамону, ей становилось страшно за себя от этого желания, но сделать уже ничего с ним не могла. Порой проскальзывала видение, как Парамон несет мать на руках и она обхватывает его шею, но от него возникала только большая страсть и желание быть с ним, таким любимым ею человеком.

Приехали они, когда уже зима уверенно обосновалась на подвластных ей просторах. Антонина Зиновьевна, узнав о беременности дочери, сразу ожила, засуетилась и, как ей говорили, стала совсем молодой. Парамон сдержанно поздоровался с ней, прикоснулся губами к руке. Волна пробежала по телу Антонины Зиновьевны и утихла. «Какую же сильную власть он имеет над женщиной», – пронеслась у нее мысль. Не раз срывался Парамон, пользуясь этой властью над женщинами, потом наступали периоды его бурной деятельности в хозяйских делах, где он никому спуска не давал, был строг и прижимист. Катя рожала одного сына за другим, и была у них в семье великая радость. Пошатнулось у нее здоровье, и надо было ее отправлять на лечение за границу. Уехали тогда Катя и Антонина Зиновьевна с детьми на лечение, но не сиделось там Антонине Зиновьевне, примчалась она вовремя, понесло Парамона тогда, и тогда состоялся у них разговор. Пригрозила Антонина Зиновьевна, что отправит его без ничего по свету, если такое будет продолжаться. Но и Парамон не остался в долгу, напомнил он ей о своей власти над женщинами и добавил, что и они имеют над ним такую же власть, и что ему тогда делать. «Бесовская это сила, куда ее денешь, куда ее направить?» – говорил он, и Антонина Зиновьевна его понимала, но настаивала на своем, чтобы разгула не было. А увидела шрам на его руке, чуть не потеряла голову и на следующий день собралась уезжать, взяв слово, что будет ждать Парамон жену, и напомнила ему свою угрозу. С тяжелым чувством она уезжала, но остепенился тогда Парамон. Когда через год приехала Катя и сразу забеременела, родилась у них дочь, то был великий праздник, и снова Катя занемогла и уехала за границу с Парамоном и нянечками, оставив старшего сына с Антониной Зиновьевной. Но пришлось Антонине Зиновьевне ехать к дочери, прислала Катя письмо и просила мать срочно приехать, та догадалась, в чем дело, и отправилась в путь. Снова были разговоры с Парамоном, и, оставив Катю только с маленькой дочкой, все уехали домой. Вот здесь Антонина Зиновьевна

ощутила власть над этим неугомонным мужчиной, заставив его снова заняться хозяйством, в котором появился упадок. Сама стала выезжать в церковь и просить Господа об отпущении грехов, ходила на исповедь, но открыться не смогла и принесла эту тяжесть домой со словами: «Наверное, такой и уйду в могилу». К приезду Кати дела в имении поправились, Парамон стал вводить новшества, о которых так много говорили в окрестных имениях, но никто за них серьезно не брался. А у Парамона они приносили немалый доход. Снова через год у Кати родился еще один мальчик, назвали его Игнатом, роды были тяжелые, и после них приехавший губернский доктор сказал, что детей у нее больше не будет. Катя вскоре поправилась и за границу не поехала, а Парамон находился под полной властью Антонины Зиновьевны. Уже в преклонных годах она слушала Парамона и молча кивала, соглашаясь с его доводами, или резко их отвергала, Парамон ей не перечил. Катя была в заботах о детях, их воспитании, однажды спросила у матери, как ей так удастся усмирять ее мужа. Долго молчала Антонина Зиновьевна, а потом, когда уже, казалось, она и забыла о том вопросе, вдруг сказала:

– Доля у нас такая, доченька, она наша, и ее нам нести, а чтобы его усмирять, надо власть над ним иметь. Я над ним имела ее, а он надо мной, – и, улыбнувшись, оставила дочь одну.

Часть пятая

1

Старший сын по разрешению Игната стал ездить в извоз. Первый извоз был зимой и удался, после него извозом начали заниматься зимой и летом два старших сына. Хозяйство крепчало, однако и появились в семье размолвки и ругань. Невестки жаловались мужьям, что Игнат накладывает на них тяжелые работы, а порой пристаёт. Марфа тоже замечала за Игнатом такие вольности, но сильно не перечила и всегда становилась на сторону мужа. Так отделились два старших сына и начали жить самостоятельно. Только не получилось сразу продолжить извоз и вести хозяйство. В большой семье это получалось, а так дети и хозяйство легли на плечи жен. Непосильной для них оказалась эта ноша, тогда Игнат заставил всю оставшуюся семью помогать им по мере возможности и сил в посевную и уборке урожая. Дела пошли лучше, вскоре отделились и остальные сыновья, остался Игнат с младшим Захаром. Младший на заработки начал ходить в артели. Уходил месяца на два, а то и три. Хозяйство стало у Игната поменьше, но работы хватало, часто он покрикивал на жену младшего сына Феклу, да и Марфа ей спуска не давала, все обзывала вертихвосткой. Родила Фекла первого сына, когда муж не ходил на заработки, а потом дочь. Еще сына, когда Захар уже два раза ходил с артелью. Только потом Игнат меньше стал ругать Феклу, зато Марфа взъелась на нее пуще прежнего. Как-то не ко сроку родился третий сын Пилип. Захар тоже стал поругивать Феклу, но до драки у них дело не доходило.

Когда разговлялись после поста и начинался мясоед, крепко выпили мужчины и женщины, пошла у них лаянка, и Захар ударил Феклу, она запричитала и заголосила. Вмешался Игнат да так бахнул кулаком по столу, что в хате стало тихо.

– Ты тут руки не распускай, я тут хозяин. А ты чего закудахтала, муж ударил, так на то он и муж.

Фекла притихла, и все опять за столом заговорили, засмеялись. Снова Захар ушел с артелью, в тот год лето было ягодным и грибным, да и на урожай богатым, хозяйство крепло. Как появились первые капли после лютой зимы, Фекла родила Марину. После рождения Прокопа летом Игнат собрал всю семью и родственников, и за неделю к его дому пристроили небольшой трехстен, а к холодам поставили печь. Там стали жить Игнат с Марфой.

Марфа старалась не давать в обиду Марину и часто брала на свою половину дома, чем могла ее подкармливала и поддерживала. Марина тоже больше тянулась к бабе Марфе, чем к матери, от которой ее что-то отталкивало. Как-то в субботу наводили порядок в хате, и Марина сбросила с лавки глиняный горшок, он упал и разбился. Это был материн подарок, схватила Фекла дочку за ворот и так ударила, что та упала и сильно ударилась головой, а на боку образовался огромный синяк и опухоль. На крик и плач прибежала баба Марфа и накинулась на Феклу, та подняла, защищаясь, руки, и кричала:

– Только удар, только удар.

Марфа остановилась и, кипя злом, выпалила:

– Ах ты бесстыжая, сучка гулящая, бесстыжие твои зеньки, ты что бьешь дитя? Ты думаешь, я не знаю про твой блуд, мало тебя Захар гоняет.

– А тебе завидно, кому ты нужна такая сердобольная, – кричала, оправившись от испуга, Фекла.

– Замолчи, иначе будешь с позором из церкви выдворена как гулящая.

Баба Марфа наклонилась над Мариной и начала осматривать бок и шептать молитву. Та перестала плакать. Болели голова и бок. Мать, тишком выходя из хаты, высказалась:

– Не барыня, скоро заживет.

Марфа так зло посмотрела на нее, что Фекла мигом выскочила за порог. Баба Марфа повела Марину на свою половину, уложила на полати и стала делать примочки на голову. Та притихла, в голове крутились слова «гулящая» и «блуд». Для нее это были самые страшные слова, за которыми был грех. С той поры Марина стала к матери относиться настороженно, но слушалась и выполняла все работы, которые та ей давала, и сама старалась помогать.

Дорогой из монастыря баба Марфа думала о словах монашки Пелагеи. Пусть бы научилась читать Марина, может, легче ей будет, вдруг возьмут в богатую семью детей учить грамоте. В богатых семьях вон как живут, хотя и их семья не считалась бедной. Да Пелагея всякие болезни вылечивает, может, Марину этому научит. Уже девкой скоро станет, а там и сосватают, пойдут дети, а какой еще муж будет, она для тяжелой работы не приспособлена. С такими мыслями она подходила к дому.

Марина стала реже выходить и встречаться с подругами, несколько раз видела с ними Артема. Он жил в центре села, семья была у них большая и работающая, жили они в достатке. Артему Марина нравилась, так говорила ее подруга, да и мать намекала на это. Марину тоже к нему влекло, не было дня, чтобы она не представляла себя рядом с ним, ей рисовались образы, как они живут одной семьей, как он обнимает ее. Дальше ее что-то останавливало, возникал перед ней позор и грех.

«Так могут думать только блудницы, – говорила она себе. – Блудниц побивают камнями за их позор и грех». О блудницах и позоре Марина услышала в церкви на воскресном богослужении, куда они ходили с матерью. Для нее блудница представилась девушкой, которая сама подошла к парню и обнимала его. За это ее нужно побивать камнями, и позор на нее и всю семью, и это грех великий. Такой, по разговорам взрослых, была солдатка, что жила на том краю деревни. Однажды Мария встретила солдатку возле своего двора, та шла, закрывая лицо и всхлипывая. Марии ее стало так жалко и хотелось пойти взять за руку, рассказать ей, что это грех и не надо подходить к парням. Мужчины для нее стали воплощением чего-то злого и греховного.

На венчании Федьки в церкви баба Марфа стояла рядом с Мариной и увидела, как зарозовело и озарилось лицо у Марины, а взгляд у нее был направлен на их деревенского хлопца Артема. «Так вот оно в чем дело, – вздохнула Марфа. – Рано ей еще на хлопцев смотреть, а сама какой была», – и улыбка пробежала по лицу Марфы.

Когда выходили из церкви, Марина сделалась печальной и заспешила домой. Возле церкви она увидела Артема с двумя взрослыми, разряженными, как барышни, сверстницами Акулины. Они весело смеялись и о чем-то разговаривали. «Вот какой он, а они бесстыдницы, заманивают его», – такие мысли то убегали куда-то далеко, то тут же возвращались, и от них становилось горестно и тоскливо.

Баба Марфа перед праздником Покрова за вечерним столом сказала, что берет с собой Марину и они идут помолиться в монастырскую церковь. В монастыре они пробыли два дня, стояли на утренней и вечерней молитвах, баба Марфа никак не могла найти матушку Пелагею, но выяснила, что та отошла от монастыря и живет недалеко от их соседней деревни. Может, оно и к лучшему, так развожжала с собой Марфа.

Вернувшись домой, баба Марфа начала спрашивать людей насчет монашки Пелагеи. Но все произошло неожиданно и просто. «Так оно нужно», – потом скажет Марфа. В воскресенье они всей семьей пошли в церковь, когда закончилась литургия, баба Марфа вдруг увидела возле отца Никифора Пелагею и стала думать, как бы с ней встретиться. После службы Пелагея сама подошла к Марфе и заговорила:

– Слышала, что ты ищешь меня. Мне недалеко от Новоселок келью поставили, там сейчас и живу, место благодатное, а по воскресеньям хожу на молитву по окрестным церквям. Приводи ко мне Марину, буду ждать тебя с ней.

На том они и расстались.

У матушки Пелагеи они были к обеду. Ее хатка стояла за деревней у самого леса. Была она просторней, чем келья в монастыре, как сказала матушка Пелагея, смастерили ей такой двор добрые люди, и она им очень благодарна.

– Обживаюсь, места привольные здесь, трав разных множество, в церковь хожу, хожу и в другие церкви. Потом Пелагея достала из маленькой печи горшок со щами и кувшин с запаренной травой, и они сели подкрепиться.

Пелагея сразу заговорила о деле.

– Ты, Марфа, оставляй дитя со мною, а я приведу ее на воскресную службу, там и встретимся. Баба Марфа призадумалась.

– Оно-то так, если грамотой заниматься, пусть побудет. Ты, Марина, уже не дите малое, слушайся матушку, молись и во всем ее помогай. А я сейчас назад, зимний день он короткий, не успеешь глазом моргнуть, как уже темно на дворе, дотемна дома буду, там работ много.

Баба Марфа перекрестила Марину, поклонилась Пелагее:

– Спасибо тебе, матушка, она послушная, в тягость тебе не будет.

Пелагея и Марина вышли из хатки и долго смотрели вслед Марфе. Сначала Марина загрустила, потом они молились, и матушка Пелагея продолжила ее учить азам чтения. Вечером на припечке горела лучина, они вдвоем сидели у стола, а Пелагея рассказывала Марине о святых, Каине и Авеле, о грехе Адама и Евы, после ужина долго молились. Спала Марина на печи, хотя печь была маленькая, но ей одной было просторно. Устав от похода и новых впечатлений, Марина быстро уснула. В ночи проснулась от испуга. Где я? Боялась пошевелиться, вдруг упаду, где здесь слазить с печи? Начала прислушиваться, темнота немного стала отступать, снизу послышался голос:

– Ты не спишь, Марина, – Марина узнала голос Пелагеи и вспомнила, где она.

– Я испугалась.

– Такое бывает, на новом месте на печи случается, что человек заблудится. Ты помолись, и все пройдет.

Марина успокоилась и притихла, сон не приходил, вспомнился дом, печь, Пилипок, Акулина. Спят где-то там далеко. Казалось, так далеко это все, и так давно это было. Незаметно она заснула.

Как во сне прошли дни в молитвах, чтении больших книг и учении грамоте, в субботу после обеда матушка Пелагея сказала, что будем собираться в церковь в ваше село. На молитве Марина встретила бабу Марфу и обрадовалась. Баба Марфа благодарила матушку Пелагею, а когда они остались с Мариной, сказала ей, что у них ждут сватов.

На обеде собралась вся семья: Захар, дед Игнат, баба Марфа и Фекла были в праздничных одеждах, веселая ходила по хате Акулина. Ждали сватов. Марине очень хотелось посмотреть, как сватают, у нее сжималось все внутри, и возникал вопрос: а когда и у меня такое будет, будут сватать? Сразу вспомнила Артема, тоже заулыбалась, так он же встречается с теми вертихвостками, от такой думы у нее испортилось настроение, она залезла на печь и смотрела оттуда за происходящим. Договорились, что свадьба будет после Великого поста, потом и уйдет Акулина к мужу. А потом все враз заговорили, в хате стало весело и шумно, накрывался стол, долго спорили родители Акулины со сватами, где кому садиться, а больше всех были счастливы молодые. Уже ушли сваты, а застолье продолжалось до поздней ночи и чуть было не закончилось дракой, Захар обзывал матюгами Феклу и норовил ее ударить, но дед Игнат их быстро утихомирил. Улеглись спать поздно в ночи. Когда в хате стихло, Мария лежала с открытыми глазами, ей не спалось, чего-то она ждала, вдруг поняла, что ей хотелось, чтобы Пилипок ее обнял и прижал к себе. Испугалась она той мысли, стала читать молитву, повторяя про себя: «Господи, прости меня, грешную».

2

Работ в доме и по хозяйству, как говорила баба Марфа, было невпроворот. Всем доставалась работа, получали и тумачи от Захара и Игната, сказывалось отсутствие Федора и Прокопа, которые отправились в извоз. Торопился завершить мужские работы Захар, через день-другой он собирался уходить до весны с артелью, а может, и дальше, надо было готовить приданное Акулине.

Когда ушел Захар, работы для каждого еще прибавилось, нужно было закончить с коноплей и льном, только завершили с зерном и просом. К вечеру уставали, рано ложились спать. Грустной ходила Василиса, и дед Игнат ворчал, а баба Марфа вступалась за нее, тогда Игнат начинал костерить Марфу, стояли крик и ругань в гумне. Другой раз баба Марфа забирала Василису, чтобы вместе досматривать и кормить скотину, тогда дед Игнат переключался на Феклу, но ее он ругал для отвода глаз. Всем говорил: придет воскресенье – и отдохнем.

В воскресенье после службы в церкви собирались на обед, обедали молча и безрадостно. После обеда дед Игнат прилег на лавку, а баба Марфа пошла на свою половину, Василиса с Акулиной и Мария забрались на печь и задремали, после сытного обеда всех сморил сон. Зима устанавливала свои порядки, день стал короткий, не успеешь прилечь, как надо кормить и доглядывать скотину. Дед Игнат поднялся и громко проговорил:

– Пойду положу сена коровам и коням.

Все начали подниматься, у каждого было свое занятие. Только Василиса повернулась на другой бок и опять заснула. Акулина засобиравалась помогать матери и бабе Марфе готовить еду для свиней и доить коров. Мария носила приготовленный корм. На дворе было пасмурно и ветрено. Хотелось быстрее в тепло. Баба Марфа ворчала, что Игнат еще не накормил коров, и они будут беспокойно стоять.

– Сходи, Марина, скажи деду, пусть быстрее положит сено коровам, а то своих коней, наверное, кормит.

Марина на пути к сеновалу встретила Акулину. Та ее выслушала и со смехом сказала, чтобы быстрее бежала в хату, а то сопля под носом примерзнет.

Акулина знала, что дед, как петух, обхаживает всех своих курей, так он обхаживает своих невесток, только рядом была одна Фекла, а остальные жили далековато, и как там у них, слухов не было. Встречаясь на вечерках с подругами да и при разговорах с женщинами постарше говорили: замуж выйдешь, там всякое может быть, мужики уйдут на заработки, останутся вокруг тебя одни бабы да старики, и свекру рада будешь, но тогда и порядок во дворе и в хате есть. Так и Марину она учила, что в доме услышишь или увидишь, за плетень не выноси, да и своим не все рассказывай. Услышав такое, Мария заплакала и начала говорить, что это грех, блуд.

– Перестань плакать. В семье всякое бывает, только говорить об этом не нужно. Коли ты считаешь, что это грех, иди в монастырь

Акулина постояла молча и ушла к коровам. Марина стояла растерянная и, как ей казалось, убитая горем. Для Акулины все просто, она сильная, ее и мама боится. Мысли вновь и вновь возвращали к тем словам, которые она слышала в церкви на проповедях отца Никифора, наставлениях матушки Пелагеи о блуде и грехе.

В каждодневных работах подошла очередь делать лен на пряжу. Работа велась в гумне и легла она на плечи деда и Пилипка, а Марина им помогала. Дед Игнат и Пилипок мяли снопы льна. Пилипок раскладывал их под длинный деревянный нож, а дед поднимал нож за ручку и резко его опускал. Ладу в их работе не было. Дед Игнат покрикивал на Пилипка за нерасторопность и медлительность. Тот огрызался, потный и грязный. Вокруг льномялки стояла мелкая пыль и летела костра. Когда пришла мать, дело пошло быстрее. Работали молча, лица их покрылись пылью, костра летела за ворот, прилипала к губам, к телу, попадала в глаза. Только думы спокойно носились в голове, да мелькнет, бывает, улыбка у кого на лице. У Марины были

думы вначале о матушке Пелагеи, хорошо бы быть сейчас у нее, слушать ее суровый голос, рассказы о святых, о травах. Ее мечты прервал окриком дед Игнат:

– Ты что, заснула, давай быстрее относи костру, что, не видишь, сколько собралось, ступить некуда.

Марина кинулась к льномялке и начала собирать костру в корзину, выгребая ее из-под ног Пилипка.

Так и работали в гумне три дня, к вечеру уставали, еще помогали досматривать скотину, ужинали и быстро засыпали. В субботу потерябленный лен и коноплю аккуратно развесили, оставалось его потрепать, выбить из него остатки костры и расчесать для применения в разных делах: то ли веревки вить, то ли полотно ткать.

Баба Марфа и Фекла настраивали веретена, чтобы делать пряжу из льна, Марина пыталась им помочь, но только заминала им в работе. Баба Марфа сказала ей, что завтра рано утром они идут в церковь, там должна быть матушка Пелагея.

Матушка Пелагея в церковь зашла, когда заканчивалась служба, видно, кого-то лечила, предположила баба Марфа. Постояв в молитве, Пелагея подошла к Марфе, поприветствовала ее, и они тихо о чем-то говорили. На выходе баба Марфа взяла Марину за руку:

– Идем скорее, сегодня тебя матушка Пелагея заберет с собой, дня через три она приведет тебя обратно.

Собралась Марина быстро. Мать на нее ворчала, вот барыня, три дня гули будет править, а тут работ невпроворот. Баба Марфа молча слушала ворчание Феклы и миролюбиво произнесла:

– Опять ты, Фекла, за свое. Управимся с работами. Василису больше нагружай, коровы не доены, а она еще спит.

По дороге с матушкой пошли разговоры о деревьях, птицах, что остались зимовать в здешних лесах, так за рассказами они и не заметили, как подошли к хатке Пелагеи. Все три дня Марина была занята. Пелагея брала ее, когда шла к больной женщине, которую сильно забодал бык. Марина быстро стала понимать, что надо подать и чем помочь Пелагее, она с опаской помогала перевязать разбитый бок женщины, потом вместе они читали молитву, стоя с иконой. Другой раз они были у мальчика. Мальчик второй день лежал в жару, Пелагея долго стояла возле него и шептала молитву, потом дала пить настоя. Присела и опять стоя молилась, там они пробыли до позднего вечера. Жар у мальчика спал, а Пелагея все молилась и молилась. Ночевать остались в доме возле мальчика.

Марина стала часто ходить к Пелагее, она скоро по слогам уже читала большие книги, часто ходила с Пелагеей к больным, научилась делать отвары из трав. Так пробежала зима и уже начало пригревать солнышко.

В следующий приход домой она узнала, что Артем сосватал девушку с их улицы, летом будет венчание.

3

Игнат вел непростое хозяйство. В его понятии хозяйство – это была вся семья с бабами, детьми и внуками, постройки, скотина. За всем нужен был глаз и внимание, все есть хотят, а где возьмешь, если не вырастишь да не сложишь и не сохранишь, а еще нужно одеться. Он ничего не планировал, а приходила пора – сеял, приходила пора – косил, убирал, молотил, и все жили по его, а вернее, по установленному кем-то порядку. Постоянно не хватало рабочих рук, и если кто выбивался из этого порядка, Игнат ругался, кричал и был не в духе. Для него не существовало особого порядка для жильцов семьи, для лошадей или коров и другой живности. Нужно было и для кобылы жеребца искать и договариваться, и бычка держать, чтобы были телята, а иначе как. Так же он относился к своим невесткам и жене. Приходило время,

и у него возникала естественная потребность, он не считал ее греховой или позорной. Каким-то только ему ведомым чувством узнавал желание такой потребности у жены или невесток. Тогда происходило то, что происходило в семье его отца и деда. Только вот невестки не сразу это понимали и артачились, а потом смирялись. Да и не смотрели на других парней и мужиков, когда мужья были на заработках или отъезде. Не дай бог другой завладеет какой из баб, какой позор будет семье, еще ворота дегтем вымажут, как у Архипа. Вот только Марфа ворчит, так ворчит она для порядка. Такое было понятие у Игната о своем хозяйстве. Чуть что не так, и весь порядок начинает валиться, всякое дело получается наперекосяк.

Бывало, всплывала у него злоба на Феклу, хорошая баба, а не устояла. С другой семьи ее дочка Марина. С другой семьи. В хорошем расположении духа рассказала ему Марфа, когда Игнат привез ей из извоза яркий платок на голову. К бабе чуть ласковей да еще купи безделушку, все отдаст и все расскажет.

4

В их округе в лесу пана Грушевского-младшего по имени Юзеф росла удивительная черника. Откуда она там появилась, никто не знает. Каждый год собирали ее женщины с их деревни. Они выезжали туда на целую неделю, несколько раз ездили туда Марфа и Фекла. Разрешалось собирать ягоды монастырским работникам, монахиням и послушницам, а после их сбора могли для себя собирать сельчане, только была ягода уже потоптанная и не так ее много. В то лето посмотреть удивительные ягоды приехал с приказчиком пан Грушевский, он летом часто с семьей отдыхал в здешних местах. Как оказалось, его удивляли не только ягоды, но и деревенские барышни и женщины. Положил он свой глаз на Феклу. Марфа с Феклой отвозили на бричке пана собранные ягоды в усадьбу, где их рассыпали для просушки и отбирали для приготовления панских яств. Пан Юзеф был в женских делах не промах. Стал ласково разговаривать с Феклой, а разве откажет Фекла пану, да такому, как ей казалось, молодому? Вот и довозились, хорошо, что вскорости Захар вернулся с работ в артели. Родилась девка у Феклы раньше срока, а от кого, неизвестно. Выслушал эту историю Игнат молча, потом настрого запретил Марфе говорить кому-либо об этом. Только чувствовал, что проболтается Марфа, известное дело баба. Но не все рассказала Марфа мужу.

При упоминании о пане Грушевском даже самые строгие монахини замолкали. Имел он особую силу на женщин, посмотрит он на женские руки, или на лицо, или на бедра, и с женщиной начинало твориться что-то необычайное. Она начинала краснеть, глаза становились маслянистыми и неподвижными, дыхание учащалось, порой приоткрывался рот, и она терялась и была сама не своя, а принадлежала непостижимому желанию, которое шло из нутра, снизу живота. Ей никуда не хотелось уходить и освободиться от этого набежавшего чувства, и она оставалась на месте на милость пана Грушевского, так было со многими женщинами, мало кто не испытывал этого испепеляющего взгляда такого обходительного и молодого пана. В тот день Марфа и Фекла привезли ягоды на панский двор, их надо было в корзинах поднимать по лестнице на чердак, где они сохли для варки киселей. Пан Грушевский уже был во дворе и показывал, куда нести и поднимать корзины. Стоял он возле лестницы и наблюдал за Феклой. Феклу уже охватило непонятное волнение, и она, взяв корзину, стала подниматься по ступенькам и, глянув вниз, встретилась со взглядом пана. Она чудом устояла на ступеньке, тяжело задышав. Марфа подносила корзины и видела, как пан смотрит на Феклу, и сразу догадалась о его желании. Он взял полную корзину и сказал Марфе, что он ее сам поднимет наверх. Марфа отошла к двери и остановилась. Ей был слышен прерывистый голос Феклы и слова: «Ой, паночку, что вы делаете, ой, паночку», и дальше раздался громкий вскрик, от которого у Марфы все сжалось и по телу пошли судороги. Ей хотелось, чтобы они повторялись еще и еще. По лестнице спускался пан Юзеф, он прошел мимо Феклы, ничего ей не сказав. Сколько стояла Марфа, она

не помнила, наверху кто-то ходил, Фекла пыталась спуститься по лестнице, и этой ей это никак не удавалось. Марфа пришла в себя первой, взяла корзину с ягодами, ставшей такой тяжелой, и, медленно переступая, прошла несколько ступенек, потом еще. У Феклы спала вниз нижняя юбка, сарафан был расстегнут, и виднелась полная белая грудь. Увидев перед собой Марфу, стала поспешно застегиваться. Молча они подняли все корзины, разложили ягоды и так же молча ехали почти до самого двора.

– Я ничего, Фекла, не видела и никому ничего не скажу, ты не бойся, а пан этот чистый дьявол, не иначе, – как клятву произнесла Марфа.

– А я ничего и не боюсь, сейчас можно и на смерть идти, не страшно, – каким-то чужим голосом ответила Фекла.

– Кинь такое говорить, у тебя дома дети, – на том и закончился их разговор.

Еще дня три Фекла была сама не своя, они с Марфой продолжали возить корзины с ягодами и все высматривали пана Юзефа, а тот не появлялся, потом кто-то сказал, что пан отъехал и будет недели через две, а точно он появляется на Спас. «Уже ж старая я баба, что мне надо, а ты поглядь, как прихватило, опять сладости внутри захотелось». Это Марфа не могла рассказать никому, молчала об этом и на исповеди.

5

Захар и Прокоп к Пасхе с заработков не вернулись. На всенощной всей семьей были в церкви. После Пасхи установилась теплая погода, текли ручьи, быстро на высоких местах подсыхало. Односельчане потянулись на улицу, больше всего теплу были рады дети. Весело и шумно проходила пасхальная неделя. Улыбчивыми была Василиса и Фекла, Акулина больше времени проводила со своим суженым. В хате царили лад и спокойствие, только баба Марфа ворчала на Игната. Марина тоже повеселела, часто был слышен ее звонкий смех, они с Пилипоком участвовали в играх и приходили домой радостные и возбужденные. В тот вечер они пришли, когда в хате уже спали. Марина быстро согрелась на печи и вскоре уснула. Сквозь сон слышала, как рядом укладывается Пилипок. Ей снилось, что идут они с бабой Марфой мимо панской усадьбы, солнце яркое, а позади туча черная надвигается, заспешили они к хатке, что возле леса, а там матушка Пелагея стоит и машет рукой. Спешат, а туча уже солнце закрыла, и удар грома и раскаты слышны. Матушка Пелагея недалеко, падают первые капли дождя, и вдруг вспышка ярче молнии. Марина открыла глаза – и снова вспышка. Марина схватилась, села у стены и прижала колени к груди. Тело пылало и дрожало. Рядом присел Пилипок и зашептал:

– Что с тобой?

В хате было тихо, все спали. Марине стало холодно, она легла и накрылась мешковиной, прижала колени к груди, возвращалось тепло, дрожь в теле утихла.

– Пилипок, меня ждет матушка Пелагея, – прошептал она, и у нее потекли слезы.

Марина ушла к Пелагее на следующий день после той ночи. О своем уходе она сказала только бабе Марфе. Та собрала ее и вывела за село.

– Иди, побудь у матушки. Не будет тебе жизни в нашей семье, чужая ты в ней. Течет у тебя панская кровь, только никому об этом не говори, против тебя это будет, да и на нашу семью позор ляжет.

– Так я во грехе родилась! – воскликнула Марина.

– Все мы во грехе родились. Жизнь у тебя еще длинная, многое увидишь и познаешь. Слава богу, что ты живешь, а коли так, то устраивайся в этой жизни. Матушка Пелагея может многому тебя научить.

На том и разошлись они с бабой Марфой. Матушку Пелагею она встретила возле хатки и тихо приветствовала ее. Марина в какой-то момент подняла глаза и встретила со взглядом

Пелагеи. Взгляд пронзил ее своею пронизательностью, Марине казалось, что Пелагея видит каждую клеточку и читает каждую мысль, и у нее заболело что-то внизу живота. Марина находилась под полной властью этого пронизательного взгляда, теряла силы и возможность двигаться. Еще немного, и она могла бы упасть. В голове мелькала мысль, что Пелагея знает о ее греховных мыслях. Тело стало потным, перехватывало дыхание, в ногах появилась слабость. Вспомнились слова Пелагеи: все в жизни может быть, коли грех совершила, молись, кайся и проси Всевышнего о прощении. Не все нам ведомо и все в воле Его.

– Проходи, мне будет с тобой спокойней, да и помощница мне нужна, я давно хотела Марфу просить, чтобы отпустили тебя.

У матушки Пелагеи Марина прожила все лето. Они вдвоем, если кто из монашек или послушниц заболел или появлялся недуг, шли в монастырь с травами и различными снадобьями. Мария никак не могла понять, как матушка узнавала, что кто-то в монастыре заболел, а спросить не отваживалась. О способностях матушки Пелагеи лечить знали в окрестных местах и приходили к ней за помощью, она шла не ко всем. Бывало, скажет: «Прогневал ты Всевышнего, и нельзя мне идти к тебе и не проси». Скажет и уйдет, и кто бы больше ни просил, не шла. Лечила разные болезни, говорила мало и строго. И все у нее сводилось к поступкам. Бывало, спросит: «А зачем ты продал прелое сено в соседнюю деревню?» Человек уже и забыл об этом, да и тот рад был, что нашел, где купить по малой цене. Ан, вот спрашивает, зачем продал прелое сено. Потом подумает человек, и под ее взглядом станет ему совестно, а ведь просил человек меньше и говорил, что сено не очень и дома беда, а ты не послушал и продал по назначенной цене.

– Молчишь? Будешь жадничать, к тебе беда придет.

Потом смотрела больного, что-то спрашивала, шептала слова молитвы, давали травы, рассказывала, что с ними надо делать.

Потом вдруг скажет:

– Не гневите Бога, – и уходит, ничего не сказав больше.

Пелагея и Марина много времени проводили в лесу, вот тогда Марина многое узнала о лесе и его обитателях, о здешних птицах, их повадках, распознавала их голоса, еще больше познала о травах и стала относиться к ним не как к травам для сена, а как к самой дорогой клади, данной человеку. Учила Пелагея, как ориентироваться в лесу, разговаривать и подходить к каждому дереву. Бывало, подойдет к березе, обнимет ее и стоит минуту другую, а то к дубу спиной прислонится, сил у него просит.

В конце лета пошли дожди, матушка Пелагея и Марина в хате читали молитву. Дождь не переставал, и они тихо сидели и думали каждый о своем.

– Отведу тебя, Марина, в монастырь и буду просить, чтобы взяли тебя послушницей, взрослая ты становишься, домой ты возвратиться не готова еще. Ты подумай, если согласишься, через день-другой пойдем, да и приболела там настоятельница, помощь ей нужна. От Марфы благословение получить надо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.